

Пр. 12264

Проф. М. И. Туган-Барановскій.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

КУРС ПОПУЛЯРНЫЙ.

56

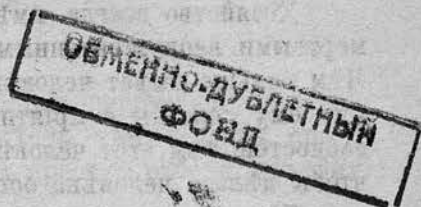

ОБМЕННО-ДУБЛЕТНЫЙ
ФОНД

В И Д А Н И Я

Дніпровського Союзу споживчих союзів України.
Київ, 1919 р.

Удоско

ВВЕДЕНИЕ.

Чѣм занимается политическая экономія.

Хозяева бывают плохіе и хорошіе, но всякій человекъ, кто-бы он ни был, богатый или бѣдный, ученый или неученый, всякій имѣет свое хозяйство. Что же такое хозяйство и что значит хозяйничать?

Когда учитель учит дѣтей, или доктор лечит больных, то они, конечно, заняты очень важным дѣлом. Однако, мы не говорим о них, что они заняты хозяйством. Значит, не всякое полезное и важное дѣло должно считаться хозяйством.

Но когда крестьянин пашет поле, молотит собранный им хлѣб, рубит дрова, рабочій на фабрикѣ ткет на ткацкой машинѣ, инженер вычерчивает рисунок желѣзнодорожнаго моста или купец продает в лавкѣ—это все назовут хозяйством. Чѣм же отличается хозяйство от того, что мы не называем хозяйством?

Если хорошенько вдуматься в тѣ случаи, когда мы говорим „это хозяйство, а то не хозяйство“, то легко сообразить, что хозяйством мы называем только такое дѣло, которое приводит к какому либо измѣненію нашего отношенія к вещам, окружающим нас и нужных нам для той или другой надобности. Наше хозяйство всегда заключается в том, что мы приобретаем тѣ или инныя нужныя нам вещи, завладѣваем ими, измѣняем их.

Чтобы жить, человекъ должен пить, ѣсть, имѣть одежду, дом и т. д. Все это нужно приготовить и приобрести. В готовом видѣ нужных нам вещей на свѣтѣ мы не находим—жаренныя куропатки только в сказках падают человеку прямо в рот. Значит, чтобы жить, мы должны поработать над вещами, которыя нас окружают; чтобы получить хлѣб, необходимый для жизни, нужно вспахать поле, засеять его и т. д. Или—если мы сами поля не пашем—то мы должны купить хлѣб у того, кто пашет поле. Это все и будет хозяйством.

Вот почему каждый человекъ имѣет свое хозяйство—вѣдь никто не может жить без пищи, одежды, дома и пр.

Но если наша работа направлена не на вещи, а на самого человека, то она не называется хозяйством. Поэтому мы не называем хозяйством работу доктора, который лечит человека, хотя работа эта спасает жизнь человека.

Хозяйство всегда имѣет дѣло с вещами — конечно, не только с мертвыми, неодушевленными вещами, но и с животными и растеніями. Чѣм больше имѣет человѣкъ в своем распоряженіи этих вещей, которыя ему полезны и пріятны, служат ему для тѣх или иных его надобностей, тѣм этот человѣкъ богаче. И хозяйство служит для того, чтобы дѣлать человѣка богаче.

Бѣднымъ человѣкомъ мы называем такого, у котораго мало вещей, которыя могли бы служить его нуждамъ; у кого же такихъ вещей много, того мы называем богатымъ.

Не только отдѣльные люди, но и народы различаются друг от друга по своему богатству: есть народы богатые, есть и бѣдные народы. Так, если мы будемъ сравнивать между собой различныя государства по тому, сколько приходится в каждомъ изъ нихъ дохода в годъ на 1 душу населенія, то получимъ такія цифры:

Франція	500 рублей.
Англія	470 „
Германія	300 „
Россія	80 „

Правда, всѣ эти цифры большой точностью не отличаются, такъ какъ очень трудно подсчитать доходы всѣхъ жителей того или другого государства. Однако, все же онѣ даютъ правильное представленіе, до какой степени различны богатства отдѣльныхъ народовъ и какъ бѣдна, напр., Россія, сравнительно с другими народами.

Однако, не только одинъ народъ различается от другого по своему общему богатству: и среди одного и того же народа мы замѣчаемъ очень большія различія между отдѣльными людьми по ихъ богатству и зажиточности. У всѣхъ народовъ мы видимъ, что рядомъ с очень богатыми людьми имѣются очень бѣдные; но у однихъ народовъ такія различія больше, у другихъ—меньше.

Такъ напр., если мы возьмемъ Данію или Швейцарію, то в этихъ небольшихъ государствахъ мы не встрѣтимъ людей, обладающихъ колоссальнымъ богатствомъ в сотни милліоновъ рублей; но в то же время в этихъ государствахъ мало имѣется и круглыхъ бѣдняковъ, людей, которымъ нечѣмъ прокормиться и которые стоятъ на краю голодной смерти.

Напротивъ, в Англіи, Германіи, Россіи, Украинѣ мы видимъ рядомъ с огромными богатствами в рукахъ отдѣльныхъ лицъ примѣры и крайней бѣдности. В Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки случаи крайней бѣдности не такъ многочисленны, однако, различія между богатствомъ однихъ и бѣдностью другихъ здѣсь очень велики потому, что ни в одной странѣ не наблюдается такихъ невѣроятныхъ скопленій богатства в рукахъ отдѣльныхъ богачей, какъ в этой странѣ.

Сотни лицъ в Америкѣ считают свои богатства не милліонами, и даже не десятками милліоновъ, а сотнями милліоновъ рублей на наши

деньги. Такие богачи, которых называют миллиардерами—владельцами миллиардов—получают в день больше дохода, чем человек среднего достатка получит в 10-ть лет или чем простой рабочий получит за всю свою жизнь.

Израсходовать на свои нужды в день двадцать, тридцать, сорок тысяч рублей невозможно и для миллиардера—можно, конечно, эти деньги расшвырять, подарить, выбросить в окошко, но затратить на свои разумные нужды такие огромные суммы нельзя при самой роскошной жизни и потому богатство таких миллиардеров быстро растёт—они не в силах тратить своих доходов и в их руках скопляется все больше и больше богатства.

Почему же богатства у различных народов так не одинаковы? Почему, напр., Россия и Украина так бедны сравнительно со всеми другими европейскими государствами? Почему у одного и того же народа мы замечаем такие огромные различия в богатстве отдельных людей? Почему рядом с богатством одних, достигающем иногда таких невероятных размеров, как у американских миллиардеров, мы повсюду замечаем и такую жалкую бедность? Откуда вся эта нищета, все это народное горе — и как достигнуть общего достатка, уничтожения народной нищеты, не только вызывающей неисчислимные страдания народа, но и духовно унижающей, отупляющей людей, лишаящей их возможности пользоваться всем тем, что красит жизнь человека и поднимает его над уровнем животного?

Все эти вопросы являются самыми основными и важными для современного человечества. Человечество не стоит на месте, но идет вперед. Если сравнить человеческое общество нашего времени с тем, что мы видели сотни и тысячи лет тому назад, то мы будем поражены, как велики успехи, достигнутые людьми. Какими убогими и жалкими кажутся нам наши предки, не знавшие железных дорог, фабрик, океанских пароходов, автомобилей, аэропланов, подводных лодок и прочих чудес современной техники.

Однако, как ни грандиозны достижения человечества, в одной области мы не замечаем почти никаких успехов: человечеству все еще не удается преодолеть бедности. И теперь, как и сотни лет тому назад, миллионы людей живут на краю голодной смерти и не принимают никакого участия во всем том, что мы называем просвещением, наукой, искусством, благами цивилизации и культуры; эти миллионы ничего не получают от огромного роста народного богатства, скопляющегося в руках немногочисленной части общества и почти ничем не участвуют в умственной жизни человечества.

Что же удивительного, что жгучая вражда раздражает современное общество и что мы все живем, как на краю вулкана. Отчаяние и ненависть народных масс могут всегда вспыхнуть и привести го-

сударство к гибели, как это мы видѣли в русскую революцію 1917 г., когда недавно еще столь мощная Россійская имперія распалась на куски и сошла с исторической арены.

Всѣми этими вопросами — вопросами о причинах различій богатства и бѣдности народов, различнаго распредѣленія богатства внутри каждаго народа и наблюдаемой столь часто устойчивости бѣдности среди растущаго богатства — занимается наука, именуемая политической экономіей. Политическая экономія изучает, в его историческом развитіи, современный хозяйственный строй; в этом строѣ мы наблюдаем борьбу двух родов хозяйства — капиталистическаго хозяйства, в котором работающій человек подчинен владѣльцу средств производства, капиталисту, и трудового хозяйства, в котором во главѣ хозяйства стоит сам работающій человек. От хода этой борьбы зависит большее или меньшее благополучіе трудящихся народных масс и общее направленіе міровой исторіи.

Все это должна выяснить и освѣтить экономическая наука — и вот почему она привлекает к себѣ такое вниманіе нашего времени.

Часть первая.

Капиталистическое хозяйство.

Глава I.

Хозяйственный строй до капитализма.

I.

Если оставить в сторонѣ первобытное общество дикарей, живущих охотой или рыболовством, то во всѣх до сих пор бывших обществах людей мы видим различіе богатых и бѣдных, причем богатые всегда являются, вмѣстѣ с тѣм, правителями и господами, а бѣдные находятся в зависимости от богатых и подчиняются им.

Только у самых диких народов этого не наблюдается. Но с тѣх пор, как образовалось государство, различіе богатых и бѣдных, господ и слуг неизмѣнно сопутствует человѣческому обществу.

Таким образом, в основаніи всѣх до сих пор бывших государств лежит имущественное неравенство и, значит, вмѣстѣ с тѣм, борьба и насиліе, ибо, очевидно, бѣдные отнюдь не добровольно отказываются от богатства, но принуждаются к этому силой богатых.

В государствах древняго міра бѣдные были рабами богатых. Возьмем, напр., Грецію—ту страну, с которой начались успѣхи науки и искусства. До настоящаго времени все современное человѣчество учится у великих греческих философов, поэтов и художников. И теперь, как и тысячи лѣтъ тому назад, сочиненія Гомера, Софокла, Платона восхищают, трогают и поучают людей; греческія статуи, хотя из них сохранилось очень немного и большинство сохранившихся имѣются в поврежденном видѣ, полуразбитыя и пострадавшія от времени, по прежнему кажутся нам неподражаемыми образчиками красоты. Открытіе при раскопках новой греческой статуи составляет в наше время событіе, о котором газеты разносят вѣсти по всему міру—до такой степени мы остаемся, несмотря на всѣ наши успѣхи в дѣлѣ искусства, учениками греков.

В исторіи человѣчества не было примѣра болѣе гениальнаго народа, чѣм были греки. Народ этот был очень немногочислен и жил

в небольшой странѣ, которая по своим размѣрам не превосходила какой-нибудь Полтавской губерніи. Их историческая жизнь продолжалась недолго—всего нѣсколько сот лѣтъ и закончилась уже много вѣков тому назад.

И, однако, человѣчество никогда не забудет Греціи, ибо Греція положила основу всему тому, чѣм мы теперь живем и чѣм мы гордимся.

Что же было почвой, на которой выросло это удивительное греческое искусство и греческая философія? Приходится отвѣтить, что почвой этой было рабство, самое беспощадное угнетеніе греками других болѣе слабых народов, из среды которых греки набирали своих рабов.

В том греческом государствѣ, которое болѣе всего дало человѣчеству и которое было средоточіем греческой просвѣщенности—в Афинах, количество рабов в нѣсколько раз превосходило количество свободных людей. Великіе греческіе философы—Платон и Аристотель—не могли себѣ представить возможности человѣческаго общества, не основаннаго на рабствѣ. По убѣжденію этих лучших представителей греческаго общества, хозяйственный труд недостойн свободнаго человѣка и должен исполняться рабами; рабы должны пахать землю, прясть, ткать, исполнять плотничныя и столярныя работы, добывать руду для того, чтобы свободные граждане могли отдавать свое время общественным и государственным дѣлам, искусству и философіи.

И дѣйствительно, только на основѣ рабства греческое общество могло достигнуть такого удивительнаго процвѣтанія.

Машины были почти неизвѣстны людям того времени и орудія хозяйственнаго труда были крайне просты и грубы. Чтобы с такими несовершенными инструментами строить роскошные дворцы, удивительные по своей красотѣ и богатству отдѣлки храмы и публичныя данія, полныя статуи из самых дорогих матеріалов, требовалась невѣроятная затрата труда. И весь этот блеск, вся роскошь жизни могли достигаться только благодаря тому, что люди древняго міра располагали трудом огромнаго количества рабов, которых они считали неравными себѣ людьми, а животными, обреченными служить им своим трудом, как служат человѣку своей работой лошади или рогатый скот. Такова была истинная основа расцвѣта греческой науки и греческаго искусства.

Вот почему даже лучшіе греки не могли представить себѣ иного общества, кромѣ основаннаго на рабском трудѣ. Они были убѣждены, что рабство представляет собою условіе самой возможности развитія наук и искусств и что отказ от рабства равносителен возврату к первобытной дикости.

Конечно, самим рабам от этого было не легче. В рабствѣ угнетеніе человѣка человѣком выступает в самой грубой и тяжелой формѣ.

Рабы ненавидѣли своихъ господъ, но свергнуть ихъ господства не могли потому, что стояли слишкомъ низко по всему складу своей жизни: вся образованность того времени была сосредоточена въ господствующемъ классѣ общества, рабовладѣльцахъ, рабы же по своему умственному развитію стояли на уровнѣ первобытныхъ дикарей. Рабы были осуждены всю свою жизнь, безъ всякой надежды на лучшее будущее работать на пользу своихъ господъ, получая въ своихъ грязныхъ и темныхъ хижинахъ скудное пропитаніе, необходимое, чтобы не умереть съ голоду. А господа жили въ роскоши, въ великолѣпныхъ дворцахъ, среди чудныхъ произведеній искусства, создавали ту великую культуру древняго міра, которая до настоящаго времени приводитъ насъ въ восхищеніе.

Особенно было тяжело положеніе тѣхъ рабовъ, которые были заняты изготовленіемъ разнаго рода товаровъ для продажи. Если рабъ работалъ только для нуждъ своего господина, то его жизнь была болѣе сносной—рабовъ было много и нужды хозяина легко достигали своего удовлетворенія. Рабамъ въ этихъ случаяхъ часто нечего было дѣлать и они были толпой тунеядцевъ, которые окружали своего господина, оказывали ему всякія мелкія услуги, но никакой серьезной работы не выполняли.

Но если рабы выдѣлывали тѣ или инныя издѣлія для продажи—дорогія ткани, металлическія издѣлія, оливковое масло и т. п.,—то хозяева заставляли ихъ трудиться до послѣдняго предѣла ихъ силъ, побуждая къ труду безпощадными тѣлесными наказаніями всякаго рода. И это по очень понятной причинѣ: домашнія нужды человѣка легко достигаютъ удовлетворенія, но жажда денегъ не знаетъ насыщенія. Сколько бы ни было денегъ у человѣка, онъ всегда можетъ желать ихъ еще больше; и потому, когда издѣлія рабовъ поступали въ продажу, то сколько бы этихъ издѣлій не изготовили рабы, хозяинъ требовалъ отъ своихъ рабовъ все больше и больше работы.

Такимъ образомъ, исторія человѣчества начинается съ распадѣнія общества на враждующіе классы рабовладѣльцевъ и рабовъ. Все, что вырабатывалъ рабъ, поступало въ неограниченное распоряженіе господина, который нѣкоторую часть выработаннаго возвращалъ на содержаніе рабу, а большую часть сохранялъ себѣ для удовлетворенія своихъ потребностей или же для увеличенія своего богатства.

Въ основѣ рабскаго общества лежало, такимъ образомъ, присвоеніе господствующимъ классомъ общества рабовладѣльцами, не принимавшими непосредственнаго участія въ хозяйственномъ трудѣ, большей или меньшей доли труда рабовъ, занятыхъ хозяйственнымъ трудомъ.

II.

Рабство постепенно смѣняется крѣпостнымъ правомъ. Классъ крѣпостныхъ крестьянъ образовался двумя различными путями. С одной

стороны, положеніе рабов постепенно настолько улучшилось, что они перестали быть неограниченной собственностью своего господина и за ними стали признаваться извѣстные человѣческія права. Иначе говоря, рабы возвысились до положенія крѣпостных—хозяин сохранил за собой право на их труд, но уже утратил право на их личность.

Рядом с этим, класс крѣпостных крестьян возник совершенно иным путем. Послѣ паденія Римской имперіи мы застаем большую часть земли в новых государствах, возникших на развалинах прежняго Римскаго государства, во владѣніи многочисленных свободных крестьян. Эти свободные крестьяне обрабатывали свою землю и в то же время несли воинскую службу во время войн, которыя в то время происходили часто.

Мало по малу земля стала уходить из рук свободных крестьян в руки новых господствующих классов—дворянства и духовенства. Дворянство образовалось из воинских предводителей, окружавших князя и управлявших, с князем во главѣ, страной и в мирное время.

Большая часть земли была в это время под лѣсом и лугами и не обрабатывалась, благодаря рѣдкости населенія. Пахоти было мало и всякій желающій легко мог захватить себѣ землю для обработки, сколько ему было нужно, так как свободныя земли имѣлись в избыткѣ.

Господствующие классы—князь, дворянство, церковь—стали прежде всего захватывать эту свободную, пустующую землю. Когда запас свободной земли уменьшился, а население возросло, на захваченной землѣ стали селиться крестьяне. Но их положеніе было уже иное, чѣм тѣх крестьян, которые жили на своей землѣ; поселившись на чужой землѣ, они естественно попали в зависимость от ея собственников.

Таким образом, мало по малу образовался класс крестьян, живших на землѣ князя, дворянства и духовенства.

Между тѣм, область крупнаго частнаго землевладѣнія все расширялась и расширялась. Вначалѣ князь, дворянство и духовенство захватывали только свободную, никѣм не занятую землю; потом они стали захватывать и ту землю, которая была уже занята и обрабатывалась свободными крестьянами.

В концѣ концов, через нѣсколько вѣков послѣ паденія Римской имперіи—приблизительно к 10—11 вѣкам послѣ Р. Х.—почти вся земля, как пустующая, так и находящаяся в обработкѣ сосредоточивается в государствах Западной Европы в руках крупных владѣльцев—помѣщиков. Все крестьянство к этому времени оказывается сидящим на чужой землѣ.

Но потеряв свою землю, крестьяне скоро потеряли и свою личную свободу. Сидя на чужой землѣ они стали крѣпостными своих господ.

получившим право распоряжаться трудом прежде свободных крестьян.

Таким образом, к 11 вѣку послѣ Р. Х. почти вся масса крестьянскаго населенія Западной Европы стала крѣпостными помѣщиков.

Самыми крупными землевладѣльцами этого времени были монастыри, которым набожные люди завѣщали свои земли и которые постоянно расширяли свое землевладѣніе как путем простого захвата земель мелких владѣльцев, так и путем покупки. Так как монастыри не продавали земли, однажды перешедшей в их владѣніе, то в руках духовенства скоплялось с теченіем времени все больше и больше земли.

Остальная земля перешла в собственность князей и дворянства. Таким образом сложилось на Западѣ крѣпостное право, которое на много столѣтій лишило личной свободы большую часть деревенскаго населенія Западной Европы.

Своего наибольшаго расцвѣта крѣпостное право на Западѣ достигает приблизительно в 11—12 вѣках по Р. Х. Затѣм оно начинает клониться к упадку и крестьяне постепенно возвращают себѣ утраченную свободу.

Разложеніе крѣпостнаго права шло в разных странах с различной быстротой, но под вліяніем причин довольно сходнаго рода. В общем можно сказать, что чѣм дальше на Восток, тѣм устойчивѣе было крѣпостное право и тѣм дольше оно сохранилось.

Так, в Испаніи, в Англіи, в Италіи крѣпостное право исчезает уже в 14—15 вѣках. Во Франціи крѣпостное право держится приблизительно до 16-го вѣка. В Германіи оно исчезает еще позже и в нѣкоторых провинціях Пруссіи даже в 18-ом вѣкѣ крѣпостное право существовало в самых тяжелых формах.

Чѣм же было вызвано постепенное исчезновеніе крѣпостной зависимости крестьян от крупных землевладѣльцев?

Мы видѣли, что крестьянин потерял свою личную свободу потому, что утратил свою землю. Но полученіе им личной свободы не было связано с возвращеніем ему земли.

Главнѣйшей причиной разложенія крѣпостнаго права на Западѣ можно считать одновременное развитіе средневѣковаго города, средоточія мелкой промышленности.

Свободные зажиточные городскіе ремесленники создали чрезвычайно любопытную общественную организацію—цех, сохранившій свою силу в теченіе многих столѣтій и обезпечившій процвѣтаніе городскому ремеслу.

Цех держал в своих руках все городское хозяйство и стремился к справедливому удовлетворенію хозяйственных интересов всѣх групп городского населенія. Цех заботился о том, чтобы покупатели

ремесленных издѣлій получали издѣлія хорошаго качества и по умѣренной цѣнѣ, которая была бы под силу покупателю и в то же время давала бы ремесленнику достаточное вознагражденіе за его труд. Выѣстъ съ тѣм, цех заботился, чтобы производители—ремесленники—не подрывали хозяйства друг друга, отбивая один у другого покупателей; чтобы этого не было, цех запрещал ремесленникам расширять свое производство дальше извѣстных размѣров и слѣдил за тѣм, чтобы это запрещеніе соблюдалось в дѣйствительности. В то же время цех заботился, чтобы ремесленники могли приобретать сырой матеріал по умѣренным цѣнам. И, наконец, цех опредѣлялъ размѣръ заработной платы, которую получали подмастерья, работавшіе по найму у мастеров.

Таким образом, постановленія цеха со всѣх сторон охватывали хозяйство городских ремесленников и не давали возможности одному обогащаться за счет другого. Конечно, были злоупотребленія, с которыми цеху не всегда удавалось бороться. Задача цеха—обеспечить всѣм группам городских жителей справедливое удовлетвореніе их нужд—никогда не достигалась полностью, а при упадкѣ цехового строя, мелочныя постановленія цехов относительно порядка производства, качества товаров, цѣн, заработной платы и пр. стали даже источником всякаго рода притѣсненій различных групп населенія со стороны руководителей цехов. Но в лучшую пору цехов, во время наибольшаго расцвѣта цехового ремесла, цеховая организація промышленности приводила к тому, что в средневѣковом городѣ большинство ремесленников жили в довольствѣ и имѣли все необходимое для их нужд. Не было очень богатых ремесленников, но не было и круглых бѣдняков. Полнаго согласія интересов, конечно, не было, но не было и очень значительнаго разногласія интересов—не было той ожесточенной вражды между различными общественными классами, которая отличает наше время.

Крѣпостное право, царившее в средневѣковой деревнѣ, не распространялось на город. Наоборот, средневѣковый город не признавал крѣпостной зависимости и каждый крѣпостной, прожившій в городѣ опредѣленное время, получал свободу. Отсюда средневѣковая пословица—„городской воздух дѣлает человѣка свободным“.

Таким образом, в средніе вѣка мы видим бок о бок два хозяйственных строя совершенно различнаго рода и совершенно противоположных по своему внутреннему содержанію. В деревнѣ царит крѣпостное право и самое грубое насиліе помѣщика над крестьянином; в городѣ же господствует хозяйственный строй, отрицающій насиліе и покоющійся на самой широкой свободѣ работающаго человѣка.

Два столь различных общественных строя не могли мирно ужиться в предѣлах одного и того же государства. И дѣйствительно,

рост средневѣковаго города неизмѣнно сопровождался упадкомъ крѣпостного права в деревнѣ.

Средневѣковому крестьянину былъ открытъ путь къ свободѣ—для этого ему было достаточно стать городскимъ жителемъ. И если крестьяне не бѣжали толпами в города, то это потому, что в город они не могли унести своей земли.

Во всякомъ случаѣ, близость города, воздухъ котораго дѣлалъ каждого свободнымъ, подрывалъ устои крѣпостного права и медленно, но неуклонно ослаблялъ крѣпостную зависимость крестьянина от помѣщика.

Именно в развитіи города и слѣдуетъ видѣть на Западѣ главнѣйшую причину постепеннаго отмиранія крѣпостного права: чѣмъ больше были развиты города в той или иной странѣ, тѣмъ раньше в ней исчезаютъ крѣпостныя отношенія. В Италіи, Испаніи и Англіи городская промышленность развивается раньше, чѣмъ во Франціи—и мы видимъ, что во Франціи крѣпостное право разрушилось позже; в Германіи мы наблюдаемъ то же—в то время какъ в южной и западной Германіи крѣпостное право исчезаетъ уже в 16-омъ вѣкѣ, в восточной Германіи оно держится до 18 вѣка; это вполне соответствуетъ гораздо большому развитію городской промышленности в южной и западной Германіи, чѣмъ в восточной.

III.

Что же касается Россіи и Украины, то здѣсь крѣпостное право возникаетъ гораздо позже, чѣмъ в Западной Европѣ. В 11 и 12 вѣкахъ, когда западно-европейская деревня почти не знала свободныхъ людей, на необъятной равнинѣ Восточной Европы крѣпостныхъ отношеній не было и слѣда. Это и не удивительно, ибо в это время у насъ населеніе было такъ рѣдко, что свободная земля имѣлась в избыткѣ и большая часть земли не принадлежала никому.

Однако, хотя и нѣсколькими вѣками позже, чѣмъ на Западѣ, и в Восточной Европѣ возникаетъ крупная земельная собственность приблизительно такимъ же путемъ, какъ и на Западѣ: земля захватывается в собственность господствующими классами—княземъ, предводителями княжеской дружины и церковью.

Къ 13—14 вѣкамъ в болѣе густо населенныхъ частяхъ русской равнины уже вся земля захвачена господствующими классами и крестьянство оказывается сидящимъ на чужой землѣ. Какъ и на Западѣ, потеря крестьянами земли ведетъ къ уtratѣ ими и личной свободы—земельный собственникъ закрѣпощаетъ крестьянина.

Разница в исторіи развитія крѣпостныхъ отношеній в Россіи и на Западѣ заключается в томъ, что в Россіи крѣпостное право оказывается гораздо болѣе живучимъ, чѣмъ на Западѣ. В то время какъ на Западѣ оно в теченіе столѣтій постепенно отмираетъ и крестьянинъ по-

лучает личную свободу, у нас замѣчается обратное: вплоть до отмиранія крѣпостного права в 1861 году крѣпостныя отношенія не теряют своей жизненности и постепенно болѣе и болѣе крѣпнут.

В 15—16 вѣках в Великороссіи крестьянство уже совершенно утрачивает свою свободу; в Украинѣ большинство крестьянства лишается свободы позже и крѣпостное право получает свое полное развитіе лишь послѣ присоединенія Украины к Москвѣ.

Дальнѣйшее развитіе крѣпостного права и в Великороссіи и в Украинѣ идет сходным образом, в направленіи совершенно противоположном тому, что мы видим на Западѣ: в то время как на Западѣ крѣпостное право медленно отмирает и разрушается, в Великороссіи и на Украинѣ оно все болѣе и болѣе крѣпнет и, наконец, уже в 19 вѣкѣ превращается в настоящее рабство.

Дѣйствительно, тѣ отношенія между помѣщиком и его крестьянами, которыя господствовали в Россіи и в Украинѣ вплоть до акта 19-го февраля, имѣли мало общаго с тѣм, что именовалось крѣпостным правом на Западѣ. Помѣщик на Западѣ отнюдь не имѣл права неограниченно распоряжаться личностью своего крѣпостного, он не мог продавать своих крестьян, как скот, захватывать имущество крестьянина и т. д.; права помѣщика были очень велики, но все же были ограничены и заключались в том, что помѣщик мог требовать от своего крѣпостного крестьянина строго опредѣленнаго труда в теченіе извѣстнаго числа дней на помѣщичьем полѣ или же поставки опредѣленных продуктов, платежа опредѣленнаго денежнаго оброка. Этим отличалось крѣпостное право Запада от рабства—права господина над рабом неограниченны, права же помѣщика на Западѣ имѣли строго опредѣленныя границы.

И в Россіи, равно как и в Украинѣ, крѣпостное право вначалѣ имѣло такой же характер, как и на Западѣ: крѣпостные крестьяне обязаны были извѣстное число дней в недѣлю (обычно 3 дня в недѣлю) работать в пользу помѣщика (барщина), остальное же время крестьянин работал на себя—или же он платил своему помѣщику опредѣленный денежный оброк и поставлял опредѣленные продукты. Помѣщик первоначально отнюдь не имѣл права продавать своих крѣпостных отдѣльно от земли и распоряжаться их имуществом.

В теченіе 18 вѣка отношенія помѣщика и крестьянина начинали существенно измѣняться и при императрицѣ Екатеринѣ II, когда вліяніе дворянства на общее направленіе государственной политики становится преобладающим, крѣпостное право в Россіи и на Украинѣ пріобрѣтает всѣ черты рабства. Помѣщик получает право дѣлать что угодно со своим крѣпостным, присваивать себѣ весь его труд, продавать людей с землею и без земли, отдѣльных членов семьи в разныя руки, разлучая мужа з женой и родителей с дѣтьми, имуществом

крѣпостного становится собственностью помѣщика, помѣщик получает право подвергать своих крѣпостных тѣлесным наказаніям и ссылатъ их в Сибирь и т. д. Словом, тѣ отношенія, которыя водворились в Россіи и Украинѣ в 18 вѣкѣ, ровно ничѣм не отличались от рабства.

Итак, в то время как на Западѣ крѣпостное право развивалось в сторону свободы, у нас оно развивалось в сторону рабства и в 18 вѣкѣ, когда в Западной Европѣ крѣпостное право почти повсемѣстно совершенно исчезло, у нас оно превратилось в рабство.

И в первой половинѣ 19 вѣка мы не замѣчаем в Россійской имперіи никаких признаков отмиранія крѣпостного права. Наоборот, оно принимает во многих областях русскаго государства все болѣе тяжелый характер. А именно, крѣпостныя отношенія крестьянина к помѣщику выражались, как сказано, в двух формах—в исполненіи крестьянином трудовой повинности-барщины или же в несеніи опредѣленнаго оброка. В случаѣ оброка крестьянин все время работал на себя, но под условіем платежа помѣщику определенной суммы денег или доставленія тѣх или иных продуктов.

Легко понять, что при существованіи барщины зависимость крѣпостного крестьянина от помѣщика была болѣе тяжелой, чѣм при существованіи оброка.

На Западѣ отмираніе крѣпостного права происходило путем постепенной замѣны барщины оброком и послѣдующаго выкупа этого оброка. Наблюдалось ли это в Россіи?

В нѣкоторых областях Россіи это наблюдалось. Если сравнить число крестьян на барщинѣ и на оброкѣ в концѣ 18 вѣка и наканунѣ освобожденія, то мы увидим, что в промышленных губерніях Россіи, как, напр., Ярославская, Тверская, Костромская и др., число барщинных крестьян значительно сократилось, а число оброчных крестьян соотвѣтственно возросло. Таким образом, в промышленных губерніях крѣпостное право принимало болѣе мягкія формы.

Напротив, в земледѣльческих губерніях и, в частности, на Украинѣ ничего подобнаго не замѣчалось, и даже наблюдалось обратное: число барщинных крестьян не только не сокращалось, а расле, а число оброчных крестьян падало.

Это различіе развитія крѣпостного права в различных областях Россійской имперіи обясняется слѣдующим образом.

При развитіи промышленности помѣщик был заинтересован в том, чтобы переводить своего крестьянина с барщины на оброк, так как крестьянин, свободно работая на сторонѣ—напр., вырабатывая разныя кустарныя издѣлія или служа на фабрикѣ, по торговой части и т. п.—мог давать своему помѣщику больше, чѣм если бы он работал в помѣщичьем имѣніи. Поэтому, чѣм больше развивалась про-

мысленность, тѣм охотнѣе помѣщики переводили своих крестьян оброк, чтобы таким образом увеличить свои доходы.

Напротив, в земледѣльческих губерніях оброчный крестьянин не имѣлъ на сторонѣ значительных заработков и не мог дать своей барину значительнаго оброка. В то же время в первой половинѣ вѣка в Россіи и Украинѣ замѣчалось несомнѣнное развитіе помещичьяго земледѣльческаго хозяйства: Россія, раньше не вывозившая хлѣба, стала вывозить свой хлѣб за границу во все больших количествах и помѣщики стали значительно расширять свои запашки. Для этого им требовалось больше и больше рабочих и они были заинтересованы в том, чтобы увеличивать число своих барщинных крестьян переводя оброчных крестьян на барщину.

Гдѣ помещичье хозяйство получало особое развитіе—напр., въ некоторых украинских губерніях,—там въ послѣдніе годы перед освобожденіем крестьян стало замѣчаться еще новое явленіе, окончательно лишавшее крестьян свободы распоряжаться своим трудом: помѣщики желая использовать на своем полѣ всю рабочую силу крестьянина захватывали всю его землю и переводили крестьянина на „мѣсячину“ брали на себя отпуск крестьянину продовольствія, брали себѣ его поле и заставляли всѣ дни недѣли работать на помѣщика. В этих случаях положеніе крестьянина было наиболѣе тягостным.

Таким образом, въ общем, крѣпостное право не только не отмирало въ Россіи естественным путем, как это наблюдалось на Западѣ, а, наоборот, все больше и больше срасталось с русской жизнью. Крѣпостное рабство представляет собой необходимое условіе самаго существованія Россіи.

Тѣм не менѣе, въ концѣ концов крѣпостное право все же пало у нас—точно говоря, пало рабство, въ которое превратилось крѣпостное право—но пало совершенно иначе, чѣм на Западѣ: не путем постепеннаго отмиранія, а путем изданія закона, уничтожившаго рабство.

Паденіе рабства въ Россіи походит на уничтоженіе рабства въ Сѣверной Америкѣ. И здѣсь и там рабство оказалось чрезвычайно живучим. Въ Соединенных Штатах рабство негров держалось въ половинѣ 19-го вѣка лишь въ южных земледѣльческих штатах, въ то время как въ сѣверных промышленных штатах оно исчезло гораздо ранѣе. Но въ южных штатах рабство не только держалось очень упорно, но и обнаруживало, как и въ Россіи, ни малѣйших признаков естественнаго отмиранія. Американскіе плантаторы-рабовладѣльцы южных штатов подобно русским помѣщикам, не могли себѣ представить сельскаго хозяйства без помощи рабов, и всѣми силами держались за рабовладѣніе, усматривая въ нем самую основу своего существованія.

Уничтоженіе рабства стало возможным въ южных штатах Сѣверной Америки, только благодаря междуусобной войнѣ, возникшей между

сѣверными и южными штатами вслѣдствіе нежеланія южных штатов подчиниться закону, отмѣнившему рабство. И любопытно, что в этой войнѣ южные штаты обнаружили чрезвычайную энергію, мужество и даже героизм. Они оказали самое упорное сопротивленіе сѣверным штатам, одержали много побѣд в борьбѣ против гораздо болѣе многочисленной арміи сѣверян, неоднократно разбивали на голову войска сѣверян, дрались с величайшим воодушевленіем и прекратили борьбу только тогда, когда не стало никакой физической возможности продолжать борьбу вслѣдствіе огромнаго превосходства сил сѣверян.

Это мужество и эта энергія в защитѣ рабства показывают, что рабовладѣніе казалось господствующим классам южных штатов самой основой их общественнаго бытія, подобно тому, как великим мыслителям греческаго общества рабство казалось неизбѣжным условіем существованія греческаго общества.

Почему же рабство в Россіи всетаки пало?

Для этого существовало много причин.

Первой и самой важной причиной акта 19 февраля 1861 г. являлась борьба с крѣпостным правом самого закрѣпощеннаго населенія. Помѣщики могли в теченіе многих вѣков удерживать в рабствѣ своих крестьян, но крестьяне никогда не мирились со своим положеніем и упорно стремились к свободѣ. Два раза крестьянство возставало против своего порабощенія в 17 вѣкѣ с Разиным и в 18 вѣкѣ с Пугачевым во главѣ. Оба возстанія закончились пораженіем крестьянства, но они потрясли до самого основанія руссійское государство и память о них не исчезла.

Опасность новаго крестьянскаго возстанія постоянно сознавалась лицами, стоявшими у власти и вот почему всѣ преемники Екатерины II начинают стремиться к освобожденію крестьян. „Лучше, чтобы освобожденіе пришло сверху, чѣм снизу“,—эти слова императора Александра II выполнѣ вѣрно рисуют истинные мотивы, побуждавшіе правительство стремиться к прекращенію рабства.

Правда, послѣ пугачевского бунта больших крестьянских возстаній уже не было. Однако, крестьянскія волненія и отдѣльныя вспышки крестьянских бунтов никогда не прекращались и в 19 вѣкѣ становились все болѣе частыми. Во вторую половину царствованія Николая I число крестьянских бунтов значительно превосходит число таковых в первой половинѣ.

Во время Крымской кампаніи крестьянскія волненія приняли болѣе массовой характер в связи со слухами, распространившимися среди крестьянства, что участники государственнаго ополченія получают свободу. Правительству приходилось отправлять для усмиренія крестьян цѣлые воинскіе отряды и иногда дѣло доходило до настоящих сраженій.

Но кромѣ бунтов, крестьяне протестовали против своего закрѣпощенія и многими другими способами—убійствами помѣщиков,

физическими насиліями над ними, поджогами помѣщичьих усадеб и построек и т. п. Кромѣ того, одной из форм протеста были самоубійства крѣпостныхъ.

Наконецъ, крестьяне массами бѣжали отъ своихъ помѣщиковъ. Бѣглецы заселяли цѣлыя области и такимъ образомъ, в значительной степени были заселены в 18 вѣкѣ в то время почти пустынные степи южной Украины.

Все это вмѣстѣ держало постоянно на очереди вопросъ об уничтоженіи крѣпостного права. Правительство и господствующіе классы не могли не сознавать, что рано или поздно крѣпостное право должно пасть, ибо масса крестьянства никогда не примирится съ лишеніемъ ея свободы.

Не нужно забывать, что русское рабство тѣмъ существенно отличалось отъ рабства хотя бы в Америкѣ или отъ рабства в древнемъ мірѣ, что в Америкѣ рабами были люди другой расы—негры, а в древнемъ мірѣ главная масса рабовъ также принадлежала къ другимъ національностямъ. В русскомъ же государствѣ рабы и ихъ хозяева принадлежали къ одному и тому же народу, благодаря чему весь ужасъ и вся несправедливость порабощенія человѣка человѣкомъ особенно бросались въ глаза.

Итакъ, первой и самой важной причиною паденія крѣпостного права в русской имперіи была борьба съ рабствомъ со стороны самого порабощеннаго населенія.

Затѣмъ, далеко не все помѣщики были одинаково заинтересованы в сохраненіи крѣпостного права. Жизненно заинтересованы в этомъ были только пользовавшіеся барщиннымъ трудомъ. Это были главнымъ образомъ средніе и мелкіе помѣщики. В Новороссіи и отчасти в Юго-Западномъ краѣ уже до освобожденія былъ распространенъ в помѣщичьемъ хозяйствѣ вольнонаемный трудъ; помѣщики этихъ районовъ могли даже выиграть отъ освобожденія, такъ какъ оно должно было понизить заработную плату, увеличивъ предложенія рабочихъ рукъ. Богатые помѣщики имѣли своихъ крестьянъ большей частью на оброкѣ. Это вполне понятно, такъ какъ вести барщинное хозяйство в очень крупныхъ размѣрахъ было не легко. Богатое дворянство образовывало дворъ и занимало самыя вліятельныя мѣста и должности в государствѣ. Мало заинтересованное в крѣпостной зависимости крестьянъ и хорошо понимая, что крѣпостное право держится только благодаря силѣ, крупное дворянство, окружавшее царя, легко склонялось къ мысли о прекращеніи крѣпостного права на выгодныхъ для себя условіяхъ.

Торговцы и промышленники—капиталистическій классъ, достигшій в половинѣ 19 вѣка в Россіи уже значительнаго развитія—были рѣшительными противниками крѣпостного права. Фабриканты испытывали очень значительныя стѣсненія отъ недостатка свободныхъ вольно-

наемных рабочих, которых крѣпостныя отношенія прикрѣпляли к деревнѣ.

В то же время фабричная работа при помощи принудительнаго труда в это время уже оказывалась рѣшительно невыгодной. Если крупное земледѣліе могло пользоваться принудительным трудом, несмотря на его малую производительность, то фабрика требовала болѣе производительнаго труда, каковым мог быть труд только свободнаго рабочаго. К тому же, сами фабриканты и торговцы в это время нерѣдко выходили из среды крѣпостных крестьян, и даже нѣкоторые из них, давая занятія тысячам рабочих, оставались сами крѣпостными своих помѣщиков, не желавших отпускать их на волю. Так как владѣніе крѣпостными крестьянами было правом только дворянства, то естественно, что рост промышленной и торговой буржуазіи подрывал крѣпостное право.

Итак, на сторонѣ сохраненія крѣпостнаго права были средніе и мелкіе помѣщики, ведшіе барщинное хозяйство. Противником крѣпостнаго права являлась буржуазія. Крупное дворянство склонялось к уничтоженію крѣпостнаго права на выгодных для себя условіях. Наконец, чиновничество, хотя и состоявшее в своих высших слоях преимущественно из земельного дворянства, но, благодаря службѣ, не ведшее барщиннаго хозяйства, занимало по отношенію к крѣпостному праву то же положеніе, что и крупное хозяйство с тѣм существенным добавленіем, что к классовому помѣщичьему интересу в средѣ бюрократіи присоединялись и важныя профессиональныя интересы, сближавшіе их с противниками крѣпостнаго права. Эти профессиональныя интересы заключались, прежде всего, в сознававшейся нашими правительственными кругами опасности крѣпостнаго права для спокойствія государства. С государственной точки зрѣнія слѣдовало стремиться к уничтоженію крѣпостнаго права, постоянно угрожавшаго народным возстаніем,—и это прекрасно сознавалось правительственными кругами тогдашней Россіи.

Затѣм, крѣпостное право тормозило экономическое развитіе Россіи и, в частности, развитіе русской промышленности. Правительство со времен Петра I усиленно стремилось к развитію промышленности, понимая, что без роста производительных сил страны невозможно и увеличеніе ея политическаго могущества,—а это послѣднее было главной цѣлью русской политики. Поэтому русская бюрократія не могла не сознать необходимости упраздненія крѣпостнаго права, сохраненіе котораго являлось вопіющим противорѣчіем с постоянными заботами правительства о развитіи промышленности. Это послѣднее соображеніе являлось одним из самых сильных доводов в пользу освобожденія—интересы государственнаго могущества не могли не имѣть вѣса в глазах правительства.

Итак, в Россіи первой половины 19 вѣка были могущественные интересы за и против сохраненія крѣпостного права — и вот почему вопрос об его уничтоженіи стоял на очереди в теченіе болѣе полу-вѣка и все не получал окончательнаго рѣшенія. Но чѣмъ дальше подвигалось общественное развитіе Россіи, тѣмъ болѣе возрастала сила противников рабства. С двадцатых годов закончившагося вѣка пріобрѣтает значеніе и чисто идейное, неклассовое движеніе, направленное против крѣпостного права. Со времени декабристов вся лучшая часть русскаго общества стала стремиться к освобожденію Россіи от позорнаго клейма рабства. И это неклассовое движеніе, вдохновлявшееся отвращеніем к крайней соціальной несправедливости и крайнему угнетенію человѣческой личности, нарастало по мѣрѣ культурнаго роста русскаго общества.

Все это вмѣстѣ подрывало устои крѣпостного права. Но, опираясь на могущественные классовые интересы, оно продолжало держаться, пока, наконец, не пало под вліяніем разгрома, испытаннаго Россіей в эпоху Крымской войны. Война эта доказала необходимость обновленія соціальнаго строя Россіи, приведшаго к политическому ослабленію государства. Оказалось, что и, помимо угрозы народным возстаніем, старый строй, краеугольным камнем котораго являлось крѣпостное право, опасен государству уже тѣм, что разрушает основы политической силы государства. Этот аргумент был всего понятнѣе правящим сферам и он явился тѣм послѣдним ударом, который привел к крушенію института принудительнаго труда.

С паденіем крѣпостного права самое существенное отличіе хозяйственнаго строя Россіи от строя Запада исчезает, и в Россіи получает свободу развитія новая хозяйственная система, господствующая и на Западѣ — капитализм.

Глава II.

Возникновеніе на Западѣ капиталистическаго хозяйства.

I.

В средневѣковом городѣ Западна мы видим стройную организацію промышленности, в центрѣ которой стоялъ мелкій самостоятельный производитель—цеховой мастер, ремесленник. Ремесленник средневѣковаго цеха, в лучшую пору цехов, пользовался значительной зажиточностью и в то же время отнюдь не притѣснялъ рабочаго. Хотя большинство средневѣковых ремесленников и имѣли наемных рабочих, но эти наемные рабочіе не образовывали особаго класса, враждебнаго цеховым мастерам, по той причинѣ, что рабочіе эти сами, по истеченіи извѣстнаго времени, становились мастерами: рабочими цеховых мастеров были ученики и подмастерья, причем каждый мастер обязательно должен был сам в молодые годы извѣстное число лѣтъ проработать в качествѣ ученика и подмастерья. Таким образом, ученики и подмастерья отнюдь не были особым общественным классом, сравнительно с мастерами, ибо они сами становились, по истеченіи извѣстнаго времени, мастерами.

Таким образом, в средневѣковом цехѣ, пока он сохранялъ в полной чистотѣ описанную организацію, не было почвы для вражды и борьбы классов. Но мало по малу внутренній строй цеховой промышленности стал существенно измѣняться.

Цеховой мастер мог пользоваться полной хозяйственной самостоятельностью лишь до тѣх пор, пока он продавал свои издѣлія непосредственно тому лицу, которое употребляло их в своем хозяйствѣ. В этом случаѣ между ремесленником и потребителем его продуктов не стояло торговаго посредника—купца.

Однако, как только ремесло достигло таких размѣров, что продукты его не могли находить себѣ сбыта среди мѣстнаго городского или пригороднаго сельскаго населенія, торговаго посредникъ стал необходимъ, ибо ремесленник не имѣлъ никакой возможности вывозить свои издѣлія в другіе города и искать там сбыта для них.

И вот мы видим, что в средневѣковом городѣ начинает расти классъ торговцев, которые закупают издѣлія ремесленников и выго-

вили их за предѣлы города. Ремесленники начинают сноситься с потребителями своих издѣлій только через посредство купцов, в руки которых переходит вся продажа издѣлія этого рода.

Утративши непосредственныя сношенія с потребителями своих издѣлій, ремесленники утратили и свою прежнюю хозяйственную самостоятельность, хотя они и оставались хозяевами в своей мастерской, но на дѣлѣ они попали в зависимость от купцов, которые были гораздо богаче их и могли по своему усмотрѣнію назначать цѣны на их издѣлія.

Вмѣстѣ с возникновеніем торговаго посредничества в дѣлѣ сбыта ремесленных продуктов, в средневѣковом городѣ началась и борьба класса ремесленников с классом торговцев.

Исторія средневѣковых городов полна этой борьбой, показывающей, что цеховая организація ремесла, преслѣдовавшая цѣли примиренія интересов всѣх групп городского населенія, стала приходить в упадок. Только в лучшую пору цехов борьба эта почти отсутствовала. Но чѣм больше развивалась городская промышленность, тѣм большее значеніе принимал класс богатых торговцев и тѣм ожесточеннѣе становилась борьба с ними ремесленников.

Итак, в средневѣковом городѣ, под вліяніем развитія торговли, начинает усиливаться класс торговцев. В то же время, по той же причинѣ, исчезает и прежнее согласіе ремесленников-хозяев с их рабочими.

Первоначально подмастерье становился по истеченіи извѣстнаго времени мастером и хозяином мастерской. Но когда хозяйственное положеніе мастеров, благодаря все большей зависимости их от торговцев, ухудшилось, мастера естественно стали опасаться допускать подмастерьев в свои ряды. И вот мы видим, при упадкѣ цехового строя, что большинство подмастерьев утрачивает возможность когда-либо попасть в мастера.

В мастера начинают попадать только сыновья мастеров; цеховыя власти начинают ставить всевозможныя препятствія к тому, чтобы подмастерье, не связанный узами родства с мастерами, не проник в мастера и не стал самостоятельным хозяином мастерской. Да и помимо этих препятствій, заведеніе своей собственной мастерской становится все труднѣе и труднѣе, благодаря трудности найти сбытъ для ремесленных издѣлій и дороговизнѣ устройства такой мастерской. Число цеховых мастеров перестает возрастать и все большее количество подмастерьев остается пожизненными наемными рабочими.

Все это вмѣстѣ приводит к тому, что в 15 и 16 вѣках строй средневѣковаго города глубоко измѣняется. Прежнее согласіе интересов внутри городского населенія совершенно исчезает и в городѣ начинается ожесточенная борьба. С одной стороны выдѣляется го-

сподствующій класс богатаго городского купечества, который мало по малу сосредоточивает в своих руках всю городскую власть.

Городскіе ремесленники пробуют с оружіем в руках бороться с этим классом, но терпят поражение, ибо преобладаніе торговаго класса основывалось на новых условіях городского хозяйства.

В средѣ же самого городского ремесла идет другая борьба: мастера обособляются от подмастерьев и подмастерья, в свою очередь, ведут борьбу с мастерами. Это послѣднее подраздѣленіе приводит къ возникновенію рабочаго класса в современном смыслѣ слова—класса свободных наемных рабочих, живущих продажей своей рабочей силы.

Таким образом создается класс современнаго пролетаріата—рабочих, не имѣющих средств производства, живущих продажей своей рабочей силы и лишенных возможности продавать что-либо, кромѣ своего труда, так как их трудовой продукт принадлежит не им.

Итак, в средневѣковом обществѣ возникает нѣсколько враждебных классов—класс крупной торговой буржуазіи, класс мелкой промышленной буржуазіи и класс пролетаріата. Обособленіе пролетаріата, как особаго класса, очень ясно сказалось в том, что в 16 вѣкѣ среди подмастерьев начинают распространяться союзы, цѣлью которых была борьба с мастерами за улучшеніе условій труда подмастерьев.

Эти союзы подмастерьев получают все большее и большее распространеніе по мѣрѣ разложенія стариннаго строя средневѣковой промышленности.

В лучшую пору цехов заработная плата подмастерьев устанавливалась городской властью и обычно составляла половину заработка мастера. Но с тѣх пор, как мастера почувствовали себя особым классом и условія городского ремесла ухудшились, ухудшились и условія оплаты труда подмастерьев. Между мастерами и подмастерьями началась борьба за высоту заработной платы, причем союзы подмастерьев стремились, но безуспѣшно, задержать ея пониженіе.

Городское ремесло, пока ремесленник сохранялъ свою самостоятельность, не имѣло характера капиталистической промышленности. Но на развалинах городского ремесла возникает капиталистическая промышленность. Происходит это слѣдующим образом. Городской ремесленник в прежнее время был самостоятельным производителем, который работал не на капиталиста, а непосредственно на потребителя. Хотя мастер и пользовался наемным трудом, но он и сам принимал непосредственное участіе в трудѣ производства, а его рабочій—подмастерье—по истеченіи извѣстнаго времени сам становился мастером.

Но когда ремесленник попал в зависимость от капиталистов-торговцев, его производство приняло извѣстныя черты капиталистическаго производства.

Капиталистическое производство возникает на пороге нового времени в видѣ домашней системы крупной промышленности. При этой формѣ капиталистическаго производства капиталист не имѣет собственной мастерской, в которой рабочіе работали бы под его непосредственным надзором. Работа производится мелким производителем в его собственной мастерской или на дому. Тѣм не менѣе мелкій производитель является в этом случаѣ рабочим капиталиста, так как он находится в полной зависимости от капиталистическаго посредника.

Возьмем, напр., возникновеніе капиталистической промышленности в Англіи, гдѣ она быстро растет в 16, 17 и 18 вѣках.

Цеховой строй в Англіи в 16 вѣкѣ уже находился в полном упадкѣ. Ремесленники, как общее правило, продавали свои издѣлія через посредство купцов, причем купец очень часто не только продавал издѣлія ремесленника, но и поставлял ему сырой матеріал для обработки. Благодаря послѣднему обстоятельству, зависимость мелкаго производителя от торговаго посредника еще болѣе увеличивалась, так как, получая сырье от своего покупателя и, нерѣдко, в долг, ремесленник не мог продавать свои издѣлія на сторону, какому-нибудь другому покупателю—изготовленные издѣлія шли на погашеніе долга, в оплату сырья, полученнаго от того же купца, который продавал и издѣлія ремесленника.

Так напр., в хлопчатобумажном производствѣ Англіи мелкій прядильщик и ткач первоначально сами покупали хлопок и пряжу, но уже в началѣ 18 вѣка они начинают и то и другое получать от купцов, продававших их издѣлія.

Таким образом, зависимость мелкаго производителя от капиталиста все возрастала. Но мелкій производитель все-таки сохранялъ нѣкоторое подобіе хозяйственной самостоятельности—все же он покупал сырой матеріал и продукт принадлежал ему.

На слѣдующей ступени всякое подобіе самостоятельности производителя исчезает — мелкій производитель уже перестает покупать сырой матеріал, хотя бы и в долг, а получает его от капиталиста посредника для обработки за извѣстную плату и, переработав сырье, возвращает готовый продукт собственнику сырья. В этом случаѣ мелкій производитель уже становится и с внѣшней стороны простым наемным рабочим своего заказчика-капиталиста, владѣющаго сырьем и раздающаго сырье мелким производителям.

В Англіи это превращеніе мелкаго хлопчатобумажнаго ткача и прядильщика в наемнаго домашняго рабочаго капиталиста совершилось в половинѣ 18 вѣка.

Но домашняя система капиталистической промышленности возникает на пороге нового времени и другими путями—а именно из домашняго производства крестьян для собственных нужд. Крестьяне

всегда выдѣлывали разнаго рода промышленныя издѣлія для своих надобностей—пряжу, ткани, деревянныя издѣлія, гончарныя и т. п. Часть этих издѣлій, превышавшую их собственную потребность, они нерѣдко продавали на сторону. На этой почвѣ крестьянское промышленное производство легко принимает капиталистическія черты: крестьяне начинают работать на опредѣленнаго торговаго посредника и получают от него сырье для обработки.

Деревня уже потому являлась благодарным полем для развитія домашней системы капиталистической промышленности, что деревенская промышленность была внѣ власти цеха и потому была свободна от стѣснительных цеховых правил. Поэтому торговцы, чтобы избѣжать стѣснительных для них требованій цеховых властей, раздавали по деревням сырой матеріал для обработки и, таким образом, создавали в деревнѣ совершенно новые промыслы, что и явилось третьим источником происхожденія капиталистической домашней промышленности.

Гораздо рѣже капиталистическое производство возникает в видѣ крупной мастерской, в которой работа производится многими рабочими и под непосредственным надзором капиталиста. Такая капиталистическая мастерская называется, если в ней работа производится руками, мануфактурой, если же в ней работа производится машинами, то фабрикой. Фабрики получили свое развитіе только послѣ изобрѣтенія паровой, прядильной и ткацкой машин в концѣ 18 вѣка. До этого же крупное капиталистическое производство могло существовать лишь в формѣ мануфактуры.

Мануфактуры начинают возникать на Западѣ в 16 вѣкѣ и даже раньше, но всегда как очень рѣдкая форма промышленности. Последнее объясняется тѣм, что цеховая организація промышленности,—а цех сохранился в Европѣ, хотя и в упадкѣ, вплоть до конца 18 вѣка и даже дольше—препятствовала возникновенію мануфактуры. Цех не допускалъ сосредоточенія в одной мастерской значительнаго числа рабочих,—домашняя система крупной промышленности, при которой рабочий работал на дому, а не в капиталистической мастерской, была гораздо ближе к ремеслу и потому капиталистическое производство возникает преимущественно именно в этой формѣ.

Тѣм не менѣе, хотя и не часто, все же мануфактуры иногда возникали и на развалинах ремесла. Возникали они тремя различными путями.

Во первых, онѣ иногда создавались правительственной властью, стремившейся избавить промышленность от власти цехов. Так напр., во Франціи, а также в Австріи, Пруссіи, Нидерландах и других государствах Средней Европы многія мануфактуры возникли из среды приглашенных в эти страны правительствами иностранных ремеслен-

ников. Во Франціи короли приглашали в Париж разнаго рода иностранных ремесленников для изготовленія различных предметов роскоши и для того, чтобы избавить их от подчиненія парижским цехам, отводили им помѣщеніе в принадлежавших королям зданіях Лувра. Живя в Луврѣ, иностранные ремесленники не были подвластны цехам; общая жизнь и общіе интересы среди враждебнаго населенія естественно приводили ко взаимной поддержкѣ; мало по малу болѣе бѣдные из этих ремесленников попали в зависимость от болѣе богатых и, наконец, мастерскія отдѣльных ремесленников слились в одну крупную с капиталистом, из среды этих самых ремесленников, во главѣ. Так возникла в Парижѣ одна из самых крупных в то время Луврская мануфактура и сходным образом возникли и нѣкоторыя другія.

Но кромѣ того, мануфактуры возникали и иными путями; правительства всегда имѣли в своем распоряженіи много несвободных рабочих в тюрьмах, сиротских домах, исправительных заведеніях и пр. В 17 и 18 вѣках в этих заведеніях власти начинают устраивать мануфактуры, предоставляя отдѣльным капиталистам право пользоваться за извѣстную плату трудом несвободнаго населенія. Таким образом капиталисты получали возможность избѣгнуть власти цеха и получить в нужных размѣрах дешевых рабочих. В 17 вѣкѣ рабочіе на нѣмецких мануфактурах состояли преимущественно из разнаго рода несвободных людей—нищих, бродяг, преступников, сирот и т. д.

Объясняется это тѣм, что свободные люди не шли на мануфактуры. Домашняя система крупной промышленности без труда находила нужных рабочих, так как рабочій работал в этом случаѣ в привычной обстановкѣ у себя дома. Но на мануфактуру рабочій шел лишь под вліяніем крайней необходимости и вот, чтобы загнать в них рабочих, правительство предоставляло капиталистам несвободных рабочих.

Наконец, третьим видом мануфактуры были тѣ, которыя естественно развивались из домашней системы крупной промышленности. Ремесленник не хотѣлъ идти работать в мануфактуру. В другом положеніи был домашній рабочій. Он уже утратил свою независимость и привык работать на капиталиста; послѣдній поэтому мог, когда это требовалось его интересами, загнать своего домашняго рабочаго в свою мастерскую. Труднѣе было справиться с сопротивленіем цехов, но и это препятствіе было преодолимо. В общем, не подлежит сомнѣнію, что наряду с мануфактурами, возникшими из среды иностранных ремесленников и основавшимися на принудительном трудѣ, были и мануфактуры, выросшія из домашней промышленности.

Но крайне характерно, как доказательство огромнаго сопротивления, которое на Западѣ пришлось преодолевать возникавшему крупному промышленному производству, что эта послѣдняя группа ма-

нуфактур была наименѣе многочисленной. Только въ нѣкоторых мѣстностях Англіи этихъ мануфактуръ было болѣе, хотя и въ Англіи вообще мануфактуръ было немного, а какія были, не были крупными.

Итакъ, крупное промышленное капиталистическое производство, несмотря на техническія выгоды сосредоточенія рабочихъ въ мастерской капиталиста, не могло вплоть до послѣдней четверти 18 вѣка получить большое распространеніе въ Западной Европѣ, благодаря тѣмъ препятствіямъ, которыя мануфактурѣ противопоставлялъ цехъ. Препятствія эти были преодолены капитализмомъ лишь тогда, когда ручной трудъ могъ быть замѣненъ машиннымъ.

II.

В области сельскаго хозяйства капитализмъ явился естественнымъ преемникомъ крѣпостнаго права. При крѣпостныхъ отношеніяхъ крестьянинъ былъ принужденъ извѣстное число дней—обычно, три дня въ недѣлю—работать на полѣ въ пользу своего помѣщика. Когда крѣпостное право стало клониться къ упадку—что произошло на Западѣ, какъ указано, съ большою постепенностью,—то вся та земля, которой помѣщикъ пользовался во время господства крѣпостныхъ отношеній, естественно отошла помѣщику и помѣщикъ стал обрабатывать ее вольнонаемнымъ трудомъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ. Такимъ образомъ возникло капиталистическое сельское хозяйство въ однѣхъ странахъ раньше, въ другихъ позже.

В большинствѣ странъ Западной Европы земельныя отношенія помѣщика и крестьянъ имѣли очень сложный видъ, благодаря тому, что земля не была строго подѣлена между различными владѣльцами. Возьмемъ, напр., германскую земельную общину—такъ назыв. марку, которая воспроизводитъ наиболѣе характерныя черты земельного строя, ранняго средневѣковья. Въ составъ германской марки—иначе говоря, общины—входили какъ крестьяне, такъ и помѣщики. Помѣщикъ владѣлъ извѣстными землями марки на правахъ частной собственности; наряду съ этимъ, извѣстная часть земли марки—луга, пустоши, лѣса—находилась въ нераздѣльномъ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ марки; пахотная же земля находилась въ общемъ владѣніи крестьян—членовъ марки. Такимъ образомъ, въ германской маркѣ мы наблюдаемъ сочетаніе частнаго владѣнія и общаго, причемъ нѣкоторая часть земель общаго владѣнія была въ общемъ пользованіи, а часть въ пользованіи отдѣльныхъ лицъ. А именно, въ общемъ пользованіи были пустоши, сѣнокосы и лѣса; пахотныя же земли крестьянъ признавались находящимися въ ихъ общемъ владѣніи и иногда передѣлялись между отдѣльными крестьянскими семьями, но обрабатывались крестьянскимъ дворомъ особо каждымъ.

Это общее владѣніе пахотной землей отнюдь не было равносильно равенству землевладѣнія отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ. Наоборотъ,

крестьяне, входившіе в состав германской марки, владѣли очень различными земельными участками. Каждый двор имѣл право на опредѣленную долю общей земли, но самыя доли были далеко не одинаковы. Один двор владѣл, напр., одной долей земли, другой—половиной доли, третій—двумя или тремя долями и т. д. Каждый двор имѣл право требовать, чтобы ему была отведена его доля, но не больше послѣдней.

Такой земельный строй имѣет нѣчто общее с частным землевладѣніем, отличаясь, однако, существенно от послѣдняго в том отношеніи, что при этой формѣ землевладѣнія существуют передѣлы земли, но передѣлы не для уравниванія количества земли, находящейся во владѣніи cadaго двора, а для уравниванія качества земельных участков и уменьшенія черезполосицы: при переходѣ земли из рук в руки по наслѣдству и по покупкѣ неизбежно возникает с теченіем времени большая или меньшая черезполосица, и для уничтоженія или уменьшенія ея приходится производить обмѣн участками, находящимися во владѣніи отдѣльных дворов.

Эта долевая община путем постепеннаго разложенія превратилась на Западѣ в частное землевладѣніе—земля была подѣлена между отдѣльными членами общины соотвѣтственно тѣм долям общей земельной площади, которыми владѣл каждый двор. Только небольшая часть владѣній прежней марки надолго осталась в общем пользованіи или даже остается в общем пользованіи и в наше время—это, так назыв., альменда—общинные сѣнокосы, лѣса и луга, которые и теперь имѣются в таком видѣ в нѣкоторых областях Швейцаріи и южной Германіи.

На мѣсто средневѣковой марки на Западѣ возникло таким образом частное землевладѣніе, причем часть земли перешла помѣщикам, другая крестьянам. Но с теченіем времени большая или меньшая часть крестьянской земли перешла в руки крупных землевладѣльцев, так что в нѣкоторых странах крестьянское землевладѣніе даже почти совершенно исчезло. Это послѣднее произошло в Англіи, гдѣ почти вся земля сосредоточилась в руках крупных владѣльцев.

В Англіи крестьянство лишилось своей земли, благодаря непосредственному захвату его дворянством, которое держало в своих руках политическую власть как в центральном управленіи, гдѣ дворянство образовывало из своего состава обѣ законодательныя палаты, так и на мѣстах, гдѣ судебныя и административныя должности занимались мѣстным дворянством.

Крестьянство лишилось в Англіи земли двумя путями—частью путем продажи крестьянами своей земли крупным землевладѣльцам, частью же путем простого захвата крестьянских земель крупными владѣльцами. Продажа крестьянами земли происходила по различным основаніям. Богатые крестьяне продавали свою землю, находя болѣе выгодным брать землю у помѣщиков в аренду и из этих богатых

крестьян, которые отнюдь не имѣли в виду порвать с сельским хозяйством, образовался класс фермеров-капиталистов, арендаторов богатых землевладѣльцев. Мелкіе же крестьяне покидали землю, привлекаемые высокими заработками промышленности или для переселенія в города.

Однако слѣдует думать, что покупка земли не только не была главным способом, при помощи котораго дворянство получило крестьянскія земли, но что этот путь играл в данном случаѣ роль сравнительно второстепенную. Главная же масса крестьянских земель была получена англійским дворянством без всякой платы, путем насильственного захвата ея у крестьян.

Этот насильственный захват крестьянских земель происходил преимущественно по отношенію к тѣм землям, которыя еще оставались во владѣніи крестьянской общины, и совершался под видом раздѣла общинных земель в собственность отдѣльных владѣльцев. Раздѣлы общинной земли совершались по особым актам парламента, и приводились в исполненіе мировыми судьями. А члены парламента и мировые судьи были в равной мѣрѣ дворянами, почему раздѣл общинных земель обычно превращался в захват мѣстным крупным землевладѣльцем всей общинной земли. Дѣло происходило так неприкрыто и просто, что англійскіе историки называют эти раздѣлы „грабежом земли на законном основаніи“.

Этот захват общинных земель дворянством происходил в Англіи в особенно больших размѣрах в двѣ историческія эпохи—в 16 вѣкѣ и в концѣ 18 и началѣ 19 вѣка. В 16 вѣкѣ побудительным толчком к этим захватам явилось распространеніе на помѣщичьих землях крупнаго овцеводства, что было связано, в свою очередь, с быстрым ростом в это время англійской суконной промышленности и вздорожаніем вслѣдствіе этого шерсти.

Высокая цѣна шерсти сдѣлала чрезвычайно выгодным увеличеніе овцеводства. Но овцеводство требует обширных пастбищ, которых в руках англійскаго дворянства было недостаточно, так как пастбища составляли общую собственность прежней деревенской общины—и вот дворянство стало захватывать общинныя земли в свою собственность путем парламентских актов о раздѣлѣ общинных земель. В концѣ 16 вѣка этот захват пріостановился на два столѣтія и возобновился в значительных размѣрах лишь в концѣ 18 вѣка.

В это время хозяйственная обстановка, побуждавшая дворянство к захватам общинной земли, уже была совершенно иная. Уже не шерсть, а хлѣб значительно поднялся в цѣнѣ и дворянство стало стремиться к расширенію не своего овцеводства, а своего земледѣльческаго хозяйства. Общинныя земли опять оказались тѣм источником, из котораго дворянство удовлетворило евой земельный голод.

В результатѣ, крестьянство почти исчезло в Англіи, превратившейся в страну почти исключительно крупнаго землевладѣнія. Земля принадлежит в Англіи крупным владѣльцам, но эти послѣдніе обычно своего сельскаго хозяйства не ведут, а сдают землю в аренду фермерам-капиталистам.

Обычный размѣръ фермы не очень великъ, но все же хозяйство фермера вполне капиталистическое, основанное на трудѣ наемных рабочих. Наемные же рабочіе никакой земельной собственности и своего собственнаго сельскаго хозяйства не имѣют, но получают от землевладѣльцев помѣщеніе с небольшим садом и огородом и живут работой на фермѣ.

В другихъ странах крестьянская земля осталась в большей или меньшей степени в руках крестьянства вслѣдствіе того, что ни в одной странѣ дворянство не пользовалось таким преобладающим политическим вліяніемъ, как в Англіи.

Глава III.

Что такое капитал и капиталистическое хозяйство.

I.

При рабском и крѣпостном хозяйствѣ одна часть общества, владѣвшая всѣм необходимым для производства—землей, средствами производства и пропитанія,—получала свой доход за счет другой части общества, лишенной всего этого и работавшей на пользу первой части общества. Иными словами, трудовой продукт работавших людей получал двойственное назначеніе: часть его шла на нужды самих рабочих, часть же присваивалась владѣльцами средств производства и пропитанія.

Это распаденіе трудового продукта на двѣ части особенно ясно выступает в крѣпостном хозяйствѣ: в рабском хозяйствѣ создается видимость, будто рабовладѣлец присваивает себѣ не только часть трудового продукта, но и весь трудовой продукт, ибо, дѣйствительно, рабовладѣлец является неограниченным собственником всего продукта своего раба. Тѣм не менѣе, в дѣйствительности, в силу экономической необходимости, рабовладѣлец получает в свое пользованіе только часть трудового продукта, ибо раб, чтобы работать, должен получать средства к жизни и, значит, большая или меньшая часть его трудового продукта должна идти на нужды самого раба. При низкой производительности труда, благодаря первобытности всего строя рабскаго хозяйства, трудовой продукт раба обычно столь незначителен, что очень большая часть этого продукта должна идти на нужды раба и только небольшая доля продукта может быть употреблена рабовладѣльцем на его собственные нужды.

В крѣпостном хозяйствѣ распаденіе труда работающаго челоѣка на труд, затрачиваемый для собственных нужд рабочаго, и на труд в пользу хозяина средств производства выступает с полной очевидностью: крѣпостной крестьянин нѣсколько дней в недѣлю работал на своем полѣ, а остальную часть недѣли—на полѣ своего помѣщика. Вполнѣ ясно, что тот труд, который крестьянин затрачивал на обработку помѣщичьяго поля, шел на пользу помѣщика—помѣщик при-

сваивал себѣ этот труд, ничего не отдавал взамен работающему человеку. Отношеніе, в котором весь труд крѣпостного крестьянина распадался на труд в пользу помѣщика и на труд в свою пользу, опредѣлялось отношеніем числа дней, которые крестьянин затрачивал на обработку помѣщичьяго поля к числу дней, которые крестьянин затрачивал в своем собственном хозяйствѣ.

В капиталистическом хозяйствѣ хозяин и рабочій по закону одинаково свободны и рабочій отнюдь не обязан непремѣнно работать на пользу капиталиста. Рабочій добровольно берет у капиталиста ту или иную работу и работает не даром, но за опредѣленную плату, размѣр которой устанавливается добровольным соглашеніем обѣих сторон. Отношенія хозяина средств производства и рабочаго кажутся в этом случаѣ совершенно иными, чѣм в рабском или крѣпостном хозяйствѣ: в то время как раб или крѣпостной работает в большей или меньшей степени на своего хозяина совершенно даром, рабочій и капиталист кажутся равноправными сторонами, заключающими договор, одинаково выгодный обѣим сторонам—рабочій дает капиталисту свой труд, а капиталист дает рабочему условленную заработную плату.

Заплативши рабочему условленную заработную плату, капиталист убѣжден, что он добросовѣстно выполнил всѣ свои обязательства по отношенію к рабочему и что рабочій никаких дальнѣйших прав на выработанный им продукт не имѣет. Это убѣжденіе нерѣдко раздѣляется и самими рабочими, многіе из которых готовы признать, что рабочій договор есть такая же свободная хозяйственная сдѣлка равноправных сторон, как и любая купля-продажа.

И дѣйствительно, во многих случаях оплата трудовой услуги не заключает в себѣ ничего, нарушающаго равенство договаривающихся сторон. Возьмем, напр., плату учителю за обученіе дѣтей или плату врачу за посѣщеніе больного. Развѣ можно сказать, что, оплачивая учителю или врачу его труд, мы тѣм самым присваиваем себѣ часть труда этого самаго учителя или врача? Конечно, если мы платим этим лицам плату несоразмѣрно низкую, низшую, чѣм та, которой обычно оплачивается труд этих лиц, то нас можно упрекнуть в том, что мы пользуемся трудом этих лиц в нѣкоторой части даром. Но если наша плата нисколько не ниже обычной, получаемой этими умственными рабочими, то всякій повод к обвиненіям нас в притѣсненіи данных лиц и в присваиваніи нами даром части их труда отпадает. Очень часто умственные рабочіе—напр., врачи—пользуются гораздо большим достатком, чѣм лица, пользующіеся их услугами, и, конечно, никому не придет в голову утверждать, что бѣдный рабочій, приходящій на пріем богатаго доктора и уплачивающій ему установленную

плату, в каком бы то ни было смыслѣ присваивает себѣ труд этого дѣлателя.

Посмотрим, однако, поближе на положеніе рабочаго, работающаго на фабрикѣ капиталиста. Почему рабочій идет работать на эту фабрику? Только потому, что ему нечего ѣсть и что он не может у себя дома произвести какіе-либо товары и продавать их, вмѣсто того, чтобы продавать свой труд. Фабрикантъ же нанимает рабочаго только ради барыша, хозяйственной выгоды, которую он рассчитывает от этого получить.

Рабочій против своей воли идет на фабрику. Он предпочел бы сам нанимать рабочих, чѣм идти в наем,—но принужден наниматься по отсутствію средств къ существованію.

Наоборот, фабрикантъ отнюдь не согласился бы перейти в положеніе рабочаго и работать по найму на своей фабрикѣ, вмѣсто того, чтобы нанимать на нее других рабочих.

Итак, перед нами очевидное общественное неравенство. Сдѣлка фабриканта и рабочаго основана на их общественном неравенствѣ, на их принадлежности къ различным общественным классам: фабрикантъ потому нанимает рабочих, что он принадлежит къ классу богатых людей, владѣющих средствами производства и пропитанія, а рабочій потому нанимается работать на фабрику, что он лишен того и другого. Такова голая истина, которую не могут затемнить никакія хитросплетенія защитников интересов имущих классов.

Таким образом, в основѣ столь свободной повидимому сдѣлки между фабрикантом и рабочим лежит несомнѣнное экономическое неравенство и принужденіе. Правда, это экономическое принужденіе имѣет другой вид, чѣм то юридическое принужденіе, которое заставляет крѣпостного раба работать на полѣ своего хозяина.

Раба гонит на работу бич надсмотрщика; современнаго свободнаго рабочаго—бич голода. Но принужденіе остается принужденіем, будет ли оно облечено в форму тѣлеснаго насилія или угрозы голодом.

Итак, по своей внутренней сущности отношенія капиталиста и рабочаго совершенно напоминают отношенія рабовладѣльца и раба или помѣщика и крѣпостного крестьянина. И в том и в другом случаѣ мы видим общественное неравенство, насиліе, принуждающее одного человѣка работать на пользу другого.

И точно также, как труд раба или крѣпостного распадается на двѣ части, из которых одна идет на поддержаніе жизни самого работающаго человѣка, другая же на содержаніе хозяина, точно также распадается труд и свободнаго рабочаго, работающаго по найму капиталиста.

Дѣйствительно, вѣдь сам капиталист на своей фабрикѣ не работает—работают нанятые им рабочіе. На что же идет труд фабричных рабочих? Прежде всего на то, чтобы оплатить заработную плату их самих—иными словами, извѣстное число часов в теченіе рабочаго дня рабочій работает только для того, чтобы выработать ту самую заработную плату, которую он получает от фабриканта.

Эта заработная плата, которую фабрикант выплачивает из своего кармана, на самом дѣлѣ создана трудом того рабочаго, которому платит фабрикант. Ибо в карманѣ у фабриканта есть чѣм платить рабочему, лишь благодаря труду рабочаго.

Однако, труд рабочаго не исчерпывается тѣм, что рабочій выработывает свою заработную плату. Если бы дѣло кончалось только этим, то фабриканту было бы не за чѣм нанимать рабочих—фабрика не благотворительное учрежденіе и капиталист тратит деньги на устройство ея отнюдь не для того, чтобы доставлять средства к жизни рабочим.

Капиталист думает не о рабочем, а о себѣ самом. Он устраивает фабрику, чтобы получать доход—прибыль, барыш. И эту прибыль он может получить лишь в том случаѣ, если рабочій будет работать болѣе продолжительное время, чѣм то, которое потребно для выработки заработной платы самого рабочаго.

Дѣло устраивается, слѣдовательно, слѣдующим образом. Рабочій работает болѣе продолжительное время, чѣм то, которое потребно для выработки своей заработной платы. Все это излишнее рабочее время поступает в распоряженіе капиталиста и составляет источник его дохода, прибыли. Это излишнее рабочее время капиталист присваивает себѣ без всякой оплаты, совершенно даром, как присваивает даром рабовладѣлец излишній труд своего раба или как помѣщик присваивает без всякой оплаты труд крестьянина, работающаго на его полѣ.

Итак, и в капиталистическом хозяйствѣ происходит присвоеніе хозяином средств производства и пропитанія части труда рабочаго, подобно тому, как это происходит в рабском и крѣпостном хозяйствѣ. Но только в капиталистическом хозяйствѣ это отношеніе присвоенія капиталистом части труда рабочаго скрывается под внѣшней видимостью полной оплаты труда рабочаго капиталистом.

В этом отношеніи капиталистическое хозяйство противоположно рабскому: при рабском хозяйствѣ кажется, будто раб совершенно не работает на себя, а только на хозяина, между тѣм как при капитализмѣ кажется, будто рабочій совершенно не работает на хозяина, а лишь на себя. И то и другое обманчивая видимость: в дѣйствительности при рабском трудѣ, как и при трудѣ свободнаго фабричнаго рабочаго, рабочій часть времени работает на себя, а часть на своего хозяина. И только в крѣпостном хозяйствѣ этой обманчивой

видимости нѣтъ и ясно, что рабочій часть времени работает на себя, на своем полѣ, а часть времени на хозяина, на его полѣ.

В основѣ капиталистическаго производства лежит, таким образом, не менѣе, чѣм в рабском и крѣпостном хозяйствѣ, присвоеніе одной частью общества, не участвующей непосредственно в трудѣ производства, труда другой части общества, создающей своим трудом общественное богатство.

II.

Однако, капитализм имѣет не только общія черты с предшествовавшими способами производства, но и черты глубокаго различія.

При рабском и крѣпостном хозяйствѣ производство служило удовлетворенію домашних нужд хозяина. А так как эти нужды легко достигают своего насыщенія, то общественное производство не росло далѣе извѣстнаго предѣла.

И дѣйствительно, в древнем мірѣ и в средніе вѣка мы нерѣдко видим огромныя скопленія богатства в руках нѣкоторых лиц, но не наблюдаем ничего похожаго на тот постоянный рост общественного богатства, который характеризует наше время. Богатство прежняго времени заключалось в скопленіи большого количества предметов роскоши, в драгоценных камнях, красивых тканях, предметах украшенія, в изобиліи продовольственных продуктов и т. д. Когда всего этого собиралось очень много в руках отдѣльнаго лица, то лицо это, в концѣ концов, не знало, что дѣлать со своим богатством и дальнѣйшее накопленіе богатства замедлялось или совсѣм приостанавливалось.

Напротив, в капиталистическом хозяйствѣ богатство принимает форму капитала. Что же такое капитал?

Капитал—это тѣ или другіе цѣнные предметы, которые в силу опредѣленных общественных условій приобрѣтают способность возрастать в своей цѣнности и давать, таким образом, постоянный доход своему обладателю.

Возьмем, напр., одну из самых старинных форм капитала—денежный капитал. Владѣлец денежнаго капитала отдает в ссуду принадлежащую ему сумму денег. По прошествіи извѣстнаго времени эта денежная сумма возрастает в своей цѣнности: владѣлец денежной суммы получает ее обратно в возросшем количествѣ. Этот прирост цѣнности капитала и составляет то, что называют прибылью или процентом на капитал.

Полученную возросшую денежную сумму можно опять отдать в ссуду и получить ее по прошествіи извѣстнаго времени в еще большем количествѣ и т. д. и т. д.

Как бы не был велик денежный капитал, он всегда может быть еще увеличен при помощи отдачи его в ссуду на проценты.

Дѣло получает такой вид, как будто бы прибыль также естественно создавалась капиталом, как яблоко вырастает на яблонѣ. Дѣйствительно, отдача капитала в займы имѣет удивительныя черты сходства с посѣвом сѣмян в сельском хозяйствѣ: как сельскій хозяин, посѣявъ извѣстное количество сѣмян, получает через извѣстное время тѣ же сѣмена в большем количествѣ, так и владѣлец денег, посѣявъ, так сказать, свои деньги, увеличивает этим их количество.

Откуда же берется, однако, тот прирост цѣнности, ради котораго капитал пускается в оборот? Вѣдь деньги не обладают способностью к размноженію—из денег, самих по себѣ, никаких новых денег не вырастет, сколько бы онѣ ни лежали и в чьих бы руках онѣ не были. Тѣм не менѣе, процент, уплачиваемый должником своему кредитору, остается фактом безспорным.

В денежном капиталѣ эта самовозрастающая способность капитала выступает в наиболѣе наглядном видѣ; но то же самое происходит и со всѣми другими формами капитала.

Капитал может принимать самыя различныя формы; он может, напр., принимать форму запаса товаров. Возьмем торговца—торговец покупает извѣстное количество товаров для того, чтобы перепродавать их другим людям. Когда товары проданы, торговец выручает за них большую сумму денег, чѣм та, которая была затрачена на покупку этих товаров. Этот прирост цѣнности составляет прибыль торговца и совершенно походит на процент денежнаго капиталиста.

В других случаях капитал принимает форму средств производства. Капиталист устраивает фабрику—его капитал состоит в этом случаѣ из фабричных зданій, топлива, сырого матеріала и т. п. На все это капиталист расходует опредѣленные денежные средства. По прошествіи извѣстнаго времени, когда продукты, выработанные на фабрикѣ, проданы, затраты капиталиста возвращаются ему обратно в цѣнѣ проданных им товаров с извѣстною прибылью, совершенно подходящей, по своему характеру, на прибыль торговца.

Денежный, торговый и производственный капитал представляют собою три важнѣйших формы капитала. Во всѣх этих случаях капитал пускается в оборот только для того, чтобы капиталист мог получить на свой капитал возможно болѣе высокую прибыль. Если никакой прибыли не получилось, то оборот капитала не достиг своей цѣли и капиталист предпочел бы, чтобы его капитал пролежал праздно. Но факты показывают, что, как общее правило, капитал исправно дает прибыль и капиталист имѣет полное основаніе рассчитывать на ея полученіе.

Откуда же берется прибыль капиталиста? Понятное дѣло, что эту прибыль создают не деньги, сами по себѣ, и не товары или фабричныя постройки, инструменты, доски, сырой матеріал, топливо и т. п. Все это не способно к возрастанію своей цѣнности и не обладает таинственной силой размноженія. Источник прибыли не здѣсь.

Источник всякаго дохода может быть только один—человѣческій труд, производящій разнообразныя продукты. Источник дохода капиталиста тот же самый, что и источник дохода рабовладѣльца или помѣщика—труд рабочаго.

Фабрикантъ получает свой доход лишь потому, что работающіе на его фабрикѣ рабочіе работают болѣе продолжительное время, чѣм то, которое требуется для оплаты их труда. Это добавочное рабочее время затрачивается на созданіе добавочнаго продукта, составляющаго прибыль капиталиста.

Процент денежнаго капиталиста и торговца совершенно того же происхожденія. Сами по себѣ деньги никакой новой цѣнности создать не могут; но фабрикантъ или иное лицо, взявшее эти деньги взаймы, могут при помощи их нанять рабочих и получить тот добавочный продукт, при помощи котораго они уплатят процент на полученный в ссуду денежный капитал. Этот процент есть, таким образом, часть добавочнаго продукта, который создается тѣм же рабочим фабриканта, или же, если ссуду получает крестьянин, то процент является частью его трудового продукта, присваиваемой владѣльцем денежнаго капитала.

То же нужно сказать и о прибыли торговца. И торговец, как и денежный капиталистъ, черпает свою прибыль из одного и того же источника—неоплоченного труда работающаго человѣка. За счет продукта работающих людей существуют всѣ классы общества, не принимающіе непосредственнаго участія в трудѣ производства. Из этого же источника оплачиваются налоги в пользу государства, содержатся чиновники, армія и флоты, получают возможность вести роскошную жизнь тысячи праздных людей, которые ничего не дают обществу, но берут у него очень много.

При капитализмѣ это отношеніе присвоенія неработающим чело­вѣком труда работающаго человѣка скрыто под видом отношенія вещей: кажется, будто неработающій чело­вѣкъ создает доход капита­листа, но сам капитал, иначе говоря, цѣнная вещь, получает возможность создавать новыя цѣнныя вещи—деньги как будто растут из денег.

Богатство богатаго чело­вѣка прежняго времени находило себѣ выраженіе в тѣх или других предметах, служивших для нужд этого чело­вѣка. В капиталистическом хозяйствѣ богатство выражается в капиталѣ.

Но как бы ни был велик тот или иной капитал, он всегда может возрасти еще больше и потому накопление капитала не имѣет того предѣла, который имѣло накопление богатства во время рабскаго и крѣпостного хозяйства.

Капитал стремится к неограниченному накопленію. Жажда накопленія капитала не знает насыщенія—каждый капиталист стремится все болѣе и болѣе расширять обороты своего капитала и не может к этому не стремиться, так как если его обороты перестанут возрастать, если, напр., производство его фабрики перестанет увеличиваться, то его задавят другіе капиталисты, другіе фабриканты, которые займут его мѣсто на рынкѣ и, в концѣ концов, могут повести к его разоренію. Поэтому в капиталистическом мірѣ каждый старается обогнать другого, занять его мѣсто, чтобы не потерять своего собственного.

В этом общем бѣгѣ наперегонки побуждает болѣе сильный и умѣлый, но все стремятся обогнать друг друга и расширить свои обороты. Отсюда возникает в капиталистическом хозяйствѣ постоянное стремленіе к расширенію общественнаго производства и общественнаго богатства, что составляет характеристическую черту нашей исторической эпохи, в отличіе от прежняго времени.

Глава IV.

Капиталистическая промышленность.

I.

Капиталистическая промышленность существует как в формѣ мелкаго, так и крупнаго производства. Первымъ видомъ капиталистической промышленности является домашняя система крупной промышленности, вторымъ видомъ—мануфактура и фабрика.

Не слѣдуетъ думать, что в наше время домашняя система крупной промышленности отжила свой вѣкъ и не можетъ соперничать съ крупнымъ производствомъ. Наоборотъ, новѣйшія условія капиталистическаго развитія ведутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ росту этой формы капиталистической промышленности. Такъ, она имѣетъ широкое распространеніе въ Лондонѣ, Берлинѣ, Парижѣ, вообще въ міровыхъ столицахъ.

Сила домашней системы заключается въ томъ, что она даетъ возможность капиталисту увеличивать до послѣднихъ предѣловъ угнетеніе рабочаго. Рабочій при домашней системѣ совершенно безпомощен по отношенію къ капиталисту. Работая на дому, рабочіе не могутъ соединиться вмѣстѣ для защиты своихъ общихъ интересовъ, устроить союзъ или хотя бы стачку, такъ какъ они не знаютъ другъ друга и совершенно разобщены между собой условіями своей жизни и работы. Эта разобщенность рабочихъ идетъ на руку капиталисту—она даетъ ему возможность сводить къ наименьшимъ размѣрамъ заработную плату и повышать до наибольшихъ размѣровъ рабочій день. Затѣмъ, при домашней системѣ капиталист не нуждается въ расходахъ по устройству рабочаго помѣщенія и снабженія рабочихъ орудіями производства—его расходы производства слагаются только изъ заработной платы и сырого матеріала. Далѣе, при домашней системѣ капиталист можетъ при всякомъ сокращеніи спроса на товаръ быстро сокращать производство, оставляя безъ работы своихъ рабочихъ, между тѣмъ, какъ фабрикантъ теряетъ при этомъ проценты по своему праздно стоящему фабричному помѣщенію и машинамъ. Вся тяжесть промышленнаго застоя переносится, такимъ образомъ, при домашней системѣ на рабочихъ. Наконецъ, при домашней системѣ фабрикантъ можетъ легко избѣгать стѣснительныхъ для него требованій закона относительно продолжительности рабочаго дня, санитарныхъ условій мастерской и пр. и пр.

Словом, выгоды домашней системы, с точки зрѣнія капиталиста, заключаются в том, что эта форма промышленности дает возможность доводить до наибольших размѣров угнетеніе рабочаго и именно поэтому система эта так живуча, несмотря на то, что при ней производство остается по необходимости мелким и крайне первонесовершенным по своим техническим условіям. Если при этой формѣ промышленности и возможно употребленіе машин, то лишь небольших машин, приводимых в движеніе руками, как швейная машина. Невыгодой домашней системы, з точки зрѣнія капиталиста, является, однако, возможность порчи матеріала или продажи на сторону рабочим сырого матеріала, полученнаго от хозяина, а также и невозможность для капиталиста поднимать успѣшность труда путем введенія улучшенных приѣмов и орудій производства.

Как бы то ни было, домашняя система оказалась чрезвычайно живучей формой промышленности и свила себѣ гнѣздо особенно в міровых столицах, гдѣ скопляется масса безработнаго пролетаріата, который и становится жертвой этой системы.

Среди домашних рабочих преобладают такіе, которые по той или иной причинѣ не могут найти себѣ заработка на фабрикѣ—потому ли, что они слишком слабы, стары или болѣзненны или по иным причинам. Этот качественно слабый состав домашних рабочих еще увеличивает их неспособность защищать свои интересы перед капиталистом, который легко может выжимать из них всѣ соки.

Усиленіе строгости требованій закона относительно санитарных условій труда и пр. на фабриках повело в Англіи к тому, что в цѣлом рядѣ отраслей производства стала развиваться работа на дому: фабрикант находил для себя болѣе выгодным закрывать фабрику и переходить к домашней системѣ.

В Германіи наблюдается, что домашняя система в производствѣ тканей падает, благодаря тому, что в этой области машинный труд имѣет огромныя преимущества перед ручным и успѣшное соперничество ручного ткача с паровым ткацким станком невозможно. Напротив, в изготовленіи предметов одежды, издѣлій из бумаги, пищевых веществ и нѣкоторых других отраслях труда домашняя система оказывается вполне живуча и число домашних рабочих вырастает. В общем, в 1882 г. домашних рабочих в Германіи были 544.980, в 1895—490.711, в 1907 г.—482.436.

В общем, мы видим, что, несмотря на крайне несовершенныя условія техники, домашняя система нерѣдко с успѣхом борется с фабрикой, замѣняя повышеніе производительности труда, доставляемое машиной, увеличеніем гнета капиталиста над рабочим. Таким образом, в данном случаѣ капитализм задерживает успѣхи техники,

искусственно поддерживая к жизни форму промышленности, основанную на ручном трудѣ и мелком производствѣ.

В Россіи и Украинѣ домашняя система крупной промышленности имѣет большое распространѣніе, в особенности же в Россіи, гдѣ она развита преимущественно по деревням в центральном промышленном районѣ. При этом между кустарем, работающим на капиталиста-заказчика, дающаго ему сырой матеріал для обработки, и собственником сырого матеріала нерѣдко имѣется ряд посредников, что очень ухудшает положеніе кустаря, так как каждый из этих посредников должен получить свою прибыль, извлекаемую в концѣ концов из заработка того же кустаря.

Возьмем, напр., хлопчатобумажное ткачество в московском районѣ. Во главѣ предпріятія стоит крупный капиталист, хотя бы владѣлец миткалевой фабрики. Он имѣет дѣло с крупным коммисіонером-конторщиком, который получает пряжу от фабриканта и сдает ее в собственном заведеніи. Конторщик роздает основанную пряжу мелким коммисіонерам-мастерам (заглодам), которые передают ее хозяевам ткацких свѣтелок (хозяйчикам), а эти послѣдніе уже передают ее ткачам-кустарям. Подобное же сложное посредничество наблюдается во многих кустарных промыслах. Так напр., в патронном промыслѣ Московской губерніи (изготовленіе папиросных гильз) между фабрикантом гильз и деревенской работницей стоит еще коммисіонер, снабжающій работницу не только сырым матеріалом, но и всѣми орудіями производства. В перчаточном промыслѣ Московской губерніи между фабрикантом и работницей стоит еще даточник, раздающій по деревням сырой матеріал и т. д.

Положеніе наших кустарей, работающих по заказам капиталистов и перерабатывающих получаемый от них матеріал, вообще очень плохо, гораздо хуже, чѣм положеніе фабричных рабочих. Их заработная плата гораздо ниже и в то же время рабочий день их гораздо продолжительнѣе, чѣм рабочий день на фабриках. На Украинѣ домашняя система крупной промышленности развита гораздо менѣе, чѣм в Россіи, соотвѣтственно тому, что Украина вообще является по преимуществу не промышленной, а сельско-хозяйственной страной.

II.

Вѣнцом капиталистической промышленности является фабрика, тѣм отличающаяся от мануфактуры, что на мануфактурѣ производство ведется руками, без помощи машин, между тѣм, как на фабрикѣ важнѣйшія части производства исполняются машинами. Исторія фабрики начинается с изобрѣтенія в Англіи во второй половинѣ 18 вѣка бумагопрядильной машины. Машина эта вызвала такое огромное увеличеніе производительности труда в области бумагопряденія, что никакое

соперничество ручной прялки с бумагопрядильной машиной оказалось невозможным. Хотя по прежнему привлекать рабочих в мастерскую капиталиста было очень трудно, почему на первых английских фабриках рабочие, также как и на прежних мануфактурах принадлежали в значительной степени к несвободному населению (бѣдные дѣти, содержащіеся на общественный счет, нищіе и т. п.) или же вербовались из бродяг, преступников и т. п. слоев общества, тѣм не менѣе, вслѣдствіе технических преимуществ машиннаго труда в бумагопряденьѣ, фабрика с чрезвычайной быстротой завоевала полное господство.

Уже к началу 19 вѣка ручное пряденіе бумажной пряжи в Англіи совершенно исчезает. В других отраслях производства побѣда фабрики была далеко не столь рѣшительной. Так напр., борьба ручного и машиннаго бумаготкачества растянулась в Англіи на цѣлыя десятилѣтія, а в других странах не закончилась и теперь. Объясняется это тѣм, что механический ткацкій станок далеко не так повышает производительность труда, как прядильная машина.

Благодаря машинѣ, крупное производство стало быстро распространяться на счет мелкаго. Правда, еще и теперь фабрика ни в одной странѣ не вытѣснила других форм промышленности. Вездѣ мы видим рядом с фабрикой мануфактуру и мелкое производство—и только в очень немногих отраслях труда крупное машинное производство достигло полного преобладанія. Однако, повсемѣстно, по мѣрѣ успѣхов техники, все новыя и новыя отрасли труда втягиваются в область машиннаго производства.

Крупное производство в области промышленности имѣет огромныя преимущества перед мелким. Первым и самым главным преимуществом является возможность пользоваться болѣе крупными средствами производства, постройками, помѣщеніями, орудіями и, прежде всего, машинами. Пользованіе машинами доступно преимущественно крупному производству: машины небольших размѣров гораздо менѣе производительны, чѣм крупныя машины.

Но к этой основной выгодѣ фабричнаго производства (машина) присоединяется цѣлый ряд других. Болѣе крупныя промышленныя заведенія могут в большей мѣрѣ пользоваться выгодами раздѣленія труда—могут привлекать к руководительству дѣлом подготовленных специалистов-инженеров, технологов и пр., что не доступно мелкому заведенію. Покупки всего необходимаго для заведенія в больших размѣрах обходятся относительно дешевле, чѣм для мелкаго заведенія. Крупное заведеніе может непосредственно сноситься с производителями для закупки нужных ему средств производства, минуя посредников, и покупать все нужное на самом дешевом, хотя бы отдаленном рынкѣ. Точно также и в продажѣ изготовленных продуктов круп-

ное заведение имѣет существенныя выгоды—оно может продавать на самом дорогом, хотя бы и отдаленном рынкѣ. Вообще крупное заведение может в своих мѣновых сношеніях менѣе пользоваться услугами торговых посредников (минуя, напр., розничнаго торговца при покупках и оптоваго при продажах) или даже непосредственно закупая у производителя и продавая потребителю с полным устраненіем торговаго посредничества и сберегать, таким образом, плату за торговое посредничество. Располагая, далѣе, крупным капиталом, крупное заведение может легче привлекать чужой капитал, оно, как говорят, болѣе кредитоспособно, чѣм мелкое заведение.

В тѣх случаях, когда должна быть исполнена крупная работа, необходимость крупнаго производства предписывается самым существом дѣла. Броненосец может быть построен только большим числом рабочих; точно также, для постройки большого дома требуется соотвѣтствующее количество объединенных рабочих.

Благодаря росту фабрики, крупное производство повсемѣстно быстро растет и приобретает все болѣе господствующее положеніе в промышленности. В этом сліяніи промышленнаго капитала во все болѣе и болѣе крупныя массы и заключается основное направленіе развитія капиталистической промышленности.

Примѣром этого направленія развитія может служить промышленное развитіе Германіи. По данным германских промышленных переписей число рабочих в торгово-промышленных заведеніях Германіи измѣнялось слѣдующим образом:

	1882 г.	1895 г.	1907 г.
	В тысячах		
Число рабочих в мелких торговопромышленных заведеніях, имѣющих до 5 рабочих на одно заведеніе	4.336	4.771	5.383
Число рабочих в торгово-промышленных заведеніях средняго размѣра, имѣющих от 6 до 50 рабочих на одно заведеніе	1.392	2.454	3.689
Число рабочих в крупных торгово-промышленных заведеніях, имѣющих на одно заведеніе свыше 50 рабочих	1.613	3.044	5.363

Эти цифры показывают, что мелкая промышленность отнюдь не исчезает, а лишь растет гораздо болѣе медленно крупной. Однако, благодаря этому болѣе медленному росту, относительное значеніе крупной и мелкой промышленности совершенно измѣняется. Германія 1882 года еще была страной мелкаго производства: в мелких промышленных заведеніях число рабочих значительно превосходило число рабочих в заведеніях болѣе крупных; напротив, в 1907 г. крупное и среднее производство дает занятіе гораздо большому числу рабочих,

чѣм мелкое производство. За четверть вѣка Германія превратилась в современную капиталистическую страну с огромным преобладаніем крупнаго капитала.

В то же время мѣняется и классовое положеніе населенія, живущаго от промышленности, как это видно из нижеслѣдующих цифр:

	1895 г.	1907 г.
	в тыс.	
Хозяева	1.774	1.729
Вышіе служащіе	264	686
Рабочіе	5.900	8.460

Число хозяев падает, хотя и незначительно, в то же время быстро растет число рабочих. Еще больше растет по своей численности новый средній класс—выших служащих. Этот новый общественный класс, замѣщающій прежнюю мелкую буржуазію, пріобрѣтает все большее и большее значеніе и общественное вліяніе. Но в отличіе от прежней мелкой буржуазіи, общественное значеніе которой падает, новый средній класс—представители умственнаго труда, интеллигенція—живут продажей своей рабочей силы, как и пролетаріат в собственном смыслѣ слова.

III.

В Россіи и на Украинѣ крупное производство развивалось в весьма своеобразных условіях, совершенно не похожих на то, что мы видим на Западѣ. Исторія русской крупной промышленности начинается с Петра I-го, которому удалось насадить в своем государствѣ мануфактуру помощью разнаго рода мѣръ поощренія и понужденія. К концу царствованія Петра I-го в Россійской имперіи считалось уже 233 мануфактуры.

Многія мануфактуры петровскаго времени были очень крупными по нѣскольку сот рабочих и даже свыше тысячи рабочих на фабрику; таких мануфактур на Западѣ не было даже значительно позже. Вообще, страной, в которой крупное промышленное производство получило в 18 вѣкѣ наибольшее развитіе, была, несомнѣнно, Россійская имперія.

Петр принимал разнообразныя мѣры для насажденія в своем государствѣ крупной промышленности. Мѣры эти заключались в установленіи высоких пошлин на заграничныя товары, в разрѣшеніи безпошлиннаго привоза из заграницы сырья и инструментов для мануфактур, в выпискѣ для мануфактур на казенный счет искусных мастеров из заграницы, в освобожденіи владѣльцев мануфактур от разнаго рода повинностей и т. п. Но все это практиковалось не в меньшем размѣрѣ и на Западѣ. Однако, там крупное промышленное

производство не получило такого распространения, как в России, хотя по своему промышленному развитию Россия стояла гораздо ниже Запада.

Это, на первый взгляд, странное и непонятное обстоятельство, объясняется следующим образом. И в России и на Западѣ только крайняя необходимость могла побудить свободного рабочего пойти на мануфактуру. На Западѣ это помѣшало росту крупного производства вплоть до изобрѣтенія прядильной и ткацкой машин. У нас же дѣло рѣшилось иначе. Петр стал просто приписывать к фабрикам рабочих из числа государственных крестьян сотнями и тысячами и таким образом у нас создалась мануфактура, основанная на принудительном трудѣ. Этим способом мануфактуры были снабжены рабочими руками. Что же касается до владѣльцев мануфактур петровскаго времени, то большей частью они принадлежали капиталистам, созданным торговым развитіем Московскаго княжества.

Купечество, устраивавшее мануфактуры, получило нужныя рабочія руки частью даромъ, благодаря припискѣ к мануфактурам государственных крестьян, частью за деньги, путем распространения на купцов права покупки помѣщичьих крестьян.

Приписанные рабочіе, а равно купленные к мануфактурам помѣщичьи крестьяне, образовали особый класс рабочих, названных впоследствии посессионными. Мануфактура с посессионными рабочими была господствующей формой нашего крупнаго промышленнаго производства в теченіи 18 вѣка. Посессионные рабочіе считались нераздѣльным цѣлым с мануфактурой и были в полном распоряженіи владѣльца, который не имѣлъ права, без разрѣшенія правительства, измѣнять характер производства, обязан был давать работу своим рабочим и подчинялся в своих отношеніях к ним надзору правительственной власти.

В 19 вѣкѣ происходит постепенное—сначала медленное, а затѣм быстрое—разложеніе посессионной мануфактуры. Во второй четверти 19 вѣка сами владѣльцы посессионной мануфактуры начинают просить правительство освободить их от „тягостей посессионнаго владѣнія“: благодаря измѣненію условій техники—распространенію машин—работа посессионными рабочими стала менѣе выгодной, чѣм работа свободными рабочими. Право пользованія принудительным, несвободным трудом, бывшее в 18 вѣкѣ необходимым условіем самой возможности возникновенія в России крупнаго промышленнаго производства и предметом самых горячих вождедѣній фабрикантов из купечества, в 19 вѣкѣ стало тормазом развитія промышленности. Под вліяніем волненій посессионных рабочих и просьб самих промышленников о разрѣшеніи им увольнять своих рабочих в свободное состояніе, правительство Николая I-го издало в 1840 г. закон, которым такое увольненіе, на извѣстных условіях, разрѣшалось. Болѣе половины посес-

сионных рабочих получило благодаря этому закону свободу. Принудительный труд, таким образом, сам собою, естественным образом, отмирал на русских и украинских фабриках.

Освобождение крестьян не произвело большого потрясения в русской и украинской крупной промышленности благодаря тому, что к тому времени уже преобладал наемный труд. В общем, крупная промышленность развивалась в русском государстве довольно медленно до девяностых годов прошлого века. Главным средоточием промышленности была центральная часть Великороссии, Московская, Ярославская, Владимирская, Костромская и соседние губернии, а, с другой стороны, окраины русского государства — Петербург и прибалтийские губернии, а также Царство Польское.

В центральном промышленном районе развивается преимущественно хлопчатобумажная промышленность, в меньшей же степени льняная, шерстяная (суконная) и шелковая промышленность. Хлопчатобумажная промышленность, наиболее важная по числу занимаемых ею рабочих рук, была сосредоточена преимущественно во Владимирской и Московской губерниях. Причины, вызвавшие развитие в этом районе хлопчатобумажной промышленности, были весьма сложны. С одной стороны, эта область была искони очень промышленной и торговой, что объяснялось близостью к такому крупному торговому центру, как Москва, бывшая средоточием торговли всего огромного Московского княжества, при крайне плохой почве, не дававшей возможности населению прокормиться земледелием. По этой последней причине в центральной России уже в 16 и 18 веках получает большое развитие по деревням кустарная промышленность, дававшая возможность великорусскому крестьянину прибавлять к своему весьма скудному доходу от земледелия добавочный доход от кустарного производства.

С другой стороны, в Москве и вокруг нея имело немало крупных капиталистов — торговцев, которые держали в своих руках торговлю всего обширного московского края. В руках этих торговцев были сосредоточены очень крупные капиталы, которые и пошли на устройство фабрик.

Для этих фабрик был открыт огромный рынок в виде многочисленных стран, присоединенных завоеваниями к Российской империи. Со времени Петра русские императоры деятельно стремились к развитию в своем государстве собственной промышленности, и этим определялось общее направление русской торговой политики, ставившей себя целью недопущение в свое государство иностранных промышленных изделий. Таким образом, в пределах российского государства возникла огромная область, в которую с трудом проникали

иностранныя промышленныя издѣлія, но которая была открыта для туземныхъ промышленныхъ издѣлій.

Итакъ, в московскомъ районѣ имѣлось населеніе, привыкшее къ промышленному труду в своей собственной избѣ, имѣлись крупные капиталисты, которые могли вложить свои капиталы в промышленность и в то же время имѣлся необъятный рынокъ для сбыта промышленныхъ продуктовъ, в особенности съ тѣхъ поръ, какъ къ Московскому княжеству была присоединена богатая Украина.

Все это повело къ сосредоточенію в московской области крупной промышленности. Эта промышленность направилась преимущественно на обработку хлопчатобумажнаго волокна и в половинѣ 19 вѣка здѣсь возникла мощная хлопчатобумажная промышленность, частью в избахъ кустарей, частью фабричная. Хотя хлопокъ и не является продуктомъ мѣстнаго производства, тѣмъ не менѣе именно хлопокъ былъ наиболѣе пригоднымъ матеріаломъ для переработки в ткань по той причинѣ, что по техническимъ условіямъ бумажная ткань гораздо дешевле шерстяной, льняной, пеньковой или, тѣмъ болѣе, шелковой. А такъ какъ русскій рынокъ слагался изъ очень бѣдныхъ потребителей, то массовой сбытъ среди нихъ могли получить лишь наиболѣе дешевыя ткани, каковыми, какъ сказано, являются хлопчатобумажныя.

Вотъ почему хлопчатобумажная промышленность пышно расцвѣла в московскомъ районѣ. Напротивъ, в Украинѣ промышленность не получила никакого развитія: украинскій рынокъ былъ заполненъ издѣліями московскихъ и владимирскихъ фабрикъ, на Украинѣ не было крупныхъ капиталистовъ, не было и торговопромышленнаго духа Москвы. Политика петербургскихъ императоровъ была направлена на поощреніе промышленности преимущественно московской области, а также в петербургскомъ районѣ.

Правда, в прибалтійскихъ губерніяхъ, в такихъ торговыхъ центрахъ, какъ Рига или Либавъ, также развивается крупная промышленность, но на совершенно иной основѣ. Здѣсь возникаютъ разнаго рода отрасли механической и машиностроительной промышленности, благодаря, с одной стороны, сравнительно высокому уровню образованія и предприимчивости мѣстнаго болѣе культурнаго населенія этихъ провинцій, а с другой стороны, благодаря дешевизнѣ каменнаго угля, доставлявшагося преимущественно изъ Англіи.

Украина, несмотря на ея природныя богатства, оставалась вплоть до послѣднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка, страной почти исключительно земледѣльческой.

В восьмидесятыхъ годахъ 19 вѣка начинается быстрое промышленное развитіе нѣкоторыхъ частей Украины. В Донецкомъ бассейнѣ и Екатеринославской губерніи имѣются богатые залежи, с одной стороны — каменнаго угля, с другой — желѣзной руды. Когда была построена

Екатери́нинская желѣзная дорога, соединившая желѣзо с углем, то в этой области начинается быстрое развитіе той промышленности, которая является самой важной в капиталистических странах нашего времени—в желѣзодѣлательной.

Желѣзодѣлательная промышленность в Екатеринославской губерніи и Донецком районѣ быстро обгоняет старинную русскую желѣзодѣлательную промышленность Урала. Вме́стѣ с этим в различных областях Украины начинают расти механическіе и машиностроительные заводы, особенно производство сельскохозяйственных машин и орудій.

Однако хлопчатобумажная промышленность по прежнему остается достояніем исключительно московской области—Украина не имѣет бумаготкацких и бумагопрядильных фабрик и вообще имѣет очень мало фабрик, изготовляющих пряжу и ткани.

Рост фабричной промышленности в бывшей Россійской имперіи тормазился многими условіями и, прежде всего, крайне низкой производительностью труда русскаго рабочаго, что в свою очередь, объяснялось отсталостью всего общественнаго и политическаго строя русскаго государства. Считают, напр., что, в Англіи на 1000 прядильных веретен в хлопчатобумажной промышленности требуется 3 рабочих, в то время как в Россіи требуется 16 рабочих. Весьма поучительны сравнительныя данныя относительно производительности фабрично-заводской промышленности в Соединенных Штатах Сѣверной Америки и Россійской имперіи в 1900 г.

Цѣна произведенных продуктов. (в милліонах р.)	Число рабочих (в тысячах).	Средній годичный заработок на 1 рабочаго (в рублях).	1 раб. производит продуктов на сумму (в рублях).
Россія . . . 3.005	2.373	200	1.266
Соед. Штаты . 25.296	5.321	850	4.754

В два слишком раза большее число рабочих в Америкѣ производило вначалѣ этого вѣка продуктов на сумму в 8 раз большую. Производительность труда американскаго рабочаго была, в среднем, почти в четыре раза выше, чѣм русскаго, если опредѣлять эту производительность по цѣнности изготовляемаго продукта. Если же взять количество изготовляемаго продукта, то превосходство американскаго рабочаго перед русским окажется еще болѣе значительным.

Почему же русскій рабочій производит так ничтожно мало? Потому что русскія фабрики плохо оборудованы в техническом отно-

шеніи, потому что русскому рабочему, равно как и капиталисту, не хватает знанія и умѣнія его американскаго собрата, потому, словом, что по всему культурному уровню Россійская имперія стояла чрезвычайно низко. А эта культурная отсталость находилась в непосредственной связи с общими политическими и общественными условіями существованія Россійской имперіи.

Особенностью капиталистической промышленности русскаго государства было чрезвычайное преобладаніе в ней очень крупных фабрик и заводов. Как выше было указано, уже в 18 вѣкѣ Россія была той страной, в которой крупное промышленное производство было развито всего сильнѣе. И в настоящее время наблюдается тоже—в русской капиталистической промышленности крупныя заведенія играют болѣе важную роль, чѣм в Западной Европѣ. Правда, капиталистическая фабрика в общем строѣ хозяйства прежней русской имперіи играет гораздо меньшую роль, чѣм в таких передовых странах капиталистическаго міра, как напр., Германія. Но за то в предѣлах фабричной промышленности Россіи роль крупной фабрики больше, чѣм в Германіи.

Так, в Германіи в 1895 году считалось в средних и крупных торговых и промышленных заведеніях свыше 5 миллионов занятых лиц, причем в огромных заведеніях, имѣющих каждое свыше 1000 рабочих, было занято 563 тысячи лиц. В 1907 г. число лиц, занятых в крупных и средних торговопромышленных заведеніях Германіи, превысило 9 миллионов, число же лиц, занятых в огромных заведеніях, имѣющих каждое свыше 1000 рабочих, достигло 955 тысяч. В Россіи в 1902 г. на крупных фабриках и заводах, имѣющих каждый свыше 1000 рабочих, было занято 710 тысяч, при общем числѣ фабричных рабочих около 2 миллионов. Далеко отставши от Германіи по числу занятых на фабриках рабочих, Россія стояла впереди Германіи по числу рабочих, занятых на огромных фабриках. В Германіи в 1907 г. лишь около 11% всего рабочаго персонала крупных и средних заведеній было занято в огромных фабриках, в Россіи же в 1902 г. почти 40%.

Огромное значеніе этого обстоятельства очевидно. Хотя фабрик в Россіи и было мало сравнительно с тѣм, что мы видим в других, болѣе передовых странах, зато в ней преобладали болѣе крупныя фабрики. Объясняется это тѣм, что Западная Европа знала иной высоко развитой промышленный строй, кромѣ капитализма. На Западѣ существовала и существует стойкая и жизнеспособная средняя и мелкая промышленность, имѣвшая славное прошлое и лишь шаг за шагом уступающая натиску крупнаго капитала. На Западѣ имѣется многочисленный средній класс—средняя и мелкая буржуазія мелкіе

торговцы и промышленники, энергичные, предприимчивые и зажиточные, умѣющие отстаивать в борьбѣ с крупным капиталом свои интересы. В Россіи же не было никакой другой развитой промышленности, кромѣ капиталистической, и не было зажиточного и многочисленного класса мелких торговцев и промышленников—не было развитой мелкой буржуазіи.

Вот почему русскій капитализм, не встрѣчая никакого сопротивления, сложился в формы, еще не достигнутыя странами, далеко стоящими впереди Россіи. Бывшая русская имперія была страной социальных противоположностей—мелкой деревенской промышленности и очень крупной фабричной, полунницей народной массы и малочисленных, но богатых и вліятельных капиталистов.

Незначительное распространѣніе в Россіи мелкой буржуазіи опредѣлило и характер русскаго общественнаго развитія за послѣдніе годы. Мелкая буржуазія играет на Западѣ роль социального масла, уменьшающаго остроту и колючесть общественных столкновѣній. Мелкая буржуазія Запада является и в настоящее время чрезвычайно вліятельным общественным классом, непосредственно сливающимся, с одной стороны, с рабочими массами, с другой же стороны с людьми умственного труда. Врачи, инженеры, чиновники, служащіе, писатели, адвокаты—всѣ эти люди умственного труда выходят на Западѣ преимущественно из рядов мелкой буржуазіи. В то же время мелкая буржуазія стоит близко и к рабочему классу, не отдѣляясь от него цѣлой пропастью по своим условіям жизни, привычкам и интересам, как крупная буржуазія.

Мелкая буржуазія была в 18 вѣкѣ революціонным классом: именно эта общественная группа произвела великую французскую революцію. Но в 19, а еще болѣе, в 20 вѣкѣ, когда жизнь выдвинула на очередь вопрос о коренном преобразованіи всего современнаго общества на совершенно новых началах, когда социализм стал все болѣе притягивать к себѣ народныя массы, мелкая буржуазія явилась лучшим оплотом существующаго общественнаго строя, основаннаго на частной собственности, ибо мелкій собственник еще больше дорожит своим небольшим капиталом, скопленным нерѣдко цѣной долголѣтняго труда и отказа себѣ во всем необходимом, чѣм наследник крупнаго капитала полученнаго им без всяких усилій и забот от богатых родителей. Именно у мелких собственников мы обычно встрѣчаем тот „фанатизм собственности“, который заставляет человека жертвовать всѣм на свѣтѣ и даже своей жизнью для охраны и защиты своей собственности.

В Россіи класс мелкой буржуазіи не играет почти никакой общественной роли. Вот почему наша революція 1917 года приобрѣла такой

разрушительный характер, и русское государство из страны неограниченного господства монарха превратилось без всяких промежуточных ступеней в социальную республику.

Успѣх социалистических учений среди народных масс Россіи, Украины и других составных частей бывшей русской имперіи объясняется, таким образом, прежде всего слабым развитіем в стрѣѣ русскаго общества класса мелкой буржуазіи.

Глава V.

Обмѣн и цѣна.

I.

Капиталистическое производство работает не для собственных нужд капиталиста-предпринимателя, а для продажи на сторону, на рынок. Обмѣн совершается при посредствѣ купли-продажи товара по опредѣленной цѣнѣ. Поэтому цѣна играет чрезвычайно важную роль в ходѣ капиталистическаго хозяйства.

Чтобы общественныя потребности в капиталистическом хозяйствѣ достигали своего удовлетворенія, необходимо производство каждаго товара как раз в том количествѣ, в каком он требуется обществом. Для жизни общества ежегодно требуется опредѣленное количество пшеницы, мяса, молока, желѣза, мѣди, кирпичей, сукна, стекла и т. д. и если каждый из этих продуктов не будет производиться в должном количествѣ, хозяйственная жизнь остановится. Между тѣм, продукты производятся отдѣльными производителями без всякаго соглашенія друг с другом. Отдѣльные производители пшеницы, или чугуна, или стекла не вступают ни в какія соглашенія друг с другом для установленія, сколько именно товаров даннаго рода они должны произвести, чтобы удовлетворить общественную потребность в этих продуктах. И, тѣм не менѣе, несмотря на отсутствіе таких соглашеній, выходит само собой, что из года в год производится приблизительно как раз столько продуктов даннаго рода, сколько требуется обществом.

Каким же образом достигается это удивительное соотвѣтствіе между общественным производством и потребленіем? Почему мы находим в лавкѣ, в которую заходим, как раз тѣ товары, которые нам нужны, хотя мы их не заказывали и не принимали никаких мѣръ к тому, чтобы осведомить лавочника о наших нуждах?

Очевидно, товарное хозяйство обладает каким то механизмом, который сам собой, без всякаго вмѣшательства общественной власти, приводит к тому, что товары производятся в соотвѣтствіи с общественным спросом.

Этот механизм заключается в слѣдующем. Каждый товар получает на рынкѣ опредѣленную цѣну, измѣняющуюся в зависимости от общественнаго спроса на данный товар и предложенія послѣдняго. Колебанія товарной цѣны указывают товаропроизводителям, производство каких товаров должно быть расширено и каких сокращено.

Если, напр., сукна произведено в данном году больше, чѣм требуется обществом, то цѣна сукна упадет. Пониженіе цѣны сукна сократит прибыль суконных фабрикантов и в слѣдующем году суконные фабриканты произведут меньше сукна. Наоборот, если сукна произведено меньше, чѣм требуется обществом, цѣна сукна повысится, прибыль суконных фабрикантов возрастет и производство сукна в слѣдующем году расширится.

Таким образом, колебанія рыночной цѣны товара дают товаро-производителю ясныя указанія, каково соотношеніе общественнаго спроса и общественнаго предложенія для даннаго товара; руководствуясь этими указаніями товаропроизводители расширяют или сокращают свое производство и таким образом возстановляют равновѣсіе общественнаго производства и общественнаго потребленія, если это равновѣсіе нарушается.

Колебанія рыночных цѣн необходимы, таким образом, для самого существованія товарнаго хозяйства, для того, чтобы поддерживалось извѣстное равновѣсіе между общественным производством и потребленіем.

II.

Чѣм же опредѣляется высота рыночной цѣны? В основѣ цѣны каждого товара лежит оцѣнка продаваемого товара со стороны покупателей его. И каждый покупатель цѣнит покупаемый товар тѣм ниже, чѣм большим количеством товаров этого рода он располагает или может располагать.

Наша расцѣнка того или иного продукта непосредственно опредѣляется его полезностью. Мы цѣним то, что нам полезно, и цѣним тѣм выше, чѣм больше пользы мы получаем от оцѣниваемого предмета.

Может показаться, что хозяйственная оцѣнка не управляется полезностью предметов, так как нерѣдко предметы не только полезные, но даже и необходимые для жизни, не имѣют никакой хозяйственной цѣны.

Возьмем, напр., воду. Без воды жить нельзя; однако, вода на берегу рѣки совершенно нами не цѣнится и мы не дадим ни копейки за предложенное нам ведро воды.

Всмотримся в этот случай поближе и мы увидим, что и в этом случаѣ наша оцѣнка управляется полезностью, хотя связь между полезностью и оцѣнкой в данном случаѣ и не так ясна и очевидна.

Пусть у меня в домѣ имѣется четыре ведра воды. Первое ведро мнѣ необходимо для жизни—оно служит мнѣ для утоленія жажды и для приготовленія пищи—полезность его является наивысшей и соотвѣтственно этому я цѣнил бы это ведро, если бы оно было у меня единственным и я не мог бы его замѣнить никаким другим, всего выше.

Вот почему путешественник в пустынѣ так высоко цѣнит свой единственный мѣх с водой—без этой воды он умер бы от жажды и за мѣх с водой он заплатил бы любую цѣну, ибо без этого мѣха он не может жить.

Но если у меня в домѣ нѣсколько ведер воды, то каждое послѣдующее ведро удовлетворяет менѣ важным нуждам. Второе ведро воды служит мнѣ, напр., для умыванья, третье—для стирки бѣлья, четвертое для поливки цвѣтов.

Как-же я буду цѣнить ведро воды, если в моем распоряженіи имѣется четыре ведра? Утративши одно ведро воды из четырех, я, очевидно, не откажусь от утоленія жажды, а только не полью своих цвѣтов. Слѣдовательно, с обладаніем одного ведра воды связано, в данном случаѣ, то удовольствіе, которое я получаю от своих цвѣтов, но моя жизнь никоим образом не зависит от обладанія четвертым ведром воды. И потому я буду цѣнить одно ведро воды в данном случаѣ по тому удовольствію, которое я получаю от цвѣтов.

Итак, я цѣню единицу тѣх или иных предметов не по наибольшей пользѣ, которую этот предмет может мнѣ принести, если его количество в моем распоряженіи очень невелико, но, наоборот, по наименьшей пользѣ, которую я получаю от единицы этого предмета из всего запаса этих предметов в моем распоряженіи.

Теперь не трудно понять, почему я совсѣм не цѣню ведра воды на берегу рѣки. Вѣдь большая часть воды в рѣкѣ мнѣ совершенно бесполезна. Если я пролью ведро воды, то стоит мнѣ зачерпнуть в рѣкѣ, и вода у меня будет. Как же я могу цѣнить это ведро воды, если воды в моем распоряженіи больше, чѣм мнѣ нужно, и если большая часть воды в моем распоряженіи совершенно для меня бесполезна?

Значит, не придавая водѣ на берегу рѣки никакой цѣнности, я расцѣнивал воду по ея полезности, ибо, дѣйствительно, большая часть воды в рѣкѣ мнѣ совершенно бесполезна.

Итак, я расцѣниваю предметы по их полезности—но не по наибольшей полезности, которую они могут мнѣ принести, а по наименьшей полезности, которую я из них извлекаю в дѣйствительности.

Вот почему я нерѣдко расцѣниваю гораздо выше предметы, удовлетворяющіе маловажным потребностям, чѣм предметы, удовлетворяющіе потребностям гораздо болѣе существенным.

Возьмем, напр., хлѣб и золото. Хлѣб необходим мнѣ для жизни, без него я не могу жить, без золота же я прекрасно могу обойтись, так как оно служит мнѣ лишь для украшенія.

И, однако же, фунт золота я цѣню гораздо выше, чѣм фунт хлѣба. Почему?

Да потому, что лишній фунт хлѣба гораздо менѣе увеличит мое благополучіе, чѣм лишній фунт золота. Хлѣба у меня много и лишній фунт хлѣба даст мнѣ очень мало, точно также утративши 1 фунт хлѣба из своего хлѣбнаго запаса, я пострадаю очень незначительно, поэтому я не могу цѣнить хлѣб высоко.

Другое дѣло, если бы у меня не хватало хлѣба для жизни—тогда бы я цѣнил хлѣб выше всего остального. Вот почему в осажденном городѣ хлѣб цѣнится так высоко—с обладаніем куска хлѣба связано в этом случаѣ не только здоровье, но иногда и самая жизнь.

В обычных же условіях жизни 1 фунт хлѣба не играет большой роли в жизни человѣка. Напротив, пріобрѣтеніе или утрата 1 фунта золотых украшеній гораздо больше отражается на благополучіи человѣка.

Получивши золотых украшеній на 1 фунт, человѣкъ почувствует, в обычных условіях жизни, гораздо больше удовольствія, чѣм получивши 1 фунт хлѣба. Точно также, утративши 1 фунт золотых украшеній, человѣкъ почувствует гораздо большее лишеніе, чѣм утративши 1 фунт хлѣба. Все дѣло в том, что хлѣба у нас много, а золота мало—потребность в золотѣ насыщена гораздо меньше, чѣм потребность в хлѣбѣ.

Значит, полезность 1 фунта золота в обычных условіях жизни гораздо выше, чѣм полезность 1 фунта хлѣба. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что золото расцѣнивается гораздо выше хлѣба, хотя золото есть предмет роскоши, а хлѣб предмет необходимости.

Расцѣнивая золото выше, чѣм хлѣб, я расцѣниваю и тот и другой предмет по той пользѣ, которую я получаю от фунта золота и от фунта хлѣба: хотя полезность всего количества хлѣба гораздо выше, чѣм полезность всего количества золота, полезность 1 фунта золота гораздо больше, чѣм полезность 1 фунта хлѣба.

Итак, наши оцѣнки различных предметов опредѣляются той пользой, которую мы извлекаем из этих предметов (точнѣе говоря, полезность послѣдней единицы предметов этого рода из всего запаса этих предметов в нашем распоряженіи). Чѣм больше предметов того или другого рода имѣется в нашем распоряженіи, тѣм ниже будет польза, получаемая нами от послѣдней единицы этих предметов; и потому, чѣм больше этих предметов, тѣм ниже мы их цѣним.

Наши расцѣнки предметов зависят, слѣдовательно, от их количества в нашем распоряженіи. Поэтому цѣны товаров находятся в зависимости от нужды общества в этих товарах и от их количества на рынкѣ. Чѣм больше общество нуждается в данном товарѣ, тѣм выше его цѣна; точно также цѣна товара бывает тѣм выше, чѣм меньше товара поступает на рынок.

Наоборот, чѣм меньше нужда общества в данном товарѣ, или чѣм больше товара поступает на рынок, тѣм ниже бывает его цѣна.

Колебанія предложенія товара на рынкѣ всегда отражаются на их цѣнах, но далеко не одинаково для различных товаров. Цѣны предметов необходимости колеблются обычно гораздо больше, чѣм колеблется их предложеніе, цѣны предметов роскоши—менѣе. Объясняется это слѣдующим образом. От потребления предмета необходимости отказаться нельзя без ущерба для здоровья и жизни, отказаться же от потребления предмета роскоши можно без всякаго для себя ущерба. Пусть, напр., произошел сильный неурожай хлѣба и хлѣба в странѣ стало вдвое меньше прежняго. Если уменьшить вдвое потребленіе хлѣба, то придется испытывать тяжелыя лишенія и голодать; поэтому каждый охотно заплатит гораздо высшую цѣну за хлѣб, лишь бы не остаться без хлѣба. И, дѣйствительно, мы видим, что даже незначительное уменьшеніе урожая хлѣба обычно очень сильно повышает цѣну послѣдняго: при уменьшеніи на 1 десятую урожая хлѣба, цѣна хлѣба обычно повышается на 2 десятых, при уменьшеніи урожая на 2 десятых, цѣна хлѣба повышается на 8 десятых, при уменьшеніи урожая на 3 десятых, цѣна повышается на 16 десятых, при уменьшеніи урожая вдвое, цѣна хлѣба повышается почти в пять раз и т. д. Конечно, этот расчет не является всеобщим правилом и цѣна хлѣба не всегда измѣняется именно таким образом; но всегда и неизмѣнно цѣна хлѣба повышается больше, чѣм сокращается его предложеніе.

Напротив, если сокращается предложеніе какого-нибудь предмета роскоши, то цѣна его не может вырасти очень сильно, так как при возрастаніи его цѣны быстро сокращается и спрос на него—без предметов роскоши можно обойтись и если они становятся очень дороги, то их не покупают.

Статистика подтверждает сказанное и показывает, что размѣръ общественнаго потребления предметов необходимости мало зависит от цѣны, между тѣм как общественное потребленіе предметов роскоши измѣняется очень сильно при измѣненіи цѣны. Так, напр., потребленіе хлѣба на 1 душу населенія в Парижѣ почти не измѣнялось, до войны, из года в год, не смотря на значительныя колебанія цѣны хлѣба, между тѣм как потребленіе сахара сильно колебалось в зави-

симости от цѣны сахара: всякое повышеніе цѣны сахара немедленно вызывало рѣзкое сокращеніе спроса на сахар, что и задерживало дальнѣйшій рост цѣны сахара.

III.

Все сказанное относится к рыночным цѣнам товаров, постоянно колеблющимся вниз и вверх. Но колебанія эти происходят вокруг нѣкотораго центра—средней, обычной цѣны товара. Эти среднія цѣны для различных товаров весьма различны. Чѣм же опредѣляются различія средних цѣн?

В современном капиталистическом хозяйствѣ производством управляет капиталист, стремящійся к полученію наибольшаго барыша на затраченный капитал. Если в одной отрасли производства продуктов произведено мало сравнительно со спросом на них, то цѣна этих продуктов повысится и капиталист выручит значительную сумму за проданные продукты сравнительно с произведенными им затратами; прибыль капиталиста будет высока. Напротив, если в другой отрасли производства продуктов произведено много сравнительно со спросом на них, то цѣна этих продуктов упадет и капиталист выручит незначительную сумму за проданные продукты; прибыль капиталиста будет низка.

Таким образом, в первой отрасли производства прибыль окажется выше, чѣм во второй. Но так как всѣ капиталисты в равной мѣрѣ стремятся получить наивысшую прибыль на затраченный капитал, то болѣе высокая прибыль в первой отрасли производства, чѣм во второй, побудит капиталистов второй отрасли производства сократить производство и перевести свой освободившійся капитал из второй области производства, с низкой прибыльностью, в первую отрасль производства, с высокой прибыльностью.

Капитал начнет, слѣдовательно, переходить из второй отрасли производства в первую. Прилив капиталов в первую отрасль производства вызовет в ней расширеніе производства, слѣдствіем чего явилось пониженіе цѣны продуктов даннаго рода. Напротив, отлив капиталов из второй отрасли производства вызовет в ней повышеніе цѣн продуктов даннаго рода.

Перемѣщеніе капиталов из отраслей производства с низкой прибыльностью в отрасли производства с высокой прибыльностью будет продолжаться до тѣх пор, пока прибыль в обѣих отраслях производства не выравняется, иначе говоря, пока средняя цѣна продукта в обѣих отраслях производства не придет в одинаковое соотношеніе с издержками производства продуктов каждаго рода.

Таким образом, среднія цѣны продуктов управляются издержками производства каждаго продукта. Издержки производства управ-

ляют средними цѣнами товаров, благодаря перемѣщенію капиталов из одних отраслей производства в другія, в видах выравниванія прибыли.

Но в различных капиталистических предприятиях издержки производства одного и того же товара могут быть весьма различны.

В одних предприятиях издержки производства данного товара могут быть выше, в других—ниже. Возьмем, напр., товар, производимый и в кустарной мастерской и на фабрикѣ—хотя бы замок. Замки выдѣлываются кустарями, но также замочными фабриками. На производство машиннаго замка требуются значительно меньшія затраты, чѣм на производство того же замка кустарями. Какія же издержки производства—перваго или втораго рода—будут опредѣлять цѣну замка?

Пусть на замочной фабрикѣ сдѣланы какія-либо техническія улучшенія, удешевляющія стоимость производства замка. Это не может не вызвать паденія цѣны замка, как фабричнаго, так и кустарнаго—по той причинѣ, что если цѣна замка не упадет, то повысится прибыль изготовляющаго замок фабриканта, что, в свою очередь, должно вызвать прилив капитала к производству замков и, значит, расширение производства замков, долженствующее неизбѣжно привести к паденію цѣны этого товара. Значит, цѣна замка опредѣляется условіями производства его на фабрикѣ, т. е. там, гдѣ издержки производства продукта всего ниже. Объясняется это тѣм, что фабричный замок мог бы вполне покрыть потребность рынка в замках, почему кустарь и принужден понижать цѣну своего замка до уровня фабричнаго, в противном случаѣ кустарный замок не нашел бы себѣ сбыта.

Напротив, в других случаях мы видим, что цѣна товара опредѣляется наивысшими издержками его производства. Допустим, напр., что хлѣб производится на нѣскольких участках земли различнаго плодородія. На болѣе плодородных участках стоимость производства хлѣба значительно ниже, чѣм на менѣе плодородных. Какими же издержками производства будет регулироваться цѣна хлѣба? Несомнѣнно, наивысшими издержками производства—и по слѣдующей причинѣ. Производство хлѣба на лучших участках не может покрыть всей общественной потребности в хлѣбѣ, для удовлетворенія общественной потребности в хлѣбѣ необходимо его производить и на худших участках. Если же цѣна хлѣба не будет соответствовать издержкам его производства на самых худших из участков, обработка которых необходима для удовлетворенія общественной потребности в хлѣбѣ, то обработка этих участков прекратится, и, значит, количество хлѣба сократится, что, в свою очередь, вызовет повышеніе цѣны

хлѣба. Таким образом, цѣна хлѣба неизбѣжно должна подняться до уровня, опредѣляемаго издержками производства хлѣба на самом худшем из обрабатываемых участков. Иными словами, не низшія, а высшія издержки производства продукта опредѣлят в данном случаѣ его цѣну.

Каждое отдѣльное предпріятіе имѣет свои особенности, и стоимость производства в каждом из них различна. Во всяком родѣ производства имѣются предпріятія, стоимость производства в которых значительно ниже средней. Но если эти отклоненія от средней имѣют случайный характер, то они обычно не оказывают никакого вліянія на цѣну товара, которая в этом случаѣ опредѣляется не высшими и не низшими, а средними издержками производства. Тѣ же предпріятія, которыя в силу своих особенных условій производят с низшими издержками производства, извлекают добавочную прибыль, а в предпріятіях с высшими издержками производства, прибыль соответственно понижается против средняго уровня.

Общее правило, вытекающее из разсмотрѣнных частных случаев, может быть выражено слѣдующим образом: цѣна свободно воспроизводимаго товара опредѣляется тѣми издержками его производства, при которых товар может быть воспроизведен в количествѣ, требуемом рынком. Когда потребность рынка может быть покрыта товарами, производимыми при низших издержках производства, то эти низшія издержки производства регулируют цѣну товара. Когда этого нѣтъ, когда для рынка необходимо производство товара при высших издержках производства, то цѣна регулируется этими послѣдними. Наконец, когда потребность в товарѣ может быть удовлетворена при производствѣ его на основѣ средних издержек производства, то эти послѣднія опредѣляют его цѣну.

Но издержки производства опредѣляются, в свою очередь, главным образом количеством труда, которое требуется для производства даннаго товара. Если издержки производства шелковой ткани гораздо выше, чѣм бумажной, то это главным образом, потому, что на производство шелковой ткани требуется гораздо болѣе труда, чѣм на производство бумажной ткани.

Почему пуд картофеля имѣет гораздо низшую цѣну, чѣм пуд пшеницы? Потому, что издержки производства пуда картофеля гораздо ниже, чѣм издержки производства пуда пшеницы. А почему издержки производства картофеля ниже, чѣм пшеницы? Потому, что на производство картофеля требуется гораздо меньшая затрата труда, чѣм на производство пшеницы: при приблизительно одинаковой затратѣ труда на обработку земли и снятіе урожая, десятина под картофелем может дать, в области, гдѣ воздѣлывается пшеница, до 1000

пудов продукта, а десятина под пшеницей не дает, в среднем, и 100 пудов продукта. Значит, пшеница требует во много раз большей за траты труда, чѣм картофель, и потому и цѣна пшеницы во много раз превышает цѣну картофеля.

Таким образом, в концѣ концов среднія цѣны товаров опредѣ- ляются, преимущественно, трудом, требующимся для производства даннаго продукта.

Глава VI.

Торговля.

I.

Мы не знаем народов, совершенно не знающих обмѣна и живущих продуктами исключительно собственнаго труда. Однако, на первых ступенях хозяйственнаго развитія обмѣн играет незначительную роль в хозяйствѣ народов — самыя важныя потребности удовлетворяются продуктами собственнаго хозяйства без посредства обмѣна и только незначительная часть продуктов поступает в обмѣн. Но с теченіем времени обмѣн и торговля приобрѣтают в народном хозяйствѣ все большее и большее значеніе. Свое полное развитіе торговля получает при капитализмѣ, когда значительно большая часть продуктов общественнаго труда достигает потребителя только пройдя через каналы торговли.

При слабом развитіи торговли, послѣдняя не совершается непрерывно в теченіе года, но приурочивается преимущественно к определенным дням в году (базары, ярмарки и т. д.) Чѣм больше развивается торговля, тѣм ея перерывы становятся меньше и, наконец, она охватывает весь год и становится постоянной. Капиталистическое хозяйство характеризуется именно этой непрерывностью торговли, благодаря чему ярмарки во время расцвѣта капитализма отмирают и теряют свое значеніе.

Так, в Россіи еще недавно господствующую роль в торговлѣ играла крупнѣйшая в мірѣ ярмарка — Нижегородская ярмарка. Однако, начиная с восьмидесятых годов прошлаго вѣка обороты этой ярмарки начинают, с колебаніями, падать; в настоящее время ярмарка эта даже отдаленно не играет в строѣ русскаго хозяйства той роли, какую играла в половинѣ прошлаго вѣка.

То же нужно сказать и об украинских ярмарках, которыя еще недавно стягивали к себѣ большую часть украинской торговли. Теперь онѣ находятся в упадкѣ, что привело к упадку нѣкоторых городов, хозяйственное значеніе которых основывалось на этих ярмарках. Так, напр., нѣкогда важный центр торговой жизни Полтавской

губерніи — Ромны — превратился, благодаря упадку своих нѣкогда славных ярмарок, в незначительный уѣздный город,

Однако, наряду с упадком ярмарок, для капиталистическаго хозяйства характерно растущее значеніе, приобретаемое совершенно иной формой организациі торговли—биржей. Биржа имѣет, с внѣшней стороны, нѣчто общее с ярмаркой, но в дѣйствительности она представляет собой хозяйственную организацию совершенно иного рода и преслѣдует совершенно иныя цѣли. Подобно тому, как ярмарка была мѣстом, гдѣ в определенное время встрѣчались покупатели и продавцы, так и биржа является организованным собраніем торговцев, — покупателей и продавцев. Отличается же биржа от ярмарки, во-первых, тѣм, что ярмарка является временным собраніем торговцев, между тѣм как биржа есть учрежденіе дѣйствующее постоянно, в теченіе всего года. Но это различіе мало существенно, важнѣе различіе иного рода—а именно, то, что на ярмарку товар подвозится в своем дѣйствительном видѣ, на биржѣ же торговые обороты производятся без пред'явленія товара. Мѣсто самого товара заступают его образцы, или даже только документы, устанавливающіе какими свойствами и качествами обладает данный товар. На биржѣ товарное обращеніе как бы отрывается от дѣйствительных товаров и обращаются не самые товары, а лишь документы, удостоверяющіе, что владѣлец документа может получить товар определеннаго рода в определенном количествѣ. Именно поэтому биржевые обороты и могут достигать таких огромных размѣров.

Но для того, чтобы документ мог замѣнять собой дѣйствительный товар, необходимо, чтобы товар удовлетворял извѣстным требованіям биржевого оборота, был так сказать, безличен, замѣним; нужно, чтобы товар был такого рода, чтобы каждая штука этого товара могла быть замѣнена, без уменьшенія цѣнности, другой штукой товара.

Далеко не всѣ продаваемые предметы обладают такими свойствами. Возьмем, напр., лошадей или рогатый скот—они не могут быть предметом биржевой торговли, так как каждая лошадь или корова имѣет свои особенности, преимущества или недостатки, благодаря чему цѣна лошади или коровы может быть очень различна в зависимости от ея достоинств. Поэтому лошадь никто не купит за глаза, только по ея описанію. Но огромное большинство товаров (хлѣб, металлы, хлопок, каменный уголь, чай, кофе и пр.) легко может быть подраздѣлено по извѣстным признакам на определенные сорта и каждая партія товара того же сорта может вполне замѣнить другую. Поэтому, напр., хлѣб легко может быть продан и без личнаго осмотра покупателем данной партіи хлѣба.

Возможность продажи извѣстнаго рода товаров без личнаго осмотра покупателя и привела к возникновенію бирж. На биржах про-

дается товар не только без осмотра этого товара покупателем, но даже и такой товар, котораго в дѣйствительности еще и не существует. Так, напр., на хлѣбных биржах Запада очень большую роль играет торговля хлѣбом будущаго урожая, который еще не собран.

По своей роли в народном хозяйствѣ торговля различается на распределительную и спекулятивную. Торговля является распределительной, поскольку задача торговца сводится к размѣщенію извѣстнаго рода товаров между различными группами населенія в соотвѣтствіи с их спросом на эти товары. При распределительной торговлѣ торговец закупает товар там, гдѣ данный товар имѣет болѣе низкую цѣну и продает товар там или тѣм, гдѣ товар имѣет болѣе высокую цѣну. Таким образом товар переходит от лиц, которые менѣе нуждаются в данном товарѣ, к лицам, которые нуждаются в нем болѣе. При распределительной торговлѣ товар, в концѣ концов, распределяется между различными группами населенія в соотвѣтствіи с их нуждой в данных товарах. И полезность такого распределенія не может подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Спекулятивной торговлей называется такая торговля, при которой разница в цѣнѣ товара, составляющая барыш торговца, получается не вслѣдствіе различій цѣн товаров в руках различных лиц, а вслѣдствіе измѣненія цѣны товара во времени.

Дѣло в том, что товарныя цѣны не остаются неподвижными, но колеблются и измѣняются. Торговец, при спекулятивных покупках, купив товар, оставляет его с умыслом нѣкоторое время непроданным в расчетѣ на то, что товар повысится в своей цѣнѣ и таким образом явится возможность продать товар с барышем. Такіе спекулятивные расчеты в большем или меньшем размѣрѣ присущи всякой торговлѣ,—и при распределительной торговлѣ в чистом видѣ торговая операція для своего завершенія требует извѣстнаго времени, почему торговец не может не считаться с возможностью измѣненій цѣны товара; однако, в нѣкоторых случаях эти расчеты на измѣненіе цѣны товара составляют главное существо товарной сдѣлки—и тогда мы имѣем спекулятивную торговлю в чистом ея видѣ.

Нерѣдко думают, что если распределительная торговля полезна для общества, то спекулятивная торговля всегда вредна. В особенности в послѣднее время, во время міровой войны торговая спекуляція вызывает много общественнаго негодованія. Война привела к общему разстройству народнаго хозяйства, недостатку и дороговизнѣ многих товаров. Общественное мнѣніе обычно вѣнит в дороговизнѣ торговцев-спекулянтов, и усматривает в их спекуляціях основную причину общей дороговизны.

Дѣло, однако, в дѣйствительности, далеко не так просто, как это кажется общественному мнѣнію. Торговая спекуляція далеко не

всегда вредна. Нужно различать два рода спекулятивной торговли. В одном случаѣ спекулянт стремится предвидѣть будущее измѣненіе цѣны товара, не разсчитывая повліять на строеніе товарной цѣны. Допустим напр., что в странѣ происходит неурожай. Хлѣбные торговцы, предвидя предстоящее повышеніе цѣн хлѣба, увеличивают свои закупки хлѣба ранѣе того времени, когда уже сильно сказывается нужда в хлѣбѣ. Такая усиленная преждевременная закупка хлѣба вызывает преждевременное повышеніе цѣн на хлѣб; но именно потому, что повышеніе цѣны происходит ранѣе, чѣм без спекулятивных покупок, оно является болѣе постепенным и равномерным. Если бы не было спекулятивных покупок, то цѣны повысились бы позже, но за то болѣе рѣзко, болѣе стремительно. Слѣдовательно, торговая спекуляція, заранѣе учитывая будущее и устраняя рѣзкіе скачки цѣн выравнивает в данном случаѣ движеніе товарных цѣн. Общество, в цѣлом, выигрывает от этого, так как соотвѣтственно болѣе равномерному движенію товарных цѣн болѣе равномерно идет и общественное пользованіе данным товаром.

Но существует торговая спекуляція и иного рода. В этом случаѣ торговец стремится не предвидѣть заранѣе будущее движеніе товарной цѣны, а управлять этим движеніем, создавая искусственный недостаток в товарѣ, чтобы затѣм, пользуясь высокими цѣнами, сбывать по этим цѣнам товар, купленный по низким цѣнам. В этом случаѣ спекулянт вызывает искусственныя колебанія цѣн—создает искусственную нужду в товарѣ и наживается на этом.

Такая спекулятивная торговля несомнѣнно вредна и общество совершенно право в своем негодovanіи на подобных спекулянтов.

В какой мѣрѣ спекуляція послѣдняго рода играла значительную роль в дороговизнѣ послѣдняго времени, сказать с полной опредѣленностью не легко. Не подлежит сомнѣнію, что главныя причины дороговизны не имѣют ничего общаго с какими бы то ни было дѣйствіями торговцев и коренятся в неустранимых условіях міровой войны. Но возможно, что во многих случаях дѣйствіе этих болѣе общих причин усиливалось спекуляціями торговцев, умышленно задерживавших продажу товаров, чтобы, таким образом, усилить подѣм товарной цѣны.

II.

В промышленности хозяйственное развитіе приводит к росту крупных заведеній. В торговлѣ наблюдается то же, но в гораздо меньшей степени, что и понятно, так как торговля не пользуется или почти не пользуется машиной, которая в промышленности является рѣшѣйшим средством побѣды крупных заведеній над мелкими. В составѣ населенія, живущаго торговлей, класс хозяев играет гораздо

большую роль, чѣм в промышленности, как это видно из нижеслѣдующих данных, относящихся к Германіи:

	Хозяева		Наемн. раб.		Высш. служ.	
	(в тыс.)	(в %)	(в тыс.)	(в %)	(в тыс.)	(в %)
1895 г.	844	38	1.123	50	261	12
1907 г.	1.012	31	1.699	53	506	16

Наемные рабочіе составляют в германской торговлѣ только около половины всего состава лиц, занятых торговлей, в то время как в промышленности наемные рабочіе составляли свыше трех четвертей лиц, занятых промышленностью. В то время как в промышленности число хозяев сокращается, в торговлѣ число хозяев растет, но относительно, в % к общему числу лиц, занятых в торговлѣ, число это сокращается. Как и в промышленности, быстрѣе всего растет в торговлѣ группа высших служащих, образующая собою новый средній класс, приходящій на смѣну старому среднему классу—мелким капиталистам.

Несмотря на устойчивость мелких торговых заведеній, в больших городах мелкія торговля заведенія все же сильно страдают от соперничества крупных. Послѣднія десятилѣтія замѣчается во всѣх больших городах рост огромных магазинов—так. назыв. базаров, в которых продаются всевозможные товары для широкой публики. Самые крупные из этих базаров имѣют тысячи служащих и продают товаров на сотни миллионов руб. в год. Образцом таких базаров является хотя бы знаменитый магазин Мюра и Мерилиза в Москвѣ.

На ряду с этими базарами, за послѣднее время замѣтно возникновеніе крупных торговых заведеній и по торговлѣ отдѣльными товарами. Благодаря этому положеніе мелкаго торговца ухудшилось и мелкая торговля находится в упадкѣ, хотя и далеко не столь сильно, как мелкая промышленность.

В торговлѣ Россіи и Украины крупныя заведенія играют, по видимому, гораздо болѣе важную роль, чѣм в торговлѣ западно-европейских стран.

III.

В общем строѣ современнаго народнаго хозяйства торговля столь же необходима, как и промышленность: без обмѣна продуктов в капиталистическом хозяйствѣ было бы невозможно и их производство. А так как обмѣн совершается торговцами, то, значит, торговцы, как класс являются необходимым колесом современнаго хозяйственнаго механизма. Но чрезмѣрное развитіе торговли за счет других отраслей общественнаго хозяйства является несомнѣнным злом.

Новѣйшее хозяйственное развитіе характеризуется стремленіем к созданію болѣе прямых, непосредственных сношеній производителей с потребителями, минуя услуги торговцев. Розничнаго, а также и оптоваго торговца стремятся вытѣснить разнаго рода кооперативныя организаціи потребителей, точно также, как и мелкіе производители стремятся создать собственныя организаціи, чтобы сбывать свои продукты потребителям помимо торговца. Кооператоры стремятся к тому, чтобы совершенно устранить торговое посредничество, путем установленія непосредственных сношеній производителей с потребителями.

В том же направленіи идет промышленное развитіе новѣйшаго времени и помимо кооперативных организацій. Огромныя промышленныя заведенія, возникающія в наше время, не нуждаются в торговом посредничествѣ для закупки нужных им средств производства; нерѣдко обходятся они без помощи торговца и в сбытѣ своих продуктов, непосредственно сносаясь с потребителем. Вообще в области самаго крупнаго капиталистическаго производства, как напр., в области приготовленія крупных машин, рельсов, желѣзнодорожных принадлежностей, кораблестроенія, работа на заказ является общим правилом, благодаря чему соотвѣтствующіе продукты совершенно минуя каналы торговли.

Торговое посредничество утрачивает, таким образом, свое прежнее значеніе, и это является, конечно, большим выигрышем для общества, большою экономіей общественных производительных сил. Но так как наряду с этим идет развитіе обмѣна, продукты все больше и больше начинают производиться не на собственное потребленіе, а на продажу, то, в общем, роль торговли в современном хозяйствѣ, несмотря на развитіе непосредственных сношеній производителей с потребителями, не падает, а быстро растет, что доказывается быстрым ростом числа лиц, занятых в торговлѣ. В Пруссіи число лавок и магазинов измѣнялось слѣдующим образом:

Число лавок (в тысячах):	На 1000 человек приходилось лавок:
1837 г. 47	33
1861 г. 82	44
1895 г. 200	77

IV.

Вопрос о той политикѣ, которой должны придерживаться государства в торговых сношеніях друг с другом, вызывал и вызывает наиболѣе споров в экономической наукѣ. Сторонники так назыв. свободной торговли доказывают, что международная торговля должна быть так-же свободна, как и внутренняя. Экономисты, придерживающіеся этого взгляда, не отрицают, что государству слѣдует облагать

особыми пошлинами нѣкоторые иностранные товары, ввозимые внутрь страны. Но пошлины эти, согласно этому взгляду, должны имѣть своей цѣлью увеличеніе дохода казны, подобно тѣм сборам, которыми государство облагает производства нѣкоторых продуктов внутри страны (напр. сахара, спирта, табаку и т. п.), а отнюдь не созданіе искусственных препятствій для ввоза тѣх или иных иностранных продуктов в видах поощренія, таким образом, туземнаго производства тѣх же продуктов.

Каждая страна, по мнѣнію защитников свободы торговли, должна развивать тѣ отрасли производства, в которых она имѣет существенныя преимущества перед другими странами. Если какой либо продукт производится в другой странѣ с меньшими издержками производства, чѣм в данной странѣ, и в силу этого продается на рынкѣ за меньшую цѣну, то прямая выгода послѣдней страны заключается в том, чтобы ввозить к себѣ болѣе дешевый иностранный продукт и прекратить у себя производство болѣе дорогого туземнаго продукта. Если національный труд направится на тѣ отрасли производства, гдѣ преимущества данной страны больше, то таким образом создается наибольшая сумма общественнаго богатства. Вмѣшательство же государства, с цѣлью поощренія нѣкоторых отраслей производства, может повести только к уменьшенію суммы общественнаго богатства, так как помощь одним, путем затрудненія иностраннаго соперничества, равносильна ущербу для других, потребляющих продукты иностраннаго производства. Государство должно совершенно отказаться от мысли, что оно лучше частнаго лица знает его интересы и предоставить защиту этих интересов здравому смыслу cadaго.

Напротив, защитники так называемой покровительственной торговой политики признают необходимым, чтобы государство, облагая таможенными пошлинами ввозимые из заграницы продукты, руководствовалось тѣм соображеніем, что устраненіе или сокращеніе иностраннаго соперничества содѣйствует развитію туземнаго производства тѣх же продуктов. Государство может и должно жертвовать интересами настоящаго ради будущаго. Покровительственная пошлина, которую государство налагает на тот или иной товар, привозимый из заграницы, но могущій также производиться и в данной странѣ, в первое время никакого новаго богатства не создает и заставляя потребителя покупать болѣе дорогой товар туземнаго производства, является добавочным бременем, ложащимся на потребителя. Но если, благодаря этим жертвам, государство достигает того, что в странѣ развивается новая отрасль производства, которая впослѣдствіи получает возможность производить данные продукты также дешево или даже дешевле, чѣм они производятся заграницей, то

страна, в концѣ концов, выигрывает: развитіе в ней производительных сил вознаграждает ее за временныя жертвы.

Сторонники покровительственных пошлин не отрицают, что свободная торговля является идеалом международных хозяйственных отношеній. Точно также они не отрицают, что для страны, которая чувствует себя сильнѣе своих международных конкурентов, покровительственные пошлины не имѣют смысла. Покровительственные пошлины нужны лишь для стран болѣе слабых в данной отрасли производства. Но пока имѣются такія страны, онѣ должны прибѣгать к покровительственной торговой политикѣ, так как лишь таким путем онѣ могут развить собственное производство тѣх или иных продуктов.

Большинство современных экономистов не отрицает цѣлесообразности покровительственной торговой политики для стран, болѣе отсталых в промышленном отношеніи. Но, конечно, из этого не слѣдует, что чѣм выше покровительственная пошлина, тѣм больше ея полезное дѣйствіе по отношенію к развитію производительных сил в странѣ. Нужно ясно понимать, в чем заключается значеніе покровительственной пошлины. Такая пошлина имѣет своей непосредственной цѣлью повышеніе внутри страны цѣны соотвѣтствующаго продукта, и, благодаря этому, повышеніе прибыли того фабриканта или вообще того лица, которое производит этот продукт; это повышеніе прибыли достигается в ущерб потребителю, котораго государство облагает как бы данью в пользу производителя.

Обложеніе одних граждан налогом в пользу других противорѣчит нашему представленію о справедливости. Поэтому подобныя дѣйствія не должны предприниматься государством без крайней необходимости в них. Лишь в том случаѣ, когда не существует никаких других способов достиженія важной національной цѣли, государство может и должно рѣшиться на пожертвованіе интересами одних ради интересов других.

Итак, государство должно всегда стремиться свести покровительственную торговую политику к наименьшим размѣрам. Покровительственная пошлина должна быть устанавливаема на таком уровнѣ, который строго необходим для того, чтобы соотвѣтствующее производство могло развиваться в странѣ. Повышеніе пошлины выше этого уровня не только приводит к добавочному и уже неоправдываемому необходимостью обложенію потребителя в интересах производителя, но и препятствует достиженію конечной цѣли покровительственной политики—развитію в странѣ соотвѣтствующаго производства—так как высокій уровень прибыли может непосредственно тормозить такое развитіе. Производитель, которому обеспечен высокой пошлиной высокій уровень прибыли, не имѣет побудительных мотивов стремить-

ся к удешевленію своего продукта путем введенія новых машин и усовершенствованных приѣмов производства; таким образом, данная отрасль производства, вмѣсто развитія, может прийти в полный застой. Кромѣ того, не нужно упускать из виду, что каждое производство пользуется, как средствами производства, продуктами других отраслей промышленности; поэтому поощреніе одной отрасли производства идет, при системѣ покровительственной политики, всегда в ущерб другим отраслям производства.

Так, напримѣр, повышение цѣны желѣза, будучи выгодно производителям желѣза, в то же время невыгодно всѣм обрабатывающим желѣзо. Повышеніе цѣны пряжи может содѣйствовать развитію в странѣ производства пряжи, но тормозит, повышая цѣну пряжи, развитіе ткачества и т. п. Поэтому чрезмѣрное, неоправдываемое необходимостью, повышение пошлины хотя бы на желѣзо оказывает сугубо неблагоприятное дѣйствіе на развитіе многочисленных отраслей промышленности, обрабатывающих желѣзо, как, напримѣр, машиностроительная промышленность, судостроеніе и т. д.

Покровительственная торговая политика—оружіе всегда обоюдоострое; с ним нужно поэтому обращаться в высшей степени осторожно, иначе покровительственные пошлины могут, вмѣсто средства развитія производительных сил в странѣ, оказаться рѣшительным тормазом такого развитія.

Вот почему, даже признавая необходимость, при извѣстных условіях, покровительственных пошлин, можно быть рѣшительным противником покровительственных пошлин, в той или иной странѣ. С точки зрѣнія заинтересованных предпринимателей, покровительственная пошлина тѣм лучше, чѣм она выше; но совсѣм в другом видѣ дѣло представляется экономисту, имѣющему в виду не частные интересы данной группы предпринимателей, а всего общества. И потому экономистам, стоящим на стражѣ общенародных интересов, приходится на практикѣ, как общее правило, выступать противниками чрезмѣрных покровительственных пошлин, к чему стремятся — и, нерѣдко, вполне успѣшно, так как правительственная власть обычно находится в их руках,—крупные предприниматели.

Во всѣх капиталистической странах, без исключенія, капиталистическая промышленность развилась под охраной покровительственной системы. В частности, в Англіи господствовал, вплоть до первых десятилѣтій XIX вѣка, не только покровительственный, но даже прямо запретительный таможенный тариф (т. е. такой, при котором внутренній рынок был совсѣм закрыт для всѣх тѣх произведеній иностранной промышленности, соперничества с которыми опасались мѣстные производители). Все экономическое могущество Англіи сложилось при запретительных пошлинах.

Однако, именно в Англіи—и больше ни в какой другой капиталистической странѣ—свободная торговля одержала полную побѣду. Начиная с третьяго десятилѣтія 19-го вѣка, Англія приступает к коренному измѣненію своей торговой политики. Слѣдует цѣлый ряд чрезвычайно важных тарифных реформ, в концѣ концов приведших, уже во второй половинѣ 19-го вѣка к тому, что покровительственныя пошлины совершенно исчезли из англійскаго тарифа.

Не трудно понять, почему именно в Англіи—и только в Англіи—система свободной торговли получила свое полное осуществленіе. Англія стояла, вплоть до послѣдняго времени, в экономическом отношеніи настолько впереди всего остального міра, что покровительственная система ей была совершенно не нужна. В ином положеніи были другія страны и потому надежды англійских сторонников свободной торговли сороковых и пятидесятих годов, что примѣр Англіи увлечет и ея сосѣдей, и система свободной торговли водворится повсемѣстно, далеко не оправдались.

Правда, примѣр Англіи не остался без извѣстнаго вліянія,—50 и 60 годы прошлаго вѣка характеризуются в области торговой политики повсемѣстным ослабленіем покровительственной политики. Можно было думать, что капиталистическій мір, хотя и медленно, движется в направленіи свободной торговли.

Однако, позднѣйшее время ознаменовалось рѣзким поворотом в сторону покровительственных пошлин. В 1878 г. Германская имперія вводит у себя строго покровительственный тариф, в котором особенно выдающуюся роль играют пошлины на разнаго рода сельско-хозяйственные продукты. Франція слѣдует примѣру Германіи, и в 80 годах, а еще больше в 90 годах, значительно повышает пошлины на цѣлый ряд товаров и, особенно, на продукты сельскаго хозяйства; в том же направленіи перерабатываются тарифы и многих других второстепенных государств. Вообще, для новѣйшаго времени характерно, что в Западной Европѣ—не столь промышленность, сколько сельское хозяйство ограждается новыми высокими таможенными ставками. Объясняется это общим сельскохозяйственным кризисом, который Западная Европа пережила в послѣднія десятилѣтія XIX вѣка под вліяніем соперничества с продуктами сельскаго хозяйства заокеанских стран и Россіи. Напротив, промышленность таких быстро развивающихся стран, как Германія, уже почти не нуждается в особом покровительствѣ.

Зато в Соединенных Штатах покровительственныя пошлины имѣли и имѣют промышленный характер. Тариф Мак Кинли 1890 г. и еще больше тариф Дингли 1897 г. значительно повысили пошлины на важнѣйшіе продукты американской промышленности и только в

1913 г. с избраніем в президенты союза демократа Вильсона; послѣдовало пониженіе пошлин.

Оплотом покровительственной торговли в Соединенных Штатах являются промышленные сѣверные штаты, в то время как землевладельческий юг отстаивает политику свободной торговли. Соответственно этому дѣлятся и обѣ важнѣйшія политическія партіи страны:— республиканцы отстаивают систему покровительственнаго тарифа, а демократы—свободной торговли,

Однако, и в Англіи за послѣднее время появилось сильное теченіе в пользу покровительственных пошлин, находящееся в связи с тѣм, что Англія в концѣ 19-го вѣка утратила свое прежнее промышленное первенство и все болѣе и болѣе страдает от соперничества Америки и Германіи. Новѣйшіе англійскіе протекціонисты противопоставляют принципу свободной торговли принцип справедливой торговли. Англіи является единственной капиталистической страной, позволяющей свободно ввозить к себѣ всевозможные товары, в то время как ея соперники тщательно ограждают свои внутренніе рынки от англійских товаров.

Сторонники „справедливой торговли“ полагают, что введеніе покровительственных пошлин, которыя могут быть понижены путем особых договоров в пользу государств, согласных сдѣлать соответствующія уступки в пользу англійской промышленности, даст возможность Англіи добиться пониженія пошлин на англійскіе товары. Затѣм, англійскіе сторонники покровительственных пошлин стремятся к хозяйственному объединенію с Англіей англійских колоній, облагающих в настоящее время англійскіе фабрикатъ покровительственными пошлинами для развитія собственной промышленности. Для этого Англія должна ввести таможенныя пошлины на хлѣб и сырье, с тѣм, чтобы продукты колоній облагались ниже, чѣм продукты других стран, взаменъ чего и колоніи будут облагать англійскіе продукты ниже, чѣм продукты других стран.

Побѣда либеральной партіи, отстаивающей систему свободной торговли, сняла с очереди всѣ эти проєкты, но возвращеніе к власти консерваторов опять заставит с ними считаться.

Что касается Россіи, то в Россіи точно также за послѣднія десятилѣтія 19 вѣка наблюдается сильное движеніе в сторону повышения пошлин (на промышленныя издѣлія).

Таможенным тарифом, опубликованным в 1903 г. и вошедшим в дѣйствіе с 1906 г., пошлины еще повышены. Чрезвычайно высокія ставки, характеризующія наш тариф, не только не содѣйствуют росту нашей промышленности, но приводят к противоположному резуль-

тату—к крайней технической отсталости послѣдней. Не опасаясь иностраннаго соперничества, русскій промышленник не стремился к повышенію производительности труда. Въмѣстѣ с тѣм, высокая цѣна продуктов русской промышленности затрудняла их сбыт среди населенія и тормозила развитіе других отраслей русскаго народнаго хозяйства. Поэтому пониженіе таможенных пошлин настоятельно требовалось в Россіи интересами всей страны.

Глава VII.

Деньги.

I.

Обмѣн одного товара на другой является процессом сравнительно простым. Иное дѣло—обмѣн товара на деньги. Для чего, прежде всего, требуется такое усложненіе? Не проще ли непосредственно обмѣнивать товары на товары?

В древнее время и в средніе вѣка думали, что деньги созданы всецѣло государством. Именно в государственном происхожденіи денег видѣли причину наиболѣе бросающейся в глаза их особенности—их свойства быть охотно принимаемыми всѣми. Продать товар трудно, но купить за деньги легко что угодно,—всякій охотно берет деньги.

Это свойство денег и казалось результатом особаго закона, изданнаго государством. Однако, изученіе исторіи денег показало, что законодательных актов, впервые создавших деньги, не было, и деньги возникали всегда незамѣтно и постепенно, как язык, обычаи и т. п. Нельзя указать, когда впервые появились деньги; онѣ неизбѣжно появлялись у всѣх народов на извѣстных ступенях хозяйственнаго развитія. Обмѣн сам собою, помимо какого бы то ни было соглашенія людей, порождает на извѣстной и, притом, очень ранней ступени своего развитія деньги. Обмѣн продукта на продукт, без посредства денег, встрѣчает огромныя неудобства и трудности. При обмѣнѣ продукта на продукт обмѣн может совершаться лишь в том случаѣ, если обѣ обмѣнивающіяся стороны нуждаются в продуктах друг друга. И даже этого мало—нужно, чтобы каждый из обмѣнивающихся нуждался как раз в таком количествѣ продукта другого, в каком этот продукт предлагается к обмѣну. Такое совпаденіе взаимной потребности в соответствующих количествах соответствующих продуктов возможно, очевидно, только в очень рѣдких случаях. К этим двум затрудненіям обмѣна продукта на продукт присоединяется еще третье, заключающееся в трудности опредѣлить цѣнность поступающих в обмѣн продуктов,—приходится опредѣлять эту цѣнность в цѣнности цѣлаго ряда других продуктов, обмѣниваемых на данный.

Всѣ эти неустрашимыя трудности обмѣна продукта на продукт и приводят к тому, что при сколько-нибудь развитом обмѣнѣ естественно возникают в обмѣнѣ деньги,—тот или иной товар принимается в обмѣн даже в таких случаях, когда он непосредственно и не нужен данному лицу, берущему, однако, этот товар в расчетѣ, что его можно затѣм сбыть другому лицу. Такой товар, сбыт котораго всего менѣе затруднителен и который принимается всѣми охотно именно в виду этого свойства, и является зачаточными деньгами.

Но среди этих товаров далеко не всѣ были одинаково пригодны для роли денег, не всѣ одинаково охотно принимались всѣми. Мало-по-малу выдѣляются тѣ или иные товары, которые для даннаго народа в данное время всего болѣе пригодны для того, чтобы быть деньгами. Так, у охотничьих народов деньгами естественно становятся шкуры и мѣха; у пастушеских—различнаго рода скот; у земледѣльческих—земледѣльческіе продукты—пшеница, рис, маис, табак и т. п. Мало предметов, которые гдѣ нибудь не служили бы деньгами. В Новой Гвинее деньгами служили рабы; в Норвегіи—сушеная треска в Абиссиніи — поваренная соль. Почти всѣ болѣе распространенные металлы (не говоря уже о драгоценных) играли в той или другой странѣ роль денег—так, напримѣр, желѣзо, олово, свинец и мѣдь. В центральной Африкѣ деньгами служили различныя ткани. Нерѣдко деньгами у диких народов являются бусы.

Среди этих разнообразных денежных товаров нѣкоторые оказываются особенно пригодными для роли денег и становятся деньгами в обширных областях и на очень долгое время. Чрезвычайно замечательно, что такими международными деньгами становятся по преимуществу предметы украшенія. Так, в обширном бассейнѣ Индійскаго океана вплоть до новѣйшаго времени деньгами являлись связки раковин каури. Объясняется это тѣм, что, когда каждый удовлетворяет свои важнѣйшія потребности собственным трудом, предметы украшенія являются важнѣйшим предметом торговли, а, значит, и предметом наиболѣе широкаго спроса.

Среди предметов украшенія существует одна группа предметов, которая, в свою очередь, всего болѣе пригодна для роли международных денег—это драгоценные металлы. И, дѣйствительно, мы видим, что во всем мірѣ, мало-по-малу, помимо каких бы то ни было соглашеній отдѣльных народов и государств, деньгами становятся благородные металлы—золото и серебро. Между самыми разнообразными товарами шла, так сказать, борьба за существованіе в роли денег, и побѣдителями в этой борьбѣ вышли золото и серебро, и даже, точнѣе, именно золото.

Почему же? Потому что золото и серебро, в силу своих естественных свойств, всего болѣе пригодны быть деньгами. Эти металлы всего лучше могут исполнять то, что должны исполнять деньги.

Что же дѣлают деньги? Деньгами, во-первых, измѣряют цѣну товаров, во-вторых, деньги служат для совершенія сдѣлок по куплѣ-продажѣ товаров и в третьих, деньгами платят долги. Из этих назначеній денег вытекает, что в деньгах хранят имущество, если хотят сохранить в неизмѣнности его цѣну и в деньгах выдают ссуды.

И если золото и серебро стали мировыми деньгами то лишь потому, что именно эти металлы, в силу своих естественных свойств, всего лучше могут дѣлать все это.

Прежде всего они (в новѣйшее время только золото) всего болѣе пригодны чтобы ими измѣрять цѣну товаров. Единица мѣры не должна сама подвергаться измѣненіям в своей величинѣ. То, чѣм измѣряют цѣну, само не должно колебаться в своей цѣнѣ. И вот мы видим, что цѣна драгоцѣнных металлов, хотя и колеблется, но гораздо меньше цѣны других товаров. Цѣна драгоцѣнных металлов отличается сравнительно устойчивостью. Дѣло в том, что ежегодная добыча золота совершенно ничтожна сравнительно с его запасами в руках общества. Пользованіе золотой вещью заключается не в уничтоженіе ея (как, напр., хлѣба), а в сохраненіи. Поэтому, запасы драгоцѣнных металлов накапливаются из года в год (конечно, часть этих запасов уничтожается в пользованіи, но эта часть незначительна); и хотя ежегодное производство драгоцѣнных металлов колеблется очень сильно — сильнѣе, чѣм, напр., ежегодное производство хлѣба — эти колебанія незначительны по сравненію с запасом драгоцѣнных металлов в распоряженіи общества.

Общій запас золота во всем мірѣ достигал в 1900 г. приблизительно 20 миллиардов рублей. Производство же золота в этом году не достигало и 500 миллионов р., т. е. сороковой части всего золотого запаса. Значит, если бы производство золота в слѣдующем году даже сильно увеличилось, это очень мало отразилось бы на общем запасѣ золота в руках общества.

Для совершенія сдѣлок по куплѣ-продажѣ товаров, деньги должны быть в экономическом смыслѣ дѣлимы, — их цѣна не должна исчезать при их раздѣленіи на части.

Лошадь, напр., в экономическом смыслѣ недѣлима. Драгоцѣнные же металлы могут быть подраздѣляемы на любыя части без всякаго уменьшенія цѣнности.

Затѣм, опять таки для цѣлей покупки, деньги должны быть легко перемѣщаемы, для чего они должны обладать высокой цѣной, ибо чѣм выше их цѣна (при данном вѣсѣ) тѣм меньше расходы на перемѣщеніе денег той же цѣны.

И в этом отношеніи золото, с его высокой цѣной, стоит выше большинства других товаров. Легко себѣ представить, напр., как затруднительно было бы перемѣщеніе желѣзных денег, при низкой цѣнѣ желѣза.

Затѣм, чтобы можно было хранить в деньгах цѣну имущества, нужно, чтобы вещество самих денег не измѣнялось при храненіи. Золото и серебро в высшей степени обладают этой неизмѣняемостью (хлѣб портится, желѣзо ржавѣет, но золото всегда остается тѣм же). Драгоценные металлы обладают, далѣе, однородностью, легкой отличимостью (вѣс, звон, внѣшній вид), что также необходимо для покупок.

Вот тѣ основныя причины по которым міровыми деньгами стали драгоценные металлы. Только драгоценные металлы обладают, в большей или меньшей мѣрѣ, тѣми свойствами, которыя требуются от товара, являющагося деньгами—и потому золото и серебро стали всемірными деньгами. Золото и серебро представляют собой наилучшія деньги из всѣх, испробованных человѣчеством.

II.

Хотя деньги возникли как результат роста обмѣна, тѣм не менѣе для своего полного развитія онѣ требуют, чтобы государство признало данный предмет деньгами. Форму монеты деньги принимают лишь благодаря государству.

Первоначальная форма монет была весьма разнообразна: были овальныя монеты, восьмиугольныя, четырехугольныя и др. Но в концѣ-концов восторжествовала форма кружка, на что имѣлись свои основанія. Нужно, чтобы дѣйствительный вѣс монеты соответствовал удостоверяемому чеканкой. Поэтому, необходимо придавать монетѣ такую форму, при которой она бы наименѣе стиралась при употребленіи, а такой формой и является форма кружка. Всего болѣе соответствовала бы этой цѣли форма шара, но такія монеты были бы неудобны в обращеніи.

Монеты из чистаго золота или серебра были бы слишком мягки и скоро бы стирались; поэтому их чеканят с небольшой примѣсью неблагородных металлов, отчего увеличивается твердость монеты.

Монеты бывают полноцѣнныя и неполноцѣнныя. Первые чеканятся из благородных металлов (золота и серебра); ими можно уплатить долг любого размѣра. Вторыя чеканятся из мѣди (или серебра с большой примѣсью мѣди) и служат для мелких сдѣлок. Ими можно уплатить долг только до опредѣленных размѣров и только государство принимает их в неограниченном размѣрѣ при уплатѣ податей.

В Россіи до войны всѣ цѣны измѣрялись золотой монетой, хотя в обращеніи были как золотыя монеты, так и серебряныя и мѣд-

ныя, а также и бумажные кредитные билеты. Но дѣло в том, что мѣдныя и серебряныя деньги служили только для мелких платежей (мѣдныя деньги до 3 рублей, а серебряные рубли до 20 р.). Золотую же монетой можно было уплатить долг любого размѣра и купить товаров на любую сумму.

Правда, и на кредитные билеты можно было купить на любую сумму товаров и можно было погасить любой долг. Но дѣло в том, что кредитные билеты размѣнивались государственным банком на золотую монету, и, таким образом, в концѣ концов, кредитные билеты своей самостоятельной цѣны не имѣли: за ними стояли золотыя монеты.

III.

Деньги возникли, как естественный результат роста товарнаго обмѣна; и деньгами стали товары, имѣвшие наиболѣе обезпеченный сбыт. Но деньги в видѣ металла суть сами продукт труда, и очень большого; пересылка их также требует труда. Металлическія деньги весьма дорогое орудіе обмѣна и общество должно затрачивать значительную часть своего труда на созданіе и поддержаніе в годном видѣ этого орудія обмѣна, которое, как таковое, никаким другим общественным потребностям не служит.

Для общества было бы очень выгодно, если бы было возможно создать такія деньги, которыя ничего не стоили бы обществу, а представляли бы собой лишь просто условные знаки. В этом и заключается мысль бумажных денег, простых бумажных знаков, которые должны замѣнять металлическія деньги в обращеніи.

Бумажными деньгами, в строгом смыслѣ слова, могут быть названы лишь такіе бумажные денежные знаки, которые исполняют все то, что должны исполнять деньги—которыя мѣняются цѣны, которыя служат для покупок и для уплат долгов.

Поэтому, размѣнные бумажные денежные знаки (т. е. обмѣниваемые выпускающим их учрежденіем на металлическія деньги) не суть бумажныя деньги, ибо цѣна размѣняемых денежных знаков опредѣляется звонкой монетой, получаемой в обмѣн. Только неразмѣнные бумажные денежные знаки, суть бумажныя деньги в собственном смыслѣ слова.

Государство прибѣгает к выпускам бумажных денег для того, чтобы таким образом оплачивать свои расходы. Со времени начала в 1914 г. міровой войны всѣ воюющія страны должны были приостановить размѣн своих бумажных знаков на металлическую монету. Так же была принуждена поступить и Россія, приостановившая на другой же день послѣ объявленія войны размѣн бумажных рублей на золото, ибо, если бы русское правительство этого не сдѣлало, всѣ

бросились бы пред'являть к размѣну кредитные билеты и очень скоро все золото ушло бы из кладовых государственнаго банка, гдѣ оно хранилось. В свою очередь, это усиленное стремленіе размѣнивать бумажныя деньги на звонкую менету вызывалось справедливым предвидѣніем публики, что бумажныя деньги упадутъ в своей цѣнѣ ниже металлической монеты.

Когда размѣн кредитных билетов на золото был приостановлен, правительство получило возможность дѣлать новые и новые выпуски бумажных денег для покрытія военных расходов: война требовала огромных затрат в десятки милліардов рублей. Налоги могли покрывать только ничтожную долю этих расходов. Путем займов также нельзя было приобрести всѣх нужных денежных средств. Приходилось прибѣгать к выпуску новых и новых милліардов кредитных рублей и таким образом оплачивать огромные расходы войны.

До войны в Россіи обращалось кредитных билетов на сумму около 1.600 милліонов рублей. К ноябрю 1917 г., когда произошел большевистскій переворот и печатаніе отчетов государственнаго банка прекратилось, в обращеніи было уже бумажных денег приблизительно на сумму около 20 милліардов рублей. Еще через полгода в обращеніи было бумажных денег, приблизительно, на 40 милліардов рублей.

Иными словами количество бумажных денег в странѣ возросло во много раз. Как же это должно было повліять на цѣну бумажнаго рубля?

Деньги нужны только для того, чтобы купить на них тот или иной товар или заплатить ими тот или иной долг. Умноженіе количества денег, если количество товаров не умножается в такой же степени, неизбѣжно должно, поэтому, приводить к росту товарных цѣн: если количество денег выросло в два раза, а количество товаров осталось прежним, то, при прочих равных условіях, слѣдует ожидать, что среднія цѣны товаров вырастут в два раза; если количество денег возрастет в 5 раз. то слѣдует думать, что и цѣны товаров возрастут в пять раз и т. д.

Дороговизна жизни, на которую теперь всѣ жалуются, вызывается, прежде всего, умноженіем во много раз количества бумажных денег в обращеніи и пока будут происходить новые выпуски бумажных денег, до тѣх пор дороговизна жизни будет расти.

Собственно говоря, не товары тепер повышаются в своей цѣнѣ, а падает в своей цѣнѣ рубль—благодаря умноженію количества рублей рубль превратился сначала в полтинник, затѣм в четвертак, затѣм в двугривенный и т. д. Соотвѣтственно этому товарныя цѣны возрастают сначала в два раза, затѣм в 4, затѣм в пять раз и т. д.

Итак, умноженіе бумажных денег ведет к паденію их цѣны. Цѣна бумажных денег должна быть тѣм ниже, чѣм больше выпущено в обращеніе бумажных денег.

Бумажныя деньги играют такую же роль в хозяйствѣ выпустившей их страны, как и металлическія деньги: онѣ точно также служат для измѣренія товарных цѣн, при помощи их точно также совершаются покупки и уплачиваются долги, как и в том случаѣ, когда деньгами являются металлическія монеты.

Однако, бумажныя деньги тѣм невыгодно отличаются от металлических денег, что металлическія деньги служат и для других надобностей, кромѣ назначенія быть деньгами, между тѣм как бумажныя деньги ни на что иное не нужны. Червонец напр., может быть употреблен на какую нибудь золотую поддѣлку—но из бумажнаго рубля никакой полезной вещи не сдѣлаешь. Бумажный рубль нужен только как средство купить ту или иную вещь или заплатить тот или иной долг—ни для чего иного он не нужен.

Но для этой цѣли бумажный рубль может служить лишь внутри выпустившей его страны—за предѣлами ея он перестает быть деньгами, так как не может служить средством покупки и уплаты долгов.

Напротив, золотая монета является деньгами не только внутри той страны, которая ее выпустила, но и во всем мірѣ—золото вездѣ цѣнится и вездѣ оно нужно.

Значит, бумажныя деньги—это мѣстныя деньги выпустившей их страны, между тѣм как золотыя монеты—всемирныя деньги.

Покупательная сила звонкой монеты нисколько не страдает от того, что монета переходит границу даннаго государства. Напротив, бумажныя деньги совершенно утрачивают свою покупательную силу раз только их связь с выпустившим их государством порывается.

Поэтому, бумажныя деньги являются гораздо худшими деньгами, чѣм металлическія. За предѣлами своей страны онѣ теряют устойчивую цѣну и колеблются в зависимости от того, много ли или мало их требуется для расплаты в международных платежах.

Чѣм больше другая страна должна данной странѣ, тѣм больше она нуждается в деньгах послѣдней страны и тѣм выше подымается цѣна этих денег; наоборот, чѣм меньше другая страна нуждается в деньгах данной страны для производства ей платежей, тѣм ниже цѣна этих денег.

А так как взаимная задолженность разных стран колеблется, то соотвѣтственно этому колеблется и цѣна бумажных денег.

Благодаря этим колебаніям цѣны бумажных денег всенародное хозяйство страны с бумажноденежным обращеніем пріобрѣтает неустойчивый, колеблющійся характер, что разстраивает торговлю и промышленность.

Государство выпускает бумажные деньги для того, чтобы покрывать таким образом свои расходы, но когда выпуски бумажных денег приводят к росту дороговизны, государству приходится тяжело расплачиваться за сдѣланные им раньше выпуски бумажных денег: при общей дороговизнѣ расходы государства растут—государство принуждено повышать жалованье своим чиновникам, ибо иначе ухудшится оплата их труда и им будет не хватать средств к жизни.

Таким образом, благодаря переходу к бумажным деньгам разстраивается все народное хозяйство и приходит в затруднительное положение.

По этой причинѣ, как ни заманчиво для государства покрывать свои расходы таким простым способом, как печатаніе бумажных денег, оно само начинает тяготиться бумажными деньгами и стремится к возвращенію к металлическим деньгам.

Вернуться от бумажных денег к металлическим можно двумя путями. Один путь заключается в том, что государство собирает в свои руки излишне выпущенные бумажные деньги и уничтожает их. Деньги извлекаются из обращенія путем займа: государство объявляет подписку на заем, но не для того, чтобы деньги, полученные от подписчиков, затратить на тѣ или инныя свои нужды, а исключительно для уменьшенія количества денег в руках публики.

Когда количество денег в обращеніи перестало быть чрезмѣрным, благодаря уничтоженію государством денег получаемых им от подписчиков на заем, государство возобновляет размѣн своих бумажных денежных знаков на золотую монету и, таким образом, золотая монета снова входит в обращеніе.

В этом случаѣ цѣна бумажных денег повышается, благодаря уменьшенію их количества, до прежняго уровня. Соответственно этому товарныя цѣны падают—онѣ возвращаются к прежнему уровню, который занимали до умноженія бумажных денег.

Это—один способ перейти от бумажных денег к металлическим. Другой способ имѣет противоположный характер.

Государство в этом случаѣ отнюдь не стремится к тому, чтобы поднять до прежняго уровня цѣну денег путем сокращенія их количества. Наоборот, в этом втором случаѣ государство отказывается от мысли измѣнить цѣну денег. Поэтому оно не принимает мѣр и к измѣненію количества денег в обращеніи.

Оно возстановливает размѣн бумажных денег на металлическія по той самой цѣнѣ металлических денег, которая имѣется на рынкѣ. Государство хочет в этом случаѣ не поднять цѣну денег, а только удержать их цѣну на одном и том же неизмѣнном уровнѣ. Оно хочет прекратить дальнѣйшее паденіе цѣны бумажных денег и оста-

новить их цѣну на том самом уровнѣ, который онѣ достигли в своем паденіи.

В первом случаѣ происходит поднятіе цѣны бумажных денег и, слѣдовательно, паденіе товарных цѣн; во втором случаѣ цѣна бумажных денег не измѣняется и, слѣдовательно, не измѣняются и цѣны товаров.

В первом случаѣ приходится извлекать значительное количество бумажных денег из обращенія и уничтожать их. Поэтому первый способ перехода от бумажных денег к металлическим доступен только очень богатым странам. Таким образом перешли от бумажных денег к металлическим Англія послѣ войны с Наполеоном и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты послѣ междуусобной войны сѣверных и южных штатов.

Напротив, второй способ перехода к металлическим деньгам не требует уменьшенія количества денег в обращеніи и потому гораздо легче осуществим. Таким образом Россія уже дважды возвращалась к металлическим деньгам от бумажных—в 1839 г. и в 1897 г.

В этом послѣднем году Россія перешла к золотой монетѣ слѣдующим образом. Втеченіе девятидесяти годов прошлаго вѣка цѣна золотого рубля в бумажных рублях колебалась очень мало и держалась приблизительно на уровнѣ около 66 коп. золотых за 1 рубль кредитный. Правительство понизило на $\frac{1}{3}$ вѣс золотой монеты и таким образом цѣна золотого рубля сравнялась с цѣной кредитнаго рубля—на эти болѣе легкіе золотые рубли правительство стало размѣнивать кредитные рубли.

Никаких перемѣн в товарных цѣнах не произошло и переход к новому золотому рублю прошел не только без всяких потрясеній, но почти и не был замѣчен широкой публикой—в обращеніи оставались кредитные билеты, но рядом с ними появились золотыя монеты и серебряныя рубли.

В настоящее время русскій рубль упал в гораздо большей степени и, разумѣется о поднятіи его цѣны до прежняго уровня не может быть и рѣчи.

IV.

Огромная роль денег в современном хозяйствѣ всеѣм бросается в глаза, но объяснить, на чем основана эта роль, не так-то легко. Первая попытка объясненія роли денег в современном хозяйствѣ привела к тому, что эта роль была крайне преувеличена. Экономисты 16—17 вѣков видѣли в деньгах главное или даже единственное богатство страны; с их точки зрѣнія, все экономическое могущество страны опредѣляется количеством денег, которым страна располагает. Эта точка зрѣнія теперь никѣм не раздѣляется, но преувеличеніем

роли денег в хозяйственном строѣ современности страдают теоріи не одних экономистов прежняго времени. Если послѣдніе усматривали в деньгах важнѣйшее народное богатство, то другіе были склонны видѣть в деньгах причину всей бѣдности современнаго общества, главное и основное зло хозяйственнаго строя нашего времени. Цѣлый ряд представителей так называемаго утопическаго социализма носился с мыслью преобразовать современный строй путем преобразованія денег—устранить из современнаго общества бѣдность путем организациі безденежнаго (в современном смыслѣ слова) обмѣна.

Так, напр., великій социалист первой половины прошлаго вѣка Оуэн разсуждал слѣдующим образом. Бѣдность в современном обществѣ зависит не от недостатка продуктов на рынкѣ, а от недостатка покупательных средств у населенія. Такими покупательными средствами в настоящее время являются деньги. Если бы дать населенію возможность покупать без помощи денег, то исчезла бы и бѣдность. Но как организовать безденежный обмѣн? С этою цѣлью Оуэн проектировал устройство того, что он называл рабочими биржами, т. е. таких учреждений, которым каждый производитель может передать для сбыта свой продукт и в обмѣн получить нужные ему продукты. У кого есть какіе-либо товары для продажи, тот обращается с ними к рабочей биржѣ, которая берет на себя заботу об их сбытѣ. Товары должны расцѣниваться биржей по количеству затраченнаго на них труда. Поставщику товара биржа выдает квитанцію, на которой обозначено, сколько рабочих часов заключено в данном товарѣ. В обмѣн на эту квитанцію поставщик товара может получить на биржѣ всякій нужный ему товар равной трудовой стоимости. Таким образом, рабочія биржи Оуэна должны были дать возможность сбывать всѣ продукты по цѣнѣ, соотвѣтствующей затратѣ труда.

Неудивительно, что биржи Оуэна не могли удержаться и скоро должны были рухнуть. Онѣ ставили себѣ задачу, совершенно неразрѣшимую в товарном хозяйствѣ. Эта задача—дать возможность сбыта всѣх товаров—неразрѣшима потому, что товарное хозяйство есть хозяйство неорганизованное; каждый производит, что хочет, по своим личным расчетам. Слѣдовательно, вполне возможно, что будут произведены не тѣ товары и не в том количествѣ, какіе требуются обществом. Если же одних товаров произведено больше, а других меньше, чѣм нужно, то часть продуктов не найдет сбыта. Никакое учрежденіе не может найти сбыта для этих избыточных товаров. Чтобы был возможен сбыт всѣх товаров, для этого нужно подчинить весь общественный труд общественному управленію, нужно, чтобы всѣ средства производства, всѣ орудія труда перешли в распоряженіе всего общества и чтобы оно само указывало, какіе именно продукты и в каком именно количествѣ должны изготовляться.

Итак, Оуэн глубоко заблуждался, думая, что в таком хозяйственном строѣ, при котором отдѣльные лица владѣют средствами производства и выдѣлывают, по своему усмотрѣнію, что хотят, возможен сбытъ всѣх товаров.

Но и послѣ Оуэна было много социалистов, которые точно также, не понимая законов капиталистическаго хозяйства, упорствовали в тѣх же ошибках и мечтали о помощи рабочему классу не путем измѣненія отношеній капиталиста к рабочему, а путем преобразованія денежнаго обращенія.

Попытки организовать обмѣн без помощи денег интересны с точки зрѣнія теоріи денег в том отношеніи, что онѣ выясняют истинную роль денег в современном хозяйствѣ. Деньги отнюдь не являются владыкой капиталистическаго міра и потому неправильно видѣть в них все зло современнаго хозяйственнаго строя. Не деньги, а капитал царит в этом мірѣ, — своеобразное социальное отношеніе, имѣющее в своей основѣ сосредоточеніе средств производства в руках немногих лиц, при лишеніи этих средств огромнаго большинства населенія. Необходимость же денежнаго обмѣна естественно вытекает из неорганизованности, неплановѣрности общественнаго производства, свойственной капиталистическому хозяйству.

Глава VIII.

Кредит и банки.

I.

Каждое хозяйственное дѣло требует затраты извѣстных денежных средств. Если собственных средств у лица, ведущаго данное дѣло не имѣется, то оно принуждено обращаться к помощи чужого капитала: капитал берется в этом случаѣ займа на извѣстный срок с обязательством по минованіи этого срока вернуть с прибавленіем извѣстных процентов полученный займа капитал. Лицо, выдающее ссуду именуется кредитором, а самая сдѣлка—кредитом.

Чѣм больше развивается капиталистическое хозяйство и чѣм сложнѣе становятся взаимныя отношенія различных хозяев, тѣм большее значеніе приобретает кредит. Вначалѣ выдают в ссуду капитал отдѣльныя лица, располагающія по той или иной причинѣ свободными денежными капиталами, которые они ссужают по очень высоким процентам. Это—так называемые ростовщики, которые были хорошо извѣстны еще в древнем мірѣ и вызывали к себѣ общую ненависть. „Ростовщик хуже убійцы“ говорили древніе римляне.

Борьба с денежным капиталом в лицѣ ростовщиков составляет, на ряду с борьбой с крупным землевладѣніем, главнѣйшее содержаніе внутренней исторіи Греціи и Рима. Так как ссудный процент в древнем мірѣ был чрезвычайно высок, то должник очень часто оказывался не в силах уплатить долг вмѣстѣ с наросшими на него процентами и не только все его имущество становилось жертвой ростовщика, но даже и сам он лишался свободы и становился рабом своего кредитора. Именно таким образом масса греческаго крестьянства теряла свою землю, что приводило к постоянным возстаніям в древней Греціи. Возстанія эти нерѣдко заканчивались побѣдой народа, причем ростовщики изгонялись из государства или даже предавались смертной казни, имущества их конфисковались, а долги объявлялись недействительными. Но все это мало вліяло на ход экономическаго развитія греческаго міра,—по окончаніи революціи ростовщичество опять возобновлялось и тѣ же экономическія отношенія возстанавливались в прежнем видѣ.

В современном капиталистическом хозяйствѣ кредит имѣет иной характер. В кредитѣ нуждаются не только бѣдные, но нисколько не менѣе их и богатые. Каждая фабрика, каждый завод или торговое заведеніе, как общее правило, пользуется кредитом и, в свою очередь, открывает кредит другим. В капиталистическом хозяйствѣ каждый крупный хозяин является обычно и кредитором и должником, пользуется кредитом и открывает его другим.

При таком развитіи кредита жизнь требует особых учреждений, которыя ставили бы своей цѣлью снабжать кредитом всѣх нуждающихся в нем. Эти учрежденія называются банками.

Современные банки имѣют в виду снабженіе кредитом отнюдь не бѣднѣйших классов населенія, а лиц, принадлежащих к капиталистическим классам. В банках могут получать займы капитал только тѣ лица, относительно которых можно быть увѣренным, что полученный капитал они своевременно вернут обратно. С бѣдным человеком банк не захочет вести дѣла.

Банки раздѣляются на два основных рода в зависимости от характера кредита, который они открывают—банки краткосрочнаго кредита (коммерческіе банки) и банки долгосрочнаго кредита (ипотечные банки).

Банки краткосрочнаго кредита кредитуют на короткіе сроки преимущественно торговцев или промышленников, а также и иных лиц капиталистических классов. Свое дѣло коммерческіе банки ведут слѣдующим образом.

Каждый банк является сам по себѣ крупным капиталистическим учрежденіем—он располагает крупным капиталом, так как только в этом случаѣ он сам может привлекать к себѣ капитал. А послѣднее необходимо для банка, так как он только в небольшой части кредитует своим собственным капиталом, главным же образом банк кредитует при помощи чужого капитала, который он привлекает в свои кассы.

Каким же образом это удастся банку? Чтобы стать кредитором, банк должен раньше стать должником. Каждый коммерческій банк открывает пріем вкладов—объявляет, что он будет от каждаго принимать любыя денежныя суммы, с обязательством вернуть их обратно вкладчику по прошествіи извѣстнаго времени или даже в любое время по востребованію. Взамѣн этого банк обязывается платить своим вкладчикам опредѣленные проценты и берет на себя выполненіе их денежных порученій—производит за их счет уплаты, принимает на их счет платежи и т. д.

Таким образом, банк привлекает к себѣ капиталы от широкой публики, предпочитающей держать свои свободныя деньги в банкѣ

храненію их у себя в кассѣ. Полученные капиталы банк размѣщает между тѣми лицами, которые нуждаются в капиталѣ.

Размѣщеніе капитала производится банком разнообразными способами,—банк кредитует под обезпеченіе тѣх или иных цѣнных бумаг, учитывает векселя, открывает ссуды под залог товаров и т. д. Большая часть всѣх этих кредитов производится за счет тѣх вкладов, которые помѣщаются публикой в банки на срок и до востребованія.

Может показаться непонятным, каким образом банки могут выдавать в ссуду на опредѣленные сроки тѣ капиталы, которые помѣщаются в них публикой до востребованія и которые могут быть востребованы вкладчиками обратно во всякій данный момент. Казалось бы, вклад помѣщенный до востребованія должен храниться в наличности в кассах банка и, значит, никому в ссуду не отдаваться.

Дѣло, однако, в том, что, как показывает опыт, только нѣкоторая часть вкладов до востребованія требуется ежедневно обратно вкладчиками, большая же часть этих вкладов остается в кассах банков, получающих возможность, благодаря этому, распорядиться этими вкладами так же свободно, как и вкладами на опредѣленный срок.

Крупные коммерческіе банки имѣют вкладов на сотни милліонов рублей и направляют всѣ эти огромные денежныя капиталы преимущественно на нужды капиталистической торговли и промышленности. Ссуды они производят на короткіе сроки, но так как ссуды эти могут возобновляться, то фактически продолжительность срока ссуды может значительно увеличиваться.

Для ссуд долгосрочных—охватывающих нѣсколько лѣтъ или даже нѣсколько десятилѣтій—существуют особыя кредитныя учрежденія—так называемые ипотечныя банки, организованные совершенно иначе. Ипотечной ссудой называется такая ссуда, при которой возвращеніе ссуды обезпечивается заложенным недвижимым имуществом: если ссуда не будет своевременно возвращена, кредитор имѣет право потребовать продажи заложеннаго имущества и из вырученной суммы получить свой долг. Ипотечныя банки получают необходимыя им для кредитованія денежныя капиталы не путем привлеченія краткосрочных вкладов, как коммерческіе банки, а путем выпуска особых цѣнных бумаг—закладных листов. Закладной лист—это такой документ, выпускаемый ипотечным банком, который дает право владѣльцу этого листа ежегодно получать от банка опредѣленные проценты. Закладные листы свободно продаются и покупают их тѣ, кто хочет обезпечить себѣ ежегодный опредѣленный доход.

Этими закладными листами ипотечный банк и кредитует тѣх лиц, которыя хотят получить ссуду на долгій срок. Какой-нибудь домовладѣлец или землевладѣлец хочет, допустим, получить на долгій срок в ссуду опредѣленную денежную сумму. Он обращается за по-

лученіем ссуды в ипотечный банк; банк, удостовѣрившись, что имущество, под залог котораго испрашивается ссуда, имѣет опредѣленную цѣнность, выдает заемщику на опредѣленную сумму закладных листов. Заемщик продает эти закладные листы (или оставляет их у себя) и, таким образом, получает нужныя ему денежныя средства, принимая на себя обязательство уплачивать банку опредѣленные проценты.

Ипотечные банки обслуживают также капиталистическіе классы—владѣльцев недвижимаго имущества—земли, домов и иных построек.

Всѣ эти кредитныя учрежденія являются как бы резервуарами, куда направляется свободный денежный капитал для распредѣленія его по каналам капиталистическаго хозяйства. Капитал этот доставляется в банки капиталистическими классами и, так как банки принимают только крупныя сбереженія и очень мелкими суммами капитал в них помѣщен быть не может.

Между тѣм капитал накапливается не только капиталистическими, но и некапиталистическими классами. На Западѣ большинство населенія накапливает капитал, конечно, небольшими суммами. Крестьянин, фабричный рабочій, торговый служащій, не говоря уже о мелких лавочниках, людях умственного труда и т. д., всѣ они сберегают большую или меньшую часть своего заработка или дохода, откладывают и накапливают капитал. Конечно, чѣм меньше доход даннаго лица тѣм меньшими суммами он сберегает, но сберегает большинство населенія, хотя и далеко не в одинаковых размѣрах.

Эти мелкія сбереженія не могут поступать в обычные банки, потому что банки не принимают вкладов меньше опредѣленной суммы. Для накопленія таких мелких сбереженій жизнь создала особыя учрежденія—так называемыя сберегательныя кассы.

II.

Сберегательныя кассы первоначально возникли в Англіи и вначалѣ онѣ были частными учрежденіями, во главѣ которых стояли мѣстные вліятельные люди—землевладѣльцы и духовенство. Количество вкладов в них было незначительно до тѣх пор, пока знаменитый англійскій министр Гладстон не организовал в шестидесятых годах прошлаго вѣка так назыв. почтовыя сберегательныя кассы—огромную сеть правительственных сберегательных касс при почтовых отдѣленіях. Всѣ эти вклады как правительственных почтовых сберегательных касс, так и частных касс прежняго рода, помѣщаются в Англіи почти исключительно в государственныя процентныя бумаги, иначе говоря идут на нужды государства, благодаря чему кассы являются насосом, который выкачивает сбереженія мелкаго люда и направляет их на нужды государства.

Германскія сберегательныя кассы, которыя во многих отношеніях являются образцовыми, служат двум цѣлям: дать возможность мелкому люду получить процент со своих сбереженій и, с другой стороны, помочь мелкому мѣстному хозяину-крестьянину, ремесленнику, мелкому торговцу—получить дешевый кредит. Кассы эти заняты самыми разнообразными дѣлами—онѣ открывают небольшими суммами кредит на короткій и на долгій срок, занимаются покупкой и продажей земли в интересах мѣстнаго крестьянства, оказывают помощь при постройкѣ жилищ для рабочих, поддерживают кооперативныя учрежденія мелкаго кредита и т. д. и т. д. Свои капиталы они стараются использовать в интересах мѣстных мелких хозяев, приходя им в разнообразных смыслах на помощь. Именно в этом и заключается огромное преимущество германских касс перед англійскими.

В Россіи и на Украинѣ сберегательныя кассы являются государственными учрежденіями, находящимися в вѣдѣніи министерства финансов. К ним примѣнимы в усиленной степени всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлаются и против англійских сберегательных касс, так как свои капиталы онѣ помѣщают, за небольшими исключеніями, в государственныя процентныя бумаги, обезкровливая, таким образом, мѣстное мелкое хозяйство, от котораго онѣ оттягивают капиталы, в которых послѣднее столь нуждается.

III.

Современные банки являются чрезвычайно вліятельными хозяйственными учрежденіями, значеніе которых в общем строѣ капитализма быстро растет. Именно денежный капитал становится в наше время силой, подчиняющей другія формы капитала—промышленный и торговый капитал. Это наблюдается как на Западѣ, так и в Россіи и Украинѣ. Банки учреждают новые фабрики и заводы, а также торговныя заведенія. Вмѣстѣ с тѣм они скупают пай уже существующих торговопромышленных заведеній и таким образом становятся их фактическими хозяевами. В то же время банки, при помощи открываемаго ими кредита, захватывают в свои руки и непосредственную торговлю различными продуктами. Так напр., в Россіи и Украинѣ большая часть вывозной торговли хлѣбом до войны была сосредоточена в руках нѣскольких крупных банков, которые играли руководящую роль вообще в хлѣбной торговлѣ страны, хотя уставы банков и не разрѣшают банкам участія в торговых сдѣлках.

В концѣ концов банки становятся господствующей силой капиталистическаго міра и подчиняют всю хозяйственную жизнь своей власти.

Глава IX.

Общее направленіе развитія капиталистической промышленности и торговли.

Крупное промышленное и торговое заведеніе сильнѣе мелкаго и благодаря этому, по мѣрѣ развитія промышленности и торговли, крупный капитал пріобрѣтает все болѣе и болѣе руководящее значеніе въ хозяйственной жизни. С одной стороны капиталистическая промышленность вытѣсняет мелкое некапиталистическое производство: прежніе мелкіе самостоятельные промышленники утрачивают свою самостоятельность, разоряются и переходят въ наемные рабочіе капиталиста. С другой стороны, въ предѣлах капиталистическаго производства мы замѣчаем вытѣсненіе мелких капиталистических заведеній крупными.

Капиталистическое заведеніе становится все болѣе и болѣе крупным. В новѣйшее время развитіе въ этом направленіи очень ускорилося, благодаря разнаго рода союзам капиталистов, объединенію отдѣльных капиталистических заведеній для общих цѣлей, союзам их и полному сліянію.

Уже древній міръ знал стачки торговцев. Стачки эти ставили себѣ цѣлью захватить продажу того или иного товара въ свои руки и таким образом получить возможность по своему усмотрѣнію назначать цѣну на данный товар. В новѣйшее время соглашенія такого рода между капиталистами, как торговцами, так и промышленниками, чрезвычайно распространились въ тѣх странах, которыя стоят во главѣ современнаго капиталистическаго міра—особенно въ Соединенных Штатах, гдѣ имѣются наиболѣе крупные капиталы, сосредоточенные въ руках отдѣльных лиц.

При наличности въ Америкѣ многих лиц, обладающих капиталами въ сотни милліонов долларов, въ этой странѣ съ большой легкостью возникают капиталистическіе союзы, скупающіе большую часть товаров того или другого рода на всем протяженіи государства, а иногда и во всем мірѣ. Послѣ того, как товар скуплен, скупившая его компанія капиталистов начинает задерживать его въ своих руках для поднятія его цѣны. Когда же цѣна товара поднялась въ доста-

точной степени, товар пускается в продажу по повышенной цѣнѣ и участники соглашенія легко наживают огромные барыши в десятки и сотни миллионов долларов.

Это много раз продѣлывалось с мѣдью, причем цѣна мѣди диктовалась всему міру; очень часто такія соглашенія происходят в торговлѣ пшеницей, хлопком, колоніальными товарами и иными продуктами.

Соглашенія этого рода имѣют болѣе или менѣе преходящій характер.

Наряду с этим за послѣднія десятилѣтія стали быстро расти и длительныя соглашенія капиталистов. Прежняя борьба капиталистов друг с другом замѣняется сліяніем капиталов в одно цѣлое—возникают так называемые картели или синдикаты предпринимателей, в Америкѣ же возникают так называемые тресты.

Под картелем или синдикатом понимают болѣе или менѣе продолжительный и прочный союз самостоятельных предпринимателей для установленія по общему соглашенію единообразных условій дѣятельности их предпріятій—преимущественно условій производства или продажи продуктов. Именно эта форма предпринимательских союзов (наряду с трестом) характерна для новѣйшаго времени. Картель отнюдь не является временной стачкой торговцев; он преслѣдует постоянныя, длительныя цѣли и является поэтому новым родом капиталистическаго заведенія, знаменующим поднятіе капиталистическаго хозяйства на болѣе высокую ступень. Для картеля характерны двѣ черты: с одной стороны, в картелѣ отдѣльныя капиталистическія заведенія еще не утрачивают своей самостоятельности, картелированныя заведенія не являются одним заведеніем, а лишь союзом нѣскольких заведеній; с другой стороны, самостоятельность отдѣльных заведеній в картелѣ настолько ограничивается, что каждое заведеніе может достигать своих цѣлей лишь как часть цѣлаго. Первой своей особенностью картель отличается от треста, второй—от временных стачек капиталистов.

Предметом соглашенія со стороны картелей могут быть все тѣ хозяйственныя условія, которыя имѣют значеніе для дѣятельности предпріятія. Соглашенія входящих в картель предпріятій могут касаться:

- 1) цѣн покупаемых и продаваемых товаров, причем картель может устанавливать различныя цѣны для различных рынков; 2) размѣра производства, в видах поднятія, путем сокращенія производства, товарной цѣны; 3) распредѣленія между отдѣльными картелированными заведеніями областей сбыта для устраненія между ними соперничества; 4) установленія цѣны, размѣра производства и областей сбыта; 5) установленія цѣны, размѣра производства, областей сбыта

вмѣстѣ с распредѣленіем между картелированными заведеніями, по общему соглашенію, всѣх заказов. В этом послѣднем случаѣ самостоятельность отдѣльнаго заведенія сокращается до наименьших размѣров и выражается лишь в том, что отдѣльное заведеніе сохраняет свободу в организаціи самого производства и может повышать свою прибыль путем сокращенія расходов производства.

Высшей формой объединенія заведеній является трест, своеобразная форма предпринимательскаго союза, возникшая в Соединенных Штатах на почвѣ особенностей американских гражданских законов. Отдѣльныя заведенія, входяція в состав треста, совершенно утрачивают свою самостоятельность и только номинально сохраняют таковую. Паи заведеній, образовавших трест, передаются нѣскольким довѣренным лицам, полномочно управляющим дѣлом. В настоящее время тресты этого вида почти исчезли, благодаря запрещенію их законодательством, и замѣнились объединеніем предпріятій, входивших в состав трестов, в гигантскія компании. Отдѣльныя заведенія утратили и ту формальную самостоятельность, которую онѣ сохраняли в трестѣ, и превратились просто в одно объединенное капиталистическое заведеніе. Тѣм не менѣе, за ними сохранилось названіе треста.

Основной причиной, вызывающей образованіе картелей и других форм капиталистических союзов, является то, что сліяніе капитала увеличивает его экономическую мощь. Картели являются новой формой объединенія капитала и представляют собою новую ступень на том пути, который прошло промышленное развитіе, постепенно замѣнив мелкое заведеніе крупным. Благодаря союзам капиталистов, это сліяніе капиталов приняло несравненно болѣе быстрый характер, ибо в этом случаѣ происходит не вытѣсненіе мелких заведеній крупными, что не может произойти без продолжительной борьбы, но сліяніе и тѣх и других, в их общих интересах, в одну общую массу, для чего требуется только согласіе заинтересованных сторон.

Как и всякое капиталистическое предпріятіе, картель пользуется своей экономической мощью для поднятія своей прибыли. С этой цѣлью картель стремится поднять цѣны продаваемых им товаров, поскольку это допускается условіями рынка, и в то же время понизить заработную плату (а также и приобретаемаго им сырья и других средств производства), поскольку это содѣйствует повышенію прибыли. Поэтому нисколько не удивительно, что картели вообще не пользуются сочувствіем ни в широких массах потребителей, ни в средѣ рабочих. И тѣм и другим приходится вести борьбу с картелями за свои интересы, которым картели могут очень существенно угрожать.

Однако, не слѣдует думать, что вліяніе картелей всегда выражается в поднятіи цѣны товаров, производимых картелированными предпріятіями, и в ухудшеніи условій труда. Нерѣдко—и даже, как

можно думать, в странах с наибольшим развитіем картелей, по большей части—картель оказывает совершенно противоположное вліяніе на то и другое. Дѣло в том, что хотя картель, увеличивая мощь капиталистов, тѣм самым облегчает для них угнетеніе потребителя и рабочаго, но, в то же самое время, картель повышает производительность общественнаго труда и может, в концѣ концов, вести к удешевленію продуктов и улучшенію условій труда. Чѣм тѣснѣе организован картель, чѣм больше он приближается к об'единенному предпріятію, тѣм большее вліяніе он может оказывать на технику производства.

Американскіе тресты, несомнѣнно, чрезвычайно содѣйствовали прогрессу техники производства. Так как при образованіи треста всѣ предпріятія сливаются в одно, то трест непосредственно заинтересован в том, чтобы техника производства во всѣх предпріятіях была поставлена одинаково высоко. С этой цѣлью трест прекращает производство на тѣх фабриках и заводах, которые оборудованы в техническом отношеніи неудовлетворительно, и сосредоточивает производство в тѣх пунктах, гдѣ оно технически может быть поставлено всего выше. Так, напримѣр, водочный трест немедленно послѣ своего образованія закрыл 68 заводов из 80 и оставил в дѣйствіи только 12 из них; сходным образом поступил сахарный трест и многіе другіе. В результатѣ получается значительное сокращеніе издержек производства, благодаря чему трест, продавая товар по низшей цѣнѣ, может выручать большую прибыль. Но и помимо этого, не нужно упускать из виду, что высокая цѣна товара ограничивает возможность их сбыта, почему картель нерѣдко может больше выиграть, продавая большее количество товара по низшей цѣнѣ, чѣм меньшее количество по высшей.

Что касается рабочих, то об'единеніе производства в немногих заведеніях, увеличивая производительность труда, тѣм самым облегчает повышеніе заработной платы. Имѣетъ с тѣм, об'единеніе капитала механически содѣйствует об'единенію рабочих, группируя их большими массами на фабриках и заводах. Это увеличивает социальную мощь рабочих классов. Таким образом, и в этой области конечные результаты картелей капиталистов могут быть благопріятны интересам большинства населенія.

Одним из чрезвычайно важных условій, благопріятствующих возникновенію картелей, является система покровительственных пошлин. Если в странѣ господствует покровительственная таможенная политика, то картели встрѣчают для своего развитія несравненно болѣе благопріятную почву, чѣм при господствѣ системы свободной торговли. Объясняется это тѣм, что в первом случаѣ промышленность данной страны имѣет перед собой замкнутый рынок, и картели легко могут захватить этот рынок в свои руки; напротив, при существованіи энергичнаго иностраннаго соперничества, об'единеніе предпріятій

внутри страны не устраняет соперничества иностранных предприятий и картель может оказаться бессильным овладеть рынком.

По этой причине картели получили наибольшее развитие в странах покровительственной таможенной политики—напр., в Соединенных Штатах и Германии. Напротив, в Англии картели развиты, сравнительно, очень слабо. Причиной этого последнего является, помимо свободы торговли, также и то, что английская промышленность больше, чем промышленность какой-либо другой страны, работает для вывоза и, притом, для стран всего мира. Следствием этого является крайняя затруднительность для национальных организаций английской промышленности устанавливать условия сбыта производимых ими продуктов.

Наиболее широкое распространение союзы предпринимателей (и, притом, преимущественно в форме полного слияния многих предприятий в одно) получили, как сказано, в Соединенных Штатах. О значении этих организаций можно судить по тому, что, напр., так называемый стальной трест, возникший в 1901 г., располагал до войны капиталом свыше 1400 миллионов долларов, нефтяной трест имел капитал около 100 миллионов долл., мѣдный трест—капитал в 75 миллионов долл. и т. д. Эти гигантские организации капитала захватывают почти все национальное производство соответствующих продуктов.

В России и Украине также имелось много картелей, возникновению которых благоприятствовала господствовавшая в России система крайнего таможенного покровительства промышленности.

Наибольшую известность получил организованный в 1887 году картель наших сахарозаводчиков, имевший в виду устанавливать цены сахара путем вывоза большей или меньшей части его за границу. Картель этот скоро получил правительственную поддержку и, в общем, достиг того, что цена столь важного предмета потребления, как сахар, стояла в течение длинного ряда лет на значительно более высоком уровне, чем это было бы без картеля. Картель этот задержал развитие нашей свеклосахарной промышленности и в интересах нескольких крупных заводчиков обложил тяжелою данью потребителя.

Тяжелый промышленный кризис начала этого века дал и у нас сильный толчок к образованию картелей. В особенности много картелей возникло в железяноделательной, машиностроительной и горной промышленности, наиболее пострадавших от кризиса. Некоторые из этих картелей возникли при деятельной поддержке правительственной власти.

В общем, современное хозяйственное развитие ведет к объединению капитала во все более крупные хозяйственные организации. Без сомнения, это сопровождается многими болезненными явлениями, к которым не должна оставаться равнодушной общественная власть.

Современное государство не боится дѣятельно вмѣшиваться в хозяйственную жизнь и оно имѣет полную возможность противодействовать вредному вліянію капиталистическихъ организацій всякаго рода: уже одно то, что картели принимаютъ особо опасный характеръ под охраною таможеннаго покровительства, показываетъ, какъ существенно государство можетъ вліять на картели путемъ соотвѣтствующей таможенной политики,—допустивши иностранную конкуренцію, государство можетъ легко сломить стремленіе картелей къ повышенію цѣны продукта. Но ставить себѣ задачей не допускать самого возникновенія картелей—это значитъ, не понимать законовъ капиталистическаго развитія. Борьба съ трестами правительства Соединенныхъ Штатовъ привела не къ уничтоженію капиталистическихъ союзовъ, а къ тому, что они приняли еще болѣе тѣсный характеръ и из трестовъ превратились въ гигантскія компаніи, въ которыхъ исчезъ уже всякій слѣдъ самостоятельности отдѣльныхъ заведеній. Противъ такихъ сліяній множества отдѣльныхъ заведеній въ одно государство нашего времени совершенно безсильно. И потому здравая политика государства по отношенію къ трестамъ и картелямъ должна заключаться не въ стремленіи къ ихъ уничтоженію, а въ борьбѣ съ вредными, для широкихъ круговъ населенія, послѣдствіями ихъ дѣятельности. В частности, по отношенію къ рабочему классу, которому эти новыя организаціи капитала угрожаютъ очень существенно, государство должно предоставить полную свободу самозащиты, свободу рабочимъ союзамъ, которые рабочіе должны противопоставить союзамъ капитала. Об'единенному капиталу долженъ противостоять и об'единенный трудъ.

Союзы предпринимателей явились естественнымъ результатомъ взаимной борьбы капиталистовъ. Посредствомъ этихъ союзовъ капитализмъ стремится ввести организацію въ общественное производство, но капиталистическимъ способомъ—не въ интересахъ общества, а въ интересахъ капиталистовъ. Возникши на почвѣ борьбы съ пониженіемъ цѣнъ продуктовъ, картель всегда стремится ограничить производство тѣми предѣлами, въ которыхъ оно даетъ наибольшую прибыль на вложенный капиталъ. Сокращая производство, картели усиливаютъ безработицу. Отрицать вредныя стороны картелей невозможно, но, все же, картели должны быть признаны необходимой ступенью капиталистическаго развитія и, въ качествѣ таковой, явленіемъ прогрессивнымъ, подобно фабрикѣ, которая, несмотря на тяжелыя страданія народныхъ массъ, вызванныя ея развитіемъ, была, несомнѣнно, прогрессивнымъ явленіемъ.

Глава X.

Распределение народного дохода в капиталистическом хозяйствѣ.

I.

В основѣ капиталистическаго общества лежит присвоение перерабатывающими общественными группами доли общественного продукта, создаваемого трудом работающих общественных групп. На этой основѣ в капиталистическом обществѣ возникает неустраняемая и непримиримая противоположность общественных интересов: капиталистическое общество распадается на общественныя группы, каждая из которых имѣет свои особые интересы, сталкивающіеся с интересами других общественных групп.

Эти общественныя группы с противоположными общественными интересами образуют собой то, что экономисты называют общественными классами.

Члены каждаго класса имѣют общіе интересы друг с другом, но противоположныя интересы с членами других классов.

Не слѣдует, однако, думать, что в предѣлах одного и того же класса не существует противоположности интересов и что между отдѣльными классами не существует общности интересов. Соотношеніе интересов отдѣльных личностей и общественных групп чрезвычайно сложно. Каждая человѣческая личность имѣет свои особые интересы, не совпадающіе с интересами других личностей и сталкивающіеся с ними. С другой стороны, различные классы имѣют общіе интересы, объединяющіе всѣ классы в одно человѣческое общество. Противоположность интересов различных общественных классов, равно как и общность интересов различных членов одного и того же общественного класса заключена, таким образом, в опредѣленные границы и имѣет относительный, а не безусловный характер.

Основных классов капиталистическаго общества три—класс наемных рабочих, не владеющих средствами производства и пропитанія, и работающих по найму в пользу владѣльцев того и другого (пролетаріат); класс капиталистов, владеющих средствами производства и

пропитанія, и непосредственно руководящих общественным производством (буржуазія); и класс землевладѣльцев, владѣющихъ землей и получающихъ с нея нетрудовой доход (аристократія). К этимъ тремъ основнымъ классамъ капиталистическаго общества присоединяются повсемѣстно два другіе класса, воспринятые капиталистическимъ обществомъ изъ общественнаго строя болѣе ранняго времени—классъ мелкихъ капиталистов, владѣющихъ небольшими капиталистическими заведеніями, с небольшимъ числомъ наемныхъ рабочих, а иногда и безъ всякихъ наемныхъ рабочих (мелкіе фабриканты, ремесленники, мелкіе лавочники—мелкая буржуазія); и классъ крестьян-земледѣльцев, владѣющихъ землей и ведущихъ на ней свое самостоятельное трудовое хозяйство безъ помощи наемныхъ рабочих или с небольшимъ участіемъ этихъ послѣднихъ.

Такимъ образомъ, капиталистическое общество обычно слагается изъ 5 классов—землевладѣльцев, капиталистов, мелкой буржуазіи, крестьянъ и наемныхъ рабочих. Изъ этихъ 5 классовъ в однихъ капиталистическихъ обществахъ преимущественно развиты одни классы, в другихъ другіе. Такъ напр., в Россіи и Украинѣ изъ трудовыхъ классовъ преимущественно развитъ классъ крестьянства, пролетаріатъ же далеко уступаетъ по своей численности крестьянству; напротивъ, в Англіи классъ крестьянства почти отсутствуетъ и масса населенія слагается изъ пролетаріата. Мелкая буржуазія гораздо болѣе развита в западной Европѣ, чѣмъ в восточной.

II.

Изъ трехъ основныхъ классовъ капиталистическаго общества доходъ одного класса—наемныхъ рабочих—пролетаріата, имѣетъ трудовое происхожденіе, основывается на затратахъ этимъ классомъ труда; напротивъ, доходъ двухъ другихъ основныхъ классовъ капиталистическаго общества, капиталистовъ и землевладѣльцев, основывается не на затратахъ этими классами труда, а на владѣніи имуществомъ.

Владѣлецъ средствъ производства, капиталист, чтобы привести въ дѣйствіе свои машины и инныя орудія производства долженъ нанять рабочаго, безъ приложенія труда котораго капиталъ не дастъ капиталисту никакого дохода. Въ обмѣнъ на свой трудъ, продаваемый капиталисту, рабочій получаетъ заработную плату, которая и является его доходомъ, за счетъ котораго рабочій живетъ.

С вѣншей стороны наемъ рабочаго ничѣмъ не отличается отъ всякой другой купли-продажи: капиталистъ покупаетъ трудъ рабочаго, а рабочій продаетъ свой трудъ, и цѣна, за которую совершается эта продажа, образуетъ собой заработную плату рабочаго. Однако, на самомъ дѣлѣ, купля-продажа труда самымъ существеннымъ образомъ отличается отъ другихъ мѣновыхъ сдѣлокъ.

При наймѣ рабочаго предметомъ продажи является рабочая сила рабочаго. Но рабочая сила человѣка не можетъ быть приравнена къ другимъ товарамъ.

Всѣ остальные товары являются внѣшними предметами, къ которымъ человѣкъ прилагаетъ свой трудъ или завладѣваетъ ими; рабочая же сила человѣка есть не внѣшній предметъ дѣятельности человѣка, а самъ человѣкъ, неотдѣлимая часть его личности.

Это обстоятельство оказываетъ огромное вліяніе на условія образованія заработной платы. Первымъ слѣдствіемъ его является невозможность производства рабочей силы, вторымъ—совершенно своеобразное общественное положеніе продавцевъ и покупателей рабочей силы.

Какъ бы ни былъ приниженъ рабочій, все-же онъ—не рабочій скотъ капиталиста: онъ свободенъ за предѣлами рынка и у себя дома живетъ не для того, чтобы создавать рабочую силу капиталисту, а для себя, для удовлетворенія своихъ потребностей.

Размноженіе населенія далеко не представляетъ собой хозяйственного процесса, опредѣляемаго спросомъ со стороны капиталиста на рабочія руки. Увеличеніе спроса на рабочія руки и повышеніе заработной платы далеко не всегда сопровождается увеличеніемъ числа рожденій и, наоборот, паденіе заработной платы далеко не всегда вызываетъ уменьшеніе числа рожденій.

И это нисколько не удивительно. Рабочіе—люди, живущіе всѣми сложными интересами человѣческой жизни. Рост населенія управляется весьма сложными законами и находится въ зависимости далеко не отъ одной высоты заработной платы. Достаточно указать, что въ странахъ съ приблизительно одинаковымъ уровнемъ заработной платы размноженіе населенія можетъ представлять совершенно различную картину.

Другимъ существеннымъ отличіемъ рабочей силы отъ всѣхъ другихъ товаровъ является принадлежность продавцевъ и покупателей этого товара, по самому существу рабочей сдѣлки, къ различнымъ общественнымъ классамъ неодинаковой экономической силы. Въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ товары продаются капиталистами; покупателями этихъ товаровъ являются, въ свою очередь, капиталисты, а также и другіе классы общества. Такимъ образомъ, покупатели и продавцы, при продажѣ всякаго другого товара, кромѣ рабочей силы, не должны, по необходимости, принадлежать къ различнымъ общественнымъ классамъ. Напротивъ, продавцы рабочей силы составляютъ особый общественный классъ—пролетаріатъ, а покупатели рабочей силы—опять-таки особый классъ—капиталистовъ.

Продавцы рабочей силы продаютъ свою рабочую силу потому, что имъ больше нечего продавать. Не обладая средствами къ существо-

ванію и средствами производства, они умерли бы с голоду, если бы их рабочая сила не нашла себѣ примѣненія в чужом хозяйствѣ. С другой стороны, самая продажа ими своей рабочей силы предполагает их юридическую свободу,—и в этом существенное различіе современных рабочих от их предшественников в древнее время—рабов. Обладая юридической свободой, они не имѣют экономической свободы выбирать себѣ занятіе по вкусу и принуждены продавать свою рабочую силу, чтобы существовать.

Напротив, покупатели рабочей силы для этой самой покупки должны обладать средствами содержанія рабочаго и средствами производства, при помощи которых они могли бы производительно использовать купленную рабочую силу. Покупая рабочую силу других людей, капиталисты избавляются от необходимости принимать личное участіе в трудѣ производства и, таким образом, покупают личную свободу от труда. Владѣя средствами существованія и средствами производства, они имѣют возможность держать в зависимости рабочій класс.

Не составляя особых общественных классов, продавцы и покупатели любого другого товара могут свободно мѣняться ролями, если это по каким-либо соображеніям оказывается им нужно. Машиностроительный фабрикант, покупающій чугун у владѣльца чугунаго завода, может сам приобрести чугунный завод и продавать чугун, а владѣлец чугунаго завода может стать машиностроительным фабрикантом и покупать чугун у перваго. Напротив, при продажѣ рабочей силы роли продавца и покупателя прочно закрѣплены. Рабочій не может, по желанію, стать капиталистом, а капиталист не может пожелать стать рабочим: рабочій принужден всегда продавать свой единственный товар—рабочую силу, а капиталист не может имѣть мотивов отказаться от покупки этого товара.

Таким образом, установленіе заработной платы на опредѣленном уровнѣ всегда является результатом борьбы двух различных общественных классов—капиталистов и рабочих. Борьба между ними идет за общественный продукт—каждый из этих классов стремится захватить себѣ наибольшую долю общественнаго продукта. Произведенный общественным трудом общественный продукт только в нѣкоторой части достается рабочему,—другая же его часть захватывается неработающими классами, опирающимися на свою экономическую силу. Владѣя средствами производства и средствами существованія рабочаго, эти классы являются руководителями общественнаго процесса производства и господами положенія.

Таким образом, высота заработной платы опредѣляется двумя условіями—производительностью общественнаго труда, опредѣляющей, как велик общественный продукт, подлежащій раз-

дѣлу между общественными классами, и соціальной силой рабочаго класса, от которой зависит доля общественнаго продукта, поступающая в распоряженіе рабочаго.

Высота заработной платы опредѣляется, слѣдовательно, двумя независимыми условіями. Всякое измѣненіе производительности общественнаго труда должно, при прочих равных условіях, отражаться на высотѣ заработной платы. Чѣм выше производительность труда, тѣм выше должна быть, при прочих равных условіях, заработная плата, т. е. количество предметов потребленія, поступающих в распоряженіе рабочих. Именно это условіе и является наиболѣе могущественным при установленіи средняго уровня заработной платы в разных странах. Заработная плата гораздо выше в Америкѣ, чѣм в Европѣ, и в Европѣ она выше в Англіи, чѣм на континентѣ. В такой же послѣдовательности измѣняется и производительность общественнаго труда в тѣх же странах. Точно также и исторически рост производительности труда сопровождается ростом заработной платы.

Вот, напр., американскія данныя за вторую половину прошлаго вѣка.

	Средній годичный зар- бокок фабричн. рабочаго.	Цѣнность годового про- дукта на 1 рабочаго.
	(В р у б л я х).	
1850	480	2.065
1870	733	4.000
1900	850	4.754

За 50 лѣтъ в Америкѣ значительно возросла как заработная плата, так и производительность труда, причем, однако, производительность труда возросла больше.

В Россіи и Украинѣ крайне низкая заработная плата до революціи объяснялась, в числѣ прочаго, и низкой производительностью труда. Так, напр., число бумагопрядильных рабочих на одно веретено в Россіи болѣе чѣм в 5 раз превышает таковое же число в Англіи. При такой низкой производительности труда заработная плата в Россіи и Украинѣ должна была быть до революціи низкой. Послѣ революціи заработная плата за чернорабочій труд очень возрасла, благодаря повышенію соціальной силы рабочаго класса — рабочій класс, ставши господином положенія, получил возможность захватывать в свою пользу почти весь производимый им продукт, почти ничего не оставляя капиталисту. Это и было источником, из котораго явилась возможность поднять заработную плату, несмотря на одновременное паденіе производительности труда.

Если производительность труда вліяет на высоту заработной платы, то и, наоборот, высота заработной платы вліяет на производительность труда. Повышеніе заработной платы, улучшая условія

существованія рабочаго, увеличивает его трудоспособность и успѣшность его труда. На этой почвѣ возникает извѣстная солидарность интересов рабочих и капиталистов. Зависимость производительности труда от высоты заработной платы особенно отстаивали и отстаивают тѣ экономисты, которые вѣрят в согласіе интересов всѣх классов капиталистическаго общества. Однако, эти экономисты чрезвычайно преувеличивают зависимость производительности труда от высоты заработной платы. Зависимость эта наблюдается лишь в извѣстных узких предѣлах,—в противном случаѣ вся борьба труда и капитала из-за высоты заработной платы не имѣла бы смысла. Капиталисты были бы совершенными дураками, противясь повышенію заработной платы, если бы от такого повышенія нисколько не страдал их капитал.

Производительность общественнаго труда опредѣляет высшій предѣлъ заработной платы. Но очевидно, что заработная плата не может достигнуть этого предѣла, ибо достиженіе его было бы равносильно уничтоженію прибыли, иначе говоря, капиталистическаго хозяйства, причем доход рабочаго перестал бы уже быть заработной платой, так как исчез бы наемный труд. Низшим предѣлом заработной платы являются необходимыя средства существованія, без котораго рабочій не может работать и поддерживать свою семью. И этого низшаго предѣла заработная плата почти никогда не достигает, ибо рабочій, все-же не раб, и может отстоять себѣ лучшія условія существованія, чѣм условія существованія раба, простого средства производства. Однако, при особо неблагоприятном для рабочих соотношеніи общественных сил, заработная плата может понижаться и до этого уровня, хотя и в видѣ рѣдкаго случая. На каком же именно уровнѣ обычно устанавливается заработная плата, это опредѣляется борьбой рабочих с предпринимателями, социальной силой рабочаго класса. Капитал безплоден без помощи труда, но и труд ничего не может создать без помощи капитала. Из этой взаимной зависимости вытекает своеобразная форма борьбы труда и капитала, опредѣляющей их относительную экономическую силу — стачка, общее оставленіе работы. Стачка является для обѣих сторон рабочаго договора чрезвычайно грозным, но обоюдоострым оружіем. Отказываясь от работы, рабочіе приводят в бездѣйствіе капитал, но вмѣстѣ и свою рабочую силу, от продажи которой зависит их собственное существованіе. Стачка для рабочих всегда голоданіе, а для капиталиста часто разореніе. Потому обѣ стороны боятся стачки, но и прибѣгают к этому средству борьбы, как к послѣднему способу заставить уступить противника. Кто дольше выдерживает стачку, тот побѣждает, измѣняет в свою пользу условія рабочаго договора.

Увеличеніе предложенія рабочих рук облегчает предпринимателю замѣну бастующих рабочих другими. Поэтому увеличеніе предложе-

нія труда благопріятствует пониженію цѣны рабочей силы—обратно дѣйствует увеличеніе спроса на рабочую силу. Чѣм лучше организован рабочий класс, чѣм болѣе развиты в его средѣ профессиональные союзы, чѣм большими средствами они располагают, тѣм страшнѣе угроза стачкой предпринимателю и тѣм большую долю общественнаго дохода рабочий класс может удержать за собой.

Все, что увеличивает независимость рабочаго от капиталиста, увеличивает и его силу в борьбѣ с капиталом, а, значит, и его долю в общественном доходѣ. Так, напр., вмѣшательство государства в рабочій договор в интересах труда—так назыв. законодательство по охранѣ труда—есть одно из условій, благопріятствующих повышенію заработной платы; так же благопріятно вліяют на заработную плату и мѣры государства для обезпеченія участи рабочаго при его болѣзни, потери трудоспособности, старости и т. п. Возможность для рабочаго зарабатывать себѣ средства к жизни не продажей своей рабочей силы, а путем самостоятельнаго производства, точно также усиливает позицію рабочаго в борьбѣ с капиталом. Наличие в Америкѣ свободной государственной земли, доступной каждому для обработки за ничтожную плату, долгое время играла в Америкѣ роль предохранительнаго клапана капитализма—отвлекала от капиталистической промышленности избыточное рабочее населеніе и поддерживала, таким образом, на высоком уровнѣ заработную плату.

Наоборот, все то, что усиливает социальную мощь капиталистическаго класса, относительно ослабляет рабочаго и способствует пониженію его доли в общественном доходѣ. Так, напр., союзы капиталистов, картели и тресты, несомнѣнно, значительно усилили за послѣднее время капиталистическій класс; организованный капитал противостоит в настоящее время организованному рабочему, и так как рабочіе располагают лишь незначительными средствами для поддержанія своего существованія в случаѣ прекращенія работы, то организованный капитал на чисто экономической почвѣ сильнѣе организованнаго рабочаго. Но не нужно упускать из виду, что всякая борьба труда и капитала, если только она принимает широкіе размѣры, выходит за чисто экономическіе предѣлы, и дѣло рѣшается факторами не только экономического порядка. Мы знаем примѣры стачек, в которых рабочіе вышли побѣдителями при огромном перевѣсѣ чисто экономических сил капиталистов: дѣло рѣшалось в этом случаѣ такими не экономическими силами, как поддержка рабочих общественным мнѣніем страны, вмѣшательством государственной власти под опасеніем политическаго движенія рабочаго класса и т. п.

Техническій прогресс, сопровождающійся замѣщеніем рабочаго машиной, оказывает весьма сложное вліяніе на заработную плату. С одной стороны, всякое повышеніе производительности труда увели-

чивает продукт, подлежащій раздѣленію между рабочими и капиталистами. Въмѣстѣ с тѣм, повышение уровня техники, сопровождающееся ростом крупных фабрик, облегчает организацию рабочаго класса. Особенное же значеніе имѣет то обстоятельство, что рост основного капитала, приводимаго в движеніе данным числом рабочих, увеличивает убытки, причиняемые капиталисту стачкой, почему угроза стачкой оказывает на капиталиста большее дѣйствіе. Все это вмѣстѣ благопріятствует повышенію заработной платы. Но, с другой стороны, машина выступает соперником рабочаго и уменьшает зависимость капиталиста от рабочаго. Безработица возрастает. Это обстоятельство усиливает капиталиста в его борьбѣ с рабочими. В общем итогѣ, поднятіе техники производства обычно повышает заработную плату, но не в таком размѣрѣ, в каком повысилась производительность труда.

III.

Заработная плата за разные роды труда в капиталистических предпріятіях весьма различна. Как общее правило, заработная плата фабричных рабочих значительно выше заработной платы кустарей и земледѣльческих рабочих, а среди фабричных рабочих плата представителей искуснаго труда, труд которых требует особаго предвѣрнаго обученія или особой ловкости, выше, чѣм простых рядовых рабочих, чернорабочих. Затѣм, заработная плата обычно выше на больших фабриках, чѣм на малых, выше в крупных центрах промышленности, чѣм в мѣстностях с малоразвитой промышленностью, в городѣ, чѣм в деревнѣ, в густо-населенных мѣстностях, чѣм в слабо-населенных. Различія эти относятся отчасти только к номинальной платѣ,—т. е. к платѣ, выраженной в деньгах, получаемых рабочим, а не в продуктах, приобретаемых на эти деньги (заработная плата, выраженная в продуктах, называется реальной заработной платой). Естественно, что чѣм выше в данной мѣстности стоимость жизни рабочаго, тѣм болѣе высокую денежную плату он должен получать, чтобы обезпечить себѣ одинаковый уровень жизни. Но и реальная заработная плата очень различна в зависимости от очень сложных условій. Болѣе высокая реальная заработная плата на больших фабриках, чѣм на малых—особенно, чѣм у кустарей,—объясняется отчасти большой производительностью труда на крупных фабриках, отчасти же тѣм, что на крупных фабриках рабочіе лучше организованы и потому могут обезпечить себѣ лучшія условія рабочаго договора. Домашніе рабочіе являются наиболѣе беззащитными жертвами капиталистическаго прижима и гнета, так как домашнія условія работы чрезвычайно затрудняют всякія соглашенія между рабочими.

В мало-населенных мѣстностях реальная заработная плата нерѣдко значительно повышается потому, что в этих мѣстностях не хватает мѣстных рабочих для нужд мѣстной капиталистической про-

мышленности и капиталистическаго же земледѣлія, и недостающіе рабочіе привлекаются из других мѣст путем соотвѣтствующаго повышения платы. Вообще, чѣмъ больше в данном мѣстѣ предложеніе рабочих рук, чѣмъ легче предприниматель может замѣнить одного рабочаго другим, тѣмъ относительно слабѣе рабочій и тѣмъ ниже заработная плата.

Так, напр., в Россіи земледѣльческіе рабочіе в центральных губерніях получали низшую плату, чѣмъ в слабо-заселенных окраинах. В петроградском округѣ заработная плата была значительно выше, чѣмъ в московском, отчасти вслѣдствіе большой дороговизны жизни в Петроградѣ, отчасти потому, что Москва находится в центрѣ густонаселенной промышленной области, а Петроград помѣщается на окраинѣ и должен привлекать к себѣ рабочих из значительно удаленных центральных промышленных губерній.

Всего ниже заработная плата в тѣх промыслах и профессіях, в которых производительность труда всего меньше, в которых требуется от рабочаго всего менѣе ловкости, искусства и времени для предварительнаго обученія и в которых рабочіе всего слабѣе по отношенію к капиталу. В этих промыслах наблюдается одновременно и и наинизшая заработная плата и наивысшій рабочій день—рабочій всего менѣе получает за свой труд наибольшей продолжительности.

Так, напр., на московских фабриках самую меньшую плату получали в 80-х годах закончившагося вѣка рабочіе мелких рогожных фабрик; на этих рогожных фабриках господствовал и чрезвычайно продолжительный рабочій день, доходившій до 16 и 18 часов в сутки. За зиму (лѣтом работа на этих фабриках прекращалась) рогожники так ослабѣвали от непосильной работы при нищенской оплатѣ труда, что их, по выраженію одного хозяина рогожной фабрики, „вѣтром качало“. Столь неблагоприятныя условія труда на рогожных фабриках об'яснялись тѣмъ, что фабрики эти были мелкими заведеніями, на которых работа производилась исключительно руками, при самой ничтожной производительности труда; для работы не требовалось никакого предварительнаго обученія, благодаря чему она была доступна каждому деревенскому рабочему, и рабочіе набирались из окрестных деревень, не будучи ничѣмъ связаны с фабрикой; благодаря этому, фабрикант мог понижать до минимума заработную плату и повышать до максимума рабочій день,—рабочіе не могли оказать ему никакого сопротивленія.

IV.

По основаніям расцѣнки труда заработная плата бывает срочная (или повременная), сдѣльная (или поштучная), поурочная, прогрессивная и система скользящей скалы. По участникам договора—единичная, коллективная, подрядная и кооперативная.

При срочной заработной платѣ плата приурочивается ко времени, в течение котораго рабочий работал в пользу предпринимателя. При сдѣльной же заработной платѣ плата приурочивается к трудовому продукту рабочаго. Однако, при срочной заработной платѣ предприниматель отнюдь не относится безразлично к тому, какое количество продукта будет выработано рабочим, и, имѣя возможность не возобновить рабочий договор, если рабочий вырабатывает слишком мало, легко может настоять на том, чтобы послѣдній вырабатывал требуемое количество трудового продукта. Что же касается сдѣльной, поштучной заработной платы, то она фактически так же всегда имѣет временное основаніе и устанавливается на основѣ подсчета, какое количество продукта может в опредѣленное время выработать рабочий, и назначается в таком размѣрѣ, чтобы рабочий в день мог выработать опредѣленную плату. Вообще говоря, различіе между срочной и сдѣльной оплатой труда далеко не так глубоко, как это может казаться. И лишь непониманіем этого обстоятельства объясняется то, что в прежнее время экономисты признавали срочную плату соответствующей, как общее правило, интересам рабочаго, а сдѣльную — интересам предпринимателя.

На самом же дѣлѣ, и та и другая формы оплаты труда могут быть в одних случаях выгодны рабочим, в других — предпринимателям. Выгоды срочной заработной платы, с точки зрѣнія рабочаго, заключаются в том, что при ней рабочий получит назначенную плату даже и в том случаѣ, если его работа будет менѣе напряженна: срочная плата не вынуждает рабочаго к крайнему напряженію его сил. Поэтому рабочіе нерѣдко предпочитают срочную плату сдѣльной, опасаясь, что эта послѣдняя, при которой заработок рабочаго измѣняется в зависимости от его трудового продукта, поведет к общему увеличенію напряженности труда. Сплошь и рядом наблюдается, что хозяева вводят сдѣльную плату, чтобы соблазном добавочнаго заработка побудить рабочих работать болѣе усердно, а потом понижают сдѣльную расцѣнку, и рабочий, в концѣ-концов, исполняя большее количество труда и вырабатывая больше продукта, получает в день столько же, сколько и раньше. Но в других случаях рабочіе предпочитают именно сдѣльную плату, находя ее для себя болѣе выгодной. Это имѣет мѣсто особенно тогда, когда напряженность труда опредѣляется не доброй волей рабочаго, а ходом самага механизма, быстротой движенія центрального двигателя. Сообщая болѣе быстрое движеніе машинам, хозяин может принудить рабочих увеличить напряженность труда, результатом чего является выработка большаго количества продукта, выгода чего при срочной платѣ всецѣло доставалась бы хозяину, при сдѣльной же в ней могут принять участіе и рабочіе.

Поэтому в некоторых очень важных отраслях производства рабочие настаивают на сдельной платѣ.

Так, в хлопчатобумажном производствѣ Англіи господствует сдельная плата, которую энергично поддерживают рабочіе союзы. Мотивы рабочих заключаются в том, что в хлопчатобумажном производствѣ напряженность труда рабочего опредѣляется скоростью движенія машин, причем, благодаря техническим усовершенствованіям, наблюдается склонность к постоянному увеличенію этой скорости и, слѣдовательно, к увеличенію напряженности труда рабочего. Сдельная плата является, с одной стороны, препятствіем к чрезмѣрному увеличенію напряженности труда, а с другой—дает возможность рабочим извлекать пользу из усовершенствованій машин.

Слабая сторона сдельной платы заключается в том, что, обычно увеличивая напряженность труда рабочего и количество вырабатываемаго им продукта, она неблагоприятно отражается на качествѣ продукта: рабочій, стремясь сдѣлать возможно больше, работает меньше тщательно.

Вообще же, сдельная плата примѣнима лишь в том случаѣ, когда трудовой продукт отдѣльнаго рабочего допускает точный количественный учет, что возможно далеко не во всѣх родах труда. Поэтому болѣе распространенной является срочная плата—даже в тѣх странах, гдѣ преобладает машинное производство.

Поурочная заработная плата представляет собой соединеніе срочной и сдельной заработной платы. От сдельной платы она отличается тѣм, что при этой формѣ оплаты труда назначается опредѣленный урок, который должен быть исполнен в опредѣленное время (причем выработка рабочего сверх урока не оплачивается предпринимателем). От срочной же заработной платы поурочная отличается тѣм, что если рабочій вырабатывает меньше положеннаго урока, то он получает соотвѣтственно меньше. Таким образом, поурочная заработная плата заключает в себѣ, с точки зрѣнія рабочего, отрицательныя черты как срочной, так и сдельной заработной платы, почему рабочіе союзы энергично борются с этой формой заработной платы.

Прогрессивная заработная плата также есть соединеніе срочной и сдельной. В этом случаѣ рабочій получает плату срочно, но если он сдѣлает болѣе опредѣленнаго урока, то получает соотвѣтственно большее вознагражденіе—премію. Премія эта может принимать различныя формы.

Напр., рабочій получает премію соотвѣтственно добавочному количеству произведеннаго продукта, или же премія назначается так, что рабочій, сдѣлавшій болѣе назначеннаго урока, получает одну и ту же премію, независимо от количества произведеннаго добавочнаго про-

дукта; или же, наконец, премію получает рабочій, сдѣлавшій больше, чѣмъ всѣ остальные, независимо отъ того, сколько именно онъ сдѣлалъ. Послѣдняя форма прогрессивной платы очень невыгодна для рабочихъ, такъ какъ заставляетъ каждого рабочаго стремиться обогнать своихъ товарищей, что вызываетъ общее повышеніе напряженности труда.

Система скользящей скалы заключается въ томъ, что плата рабочаго измѣняется въ зависимости отъ цѣны продукта: повышеніе цѣны продукта повышаетъ плату рабочаго и обратно. Эта система невыгодна для рабочихъ въ томъ отношеніи, что она переноситъ на нихъ всѣ колебанія рыночной цѣны товара; но при ней можетъ обезпчиваться и наименьшая плата рабочаго, которую онъ получаетъ даже при наибольшемъ паденіи цѣны товара, и тогда эта система вызываетъ меньше возраженій съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго.

По отношенію къ числу участниковъ рабочаго договора заработная плата можетъ быть, какъ сказано, единичной, если предприниматель расплачивается съ каждымъ рабочимъ порознь, коллективной, если заработную плату получаетъ извѣстная группа рабочихъ, затѣмъ подрядной и, наконецъ, кооперативной.

Необходимость въ коллективной формѣ оплаты труда возникаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда при сдѣльной формѣ платы принимаетъ участіе въ извѣстномъ производствѣ, какъ нѣчто цѣлое, опредѣленная группа разнородныхъ рабочихъ.

Такъ, напр., въ Англіи при производствѣ бутылокъ сдѣльную плату получаетъ группа рабочихъ изъ 4-хъ человѣкъ, которые сообща участвуютъ въ производствѣ; полученная плата развѣрстывается между участниками группы въ доляхъ, устанавливаемыхъ рабочимъ договоромъ.

Коллективная плата сама по себѣ ничего невыгоднаго для рабочихъ не представляетъ; вызывается она чисто техническими условіями, такъ какъ часто бываетъ невозможно выдѣлить продуктъ каждого отдѣльнаго рабочаго.

Эту форму оплаты нужно, однако, строго отличать отъ подрядной платы, которая характеризуется тѣмъ, что плата отдѣльныхъ рабочихъ, входящихъ въ составъ данной рабочей группы, опредѣляется различнымъ образомъ. Вся группа въ совокупности оплачивается сдѣльно, но второстепенные рабочіе получаютъ плату срочно, въ пользу же руководителя группы—подрядчика—остается разница между сдѣльной платой всей группы и суммой срочныхъ плат ея второстепенныхъ членовъ. Въ этомъ случаѣ рабочая группа раскалывается на двѣ части съ совершенно различными интересами: съ одной стороны низшіе рабочіе, съ другой—главный рабочій, который заинтересованъ въ томъ, чтобы было произведено возможно большее количество работы, такъ какъ его заработокъ опредѣляется именно этимъ. При этомъ иногда второстепенные рабочіе получаютъ, въ добавленіе къ своей срочной платѣ, извѣстную

премію, соотвѣтственно количеству выработаннаго продукта. Благодаря разобщенности интересов рабочих при этой формѣ оплаты, она легко превращается в то, что англичане называют „sweating system“— „систему выжиманія пота“, причем „выжимателем пота“ становится главный рабочий.

Подрядная плата выгодна для предпринимателя, который избавляется, благодаря ей, от обязанности слѣдить за работой, так как эта обязанность переносится на подрядчика. Рабочіе союзы относятся к ней рѣзко враждебно.

Кооперативной платой называется такая, при которой плату получает группа рабочих, разверстывающих ее между собой по своему собственному усмотрѣнію. Рабочіе в этом случаѣ образуют трудовую артель, продающую свои трудовыя услуги; о ней будет сказано в главѣ о кооперации.

Нѣсколько десятилѣтій тому назад экономисты придавали чрезвычайное значеніе одной формѣ оплаты труда, о которой еще не было упомянуто—участію рабочих в прибылях предприятия. Многим экономистам казалось, что такая оплата труда даст возможность примирить интересы рабочих и капиталистов. Особенно обратил на себя вниманіе опыт привлеченія рабочих к участию в прибылях, сдѣланный Леклером, собственником малярнаго заведенія в Парижѣ. Разсчитывая, благодаря увеличенію производительности труда, увеличить как свою собственную прибыль, так и доход рабочих, он ввел в 1842 г. в своем предпріятіи эту форму оплаты труда и получил хорошіе результаты.

Однако, послѣдующій опыт не оправдал ожиданій, вызванных попыткой Леклера примирить интересы труда и капитала. Участіе рабочих в прибылях не получило ни в одной странѣ сколько-нибудь значительнаго распространенія. Иногда хозяева прибѣгали к этой формѣ оплаты труда, чтобы отвлечь рабочих от участія в профессиональных союзах, и даже ставили такое неучастіе условіем полученія доли в барышах предпріятія. Рабочим приходилось сравнивать выгоды, которыя они получают от своих союзов, с выгодами от участія в прибылях предпріятія—и почти всегда выгоды перваго рода оказывались значительно большими.

В тѣх немногих предпріятіях, в которых рабочіе участвуют в прибылях, они получают, благодаря этому участию, весьма незначительную прибавку к своей заработной платѣ. Возможно даже, что эта прибавка является мнимой, так как если бы ее не было, то рабочіе могли бы настоять на соотвѣтствующем повышеніи своей основной платы. Вообще, с точки зрѣнія рабочаго класса эта система не представляет никаких существенных выгод сравнительно с другими фор-

мами заработной платы. Неблагоприятной же стороной ее является то, что она стремится тѣсно связать рабочаго с данным предприятием и тѣм ослабить его энергію в борьбѣ с капиталистом. Затѣм, она разобщает рабочий класс и стремится обособить рабочих, занятых в данном предприятии, от их товарищей в других предприятиях.

Выгоды этой формы оплаты труда—тѣ же, что и прогрессивной платы, выгоды, главным образом, для капиталиста. С точки зрѣнія рабочих, прогрессивная плата является даже болѣе предпочтительной, так как в этом случаѣ, при особой напряженности и производительности труда, за рабочими обезпечено добавочное вознагражденіе, между тѣм как при участіи рабочих в прибылях предприятия рабочий может утратить плоды своих усилій вслѣдствіе плохого веденія дѣла предпринимателем. Поэтому участіе в прибылях предприятия, как добавочное вознагражденіе, получило значительное распространеніе только по отношенію к высшим служащим. В этом послѣднем случаѣ оно вполне цѣлесообразно и соответствует интересам как хозяев, так и самих служащих: успѣх предприятия и величина его барышей весьма существенно зависят от образа дѣйствій его высших служащих, и лучшим средством заинтересовать их в дѣлѣ является предоставленіе им доли прибыли. Высшіе служащіе и без того тѣсно связаны с предприятием, а предоставленіе им участія в прибыли еще болѣе приближает их к предпринимателям, к очевидной выгодѣ этих послѣдних.

V.

Исторія заработной платы до сих пор статистически разработана очень мало, вслѣдствіе огромных трудностей такой разработки. Даже относительно номинальной платы очень трудно собрать за длинный ряд лѣтъ вполне надежныя и сравнимыя статистическія данныя. Вполне сравнимы были бы данныя, относящіяся к тѣм же родам труда в одном и том же предприятии, но это, обыкновенно, невозможно, и приходится сравнивать данныя о заработной платѣ за разные годы в различных предприятиях, причем можно принять за измѣненіе заработной платы во времени то, что составляет на самом дѣлѣ только различіе платы в разных предприятиях. Что же касается реальной заработной платы, то здѣсь сравненіе данных за разные годы еще труднѣе, так как приходится принимать в соображеніе цѣны предметов потребленія рабочаго класса.

Точная исторія заработной платы требует огромнаго матеріала, которым современная наука не располагает. Всего лучше изучена исторія заработной платы в Англіи. Номинальная заработная плата в Англіи повышалась с 16 вѣка вплоть до 19 вѣка, но реальная заработная плата измѣнялась совершенно иначе и к первой половинѣ

17 вѣка значительно понизилась, благодаря, главным образом, аграрной революціи, обезземелившей значительную часть англійскаго крестьянства. Во второй половинѣ 18 вѣка послѣдовало повышение реальной заработной платы: аграрная революція приостановилась, и в то же время в Англии стали развиваться промышленность и торговля. Стало расти капиталистическое производство, но пока всецѣло на основѣ ручного домашнего труда. В теченіе первых трех четвертей 18 вѣка продолжалось движеніе в том же направленіи: реальная заработная плата не падала, а медленно росла.

Дальнѣйшая исторія заработной платы не подтвердила, однако, этого мнѣнія. Конец 18 и начало 19 вѣков были временем самых тяжелых страданій англійскаго рабочаго класса. Существует огромная литература по данному вопросу, показывающая, что в экономическом положеніи массы англійскаго народа в это время произошла рѣзкая перемена к худшему. Чрезвычайно увеличилось число пауперов—лиц, получавших, по бѣдности, пособія от государства, заработная плата в важнѣйших отраслях труда понизилась, и, в общем, послѣдовало обѣднѣніе рабочаго класса одновременно с чрезвычайным ростом народного богатства.

Все это было послѣдствіем промышленной и аграрной революціи, ознаменовавшей собой наступленіе новой эпохи всемірной исторіи—полнаго расцвѣта капиталистической системы. Крестьянин был окончательно лишен своей земли, а мелкій производитель в промышленности чрезвычайно пострадал от роста фабрики. На первой ступени своего развитія фабричное производство неизбежно приводит к пониженію экономического уровня всего того населенія, которое не вовлечено еще в фабричное производство. В это время фабрика дает занятіе еще только ничтожной части населенія; но так как фабричные продукты соперничают с продуктами мелкаго производства, то паденіе цѣны фабричных продуктов вызывает паденіе цѣн и продуктов мелкаго производства, а, значит, и сокращеніе заработков мелких производителей. Поэтому первые шаги развитія фабрики всегда сопровождаются ухудшеніем положенія массы населенія, состоящей на этой ступени хозяйственнаго развитія мелких производителей. А так как фабричные рабочіе не представляют собой замкнутаго класса, не связаннаго с остальной массой трудящихся, то пониженіе заработков в мелкой промышленности ведет за собой нѣкоторое пониженіе платы и в фабричной промышленности.

Все это испытали рабочіе классы Англии в теченіе первой половины 19 вѣка. Особенно тяжело было положеніе ручных ткачей, которых считалось в Англии в началѣ 19 вѣка болѣе 1 милліона. Если в области бумагопряденія борьба ручного труда с машиной закончилась очень скоро, то в области ткачества борьба эта растянулась на

много десятилѣтій; ручное ткачество упорно боролось за существованіе, борясь с фабрикой пониженіем заработков ручных ткачей. Только с 50-х годов закончившагося вѣка фабрика в Англіи окончательно побѣждает, и ручные ткачи в важнѣйшей отрасли текстильной промышленности—хлопчатобумажной—сходят со сцены.

Вмѣстѣ с тѣм, с этого времени наблюдается общій подѣм экономическаго положенія англійскаго рабочаго класса. Усовершенствованіе техники фабричнаго производства перестало вызывать паденіе заработков обширных масс мелких производителей, так как численность послѣдних относительно сократилась, и фабричный пролетаріат стал преобладающим классом промышленнаго населенія. Вмѣстѣ с тѣм рост профессиональных организацій среди рабочих (рабочих союзов), а также мѣры государственной охраны интересов труда (фабричное законодательство) увеличили относительную силу рабочаго в его борьбѣ с предпринимателем за лучшія условія труда. Очень существенно содѣйствовало общему подѣму благосостоянія рабочей массы и кооперативное движеніе. Таким образом, этот подѣм был вызван как ростом производительности общественнаго труда, так и ростом соціальной силы рабочаго класса.

Наиболѣе точныя данныя относительно измѣненія заработной платы в Англіи собраны Боули. Согласно Боули, средняя номинальная заработная плата в Англіи измѣнялась с тридцатых годов прошлаго вѣка слѣдующим образом (принимая за 100 плату 1890-99):

1830-40.	1840-50.	1850-60.	1860-70.	1870-80.	1880-90.	1890-99.
60	60	65	75	95	90	100

Что касается до реальной платы, то она повысилась гораздо меньше, так как стоимость жизни (преимущественно, вслѣдствіе повышения квартирной платы) за это время значительно возросла. Главной же причиной значительнаго повышенія благосостоянія массы англійскаго населенія было не столько поднятіе реальной заработной платы в различных отраслях труда, сколько значительное увеличеніе в составѣ рабочаго класса тѣх групп рабочих, которыя оплачиваются лучше: процент хуже оплачиваемых рабочих, несомнѣнно, очень упал.

Можно согласиться с слѣдующей характеристикой измѣненія положенія англійскаго рабочаго класа, принадлежащей Сиднею Веббу. „Если мы возьмем различныя условія жизни и работы и установим уровень, ниже котораго невозможно сносное существованіе, то мы увидим, что по отношенію к заработной платѣ, рабочему времени, жилищу и общей культурѣ доля живущих ниже этого уровня теперь меньше, чѣм была в 1837 г. Но мы также найдем, что самый низкій уровень так же низок, как и раньше, и что общее число тѣх, кто живет ниже установленнаго нами уровня, в настоящее время, вѣроятно, выше по своей абсолютной величинѣ, чѣм в 1837 году“.

Тщательное изслѣдованіе условій жизни лондонскаго населенія в концѣ 19 вѣка, произведенное Чарльзом Бутсом, раскрыло в общем весьма мрачную картину. По подсчетам Бутса, в Лондонѣ около 10% населенія должно быть отнесено к группѣ крайней бѣдности; часть этой группы состоит из нищих, воров, преступников и, вообще, того, что называют „подонками общества“, часть—из хронически безработных, живущих случайными доходами. Затѣм идет группа бѣдности, которая охватывает около 22% лондонскаго населенія. Эта группа имѣет непостоянный доход и сильно страдает от безработицы при сокращеніях промышленности и торговли. И только остальные $\frac{2}{3}$ лондонскаго населенія стоят выше линіи бѣдности.

Бутсу принадлежит также другое любопытное изслѣдованіе, проливающее новый свѣтъ на англійскій пауперизм. Процент лиц, получающих, в качествѣ пауперов, пособие от государства, в Англіи не велик и обнаруживает наклонность к паденію. Но Бутс изслѣдовал распредѣленіе пауперов по возрастам и сравнил их с соотвѣтствующими возрастными группами всего населенія. Оказалось, что процент пауперов среди стариков очень значителен и в 1897 г. достигал для лиц старше 65 лѣтъ почти 30.

VI.

Доход капиталистическаго класса—прибыль—основан не на трудѣ, а на владѣніи капиталом—продуктами человѣческаго труда, используемыми для полученія нетрудового дохода. Поэтому по своей внутренней природѣ прибыль противоположна заработной платѣ: рабочій только потому получает от капиталиста заработную плату, что капиталист имѣет в виду долю трудового продукта присвоить себѣ без всякой оплаты. Иначе говоря, если называть присвоеніе труда одного человѣка другим без всякой оплаты эксплоатаціей труда,—то прибыль есть доход, основанный на эксплоатаціи рабочаго капиталистом. Эта эксплоатація рабочаго капиталистом становится возможной благодаря тому, что рабочій лишен средств производства и пропитанія, находящихся в руках капиталиста, и потому вынужден работать в пользу того, кто всеѣм этим владѣет—капиталиста.

Заработная плата и прибыль представляют собой двѣ формы общественнаго дохода, из которых одна предполагает другую—заработная плата предполагает прибыль, и обратно. Прибыль и заработная плата суть доли одного и того же цѣлаго.

Поэтому тѣ же условія, которыя устанавливают высоту заработной платы, устанавливают и сумму прибыли, поступающей в распоряженіе капиталистов. Если заработная плата опредѣляется производительностью общественнаго труда и соотношеніем соціальной силы капиталистов и рабочих, то тѣми же самыми условіями опредѣляется и сумма прибыли капиталиста.

Как и заработная плата, доход капиталиста—прибыль—зависит, прежде всего, от производительности общественного труда. Чем эта производительность больше, тем больше, при прочих равных условиях, и доход капиталистического класса. Поэтому все то, что увеличивает производительность общественного труда, имеет склонность повышать и прибыль.

Введение новых улучшенных орудий труда имеет склонность повышать прибыль.

Повышение прибыли вовсе не предполагает неизбежного понижения заработной платы. Если, благодаря, напр., введению улучшенных орудий труда, производительность общественного труда повышается, то увеличивается сумма общественного продукта, подлежащего раздѣленію между рабочими и капиталистами, и заработная плата и прибыль могут подняться одновременно; повышение прибыли будет достигнуто в этом случаѣ не насчет паденія заработной платы, а насчет повышения производительности общественного труда.

Отсюда слѣдует, что прибыль может измѣняться как параллельно, так и в обратном отношеніи сравнительно с заработной платой. Возможны слѣдующія сочетанія прибыли и заработной платы (как долей продукта): высокая заработная плата и низкая прибыль, высокая заработная плата и высокая прибыль, низкая заработная плата и высокая прибыль, низкая заработная плата и низкая прибыль. Эти сочетанія мы и наблюдаем в дѣйствительности: высокая прибыль идет, напр., в Америкѣ рядом с высокой, в Россіи—с низкой заработной платой. Благодаря высокой производительности труда в Америкѣ, доля капиталистов и рабочих в общественном продуктѣ высока. Иное мы видим в Россіи, гдѣ при низкой производительности труда высокая прибыль достигается путем крайняго угнетенія труда капиталом.

Таким образом, кромѣ пониженія заработной платы, имѣется и другой источник для повышенія прибыли—именно повышение производительности общественного труда. Технический прогресс создает естественную склонность к повышенію прибыли.

Но, с другой стороны, вѣрно и то, что прибыль может повышаться и помимо роста производительности труда—насчет сокращенія заработной платы. Всякое измѣненіе заработной платы, предполагающее повышение производительности общественного труда неизмѣнной, неизбежно должно вызывать обратныя измѣненія прибыли. Теорія прибыли должна признать вліяніе на прибыль как чисто экономическаго условія (высоты производительности общественного труда), так и соціальнаго (распредѣленія продукта между различными общественными классами).

Итак, вот какими условіями опредѣляется прибыль, как опредѣленная сумма дохода, получаемого капиталистом. Но прибыль

обычно выражается в процентах к капиталу, который затрачивается капиталистом. Чѣм же опредѣляется общественный процент прибыли?

Процент прибыли есть частное от дѣленія прибыли на затраченный капиталистом капитал. Как сказано, общественная прибыль по своей величинѣ опредѣляется производительностью общественного труда и соотношеніем социальной силы капиталистическаго и рабочаго классов. Что же касается капитала, в процентах к которому выражается прибыль, то размѣры затрачиваемаго капиталистом капитала опредѣляются скоростью оборотов послѣдняго. Чѣм быстрее оборачивается капитал, тѣм меньше капитал, затрачиваемый на устройство предпріятія, и тѣм выше процент прибыли. Таким образом, скорость оборотов общественного капитала является третьим условіем, вліяющим на общественный процент прибыли, который опредѣляется, слѣдовательно, тремя условіями: производительностью общественнаго труда, соотношеніем социальной силы капиталистов и рабочих и скоростью оборотов общественного капитала.

Прибыль на капитал распадается на двѣ составныя части — ссудный процент и предпринимательскую прибыль. Ссудный процент есть плата за пользованіе ссужаемым капиталом. Если предпріятіе ведется при помощи капитала, полученнаго в кредит, то обѣ составныя части капиталистической прибыли рѣзко обособляются: кредитор получает ссудный процент, а остальная часть капиталистической прибыли, за вычетом ссуднаго процента, образует собой барыш предпринимателя — предпринимательскую прибыль.

Величина ссуднаго процента опредѣляется условіями спроса и предложенія ссуднаго капитала. Чѣм больше капитал, предназначенный для отдачи в ссуду, тѣм ниже должен быть, при прочих равных условіях, ссудный процент.

Ссудный капитал (наряду с торговым) является одной из древнѣйших форм капитала. Ростовщичество составляет одну из явъ возникающаго денежнаго хозяйства; когда денежные капиталы имѣются в странѣ в ничтожном количествѣ, а в то же время, благодаря разложенію натурального хозяйства, возникает сильный спрос на деньги. Таким образом, создается почва для ростовщичества — отдачи в ссуду денежных капиталов (преимущественно, для потребительных цѣлей или же мелким производителям) по непомерно высоким процентам. В развитом капиталистическом хозяйствѣ кредит служит цѣлям не потребленія, а, главным образом, производства, и должник является, как общее правило, таким же капиталистом, как и кредитор. Происходит дѣленіе капиталистической прибыли между предпринимателем и кредитором, причем ссудный процент спускается до зна-

чительно болѣе низкаго уровня, какъ часть общей прибыли капиталистическаго предпріятія.

Все сказанное относится къ прибыли въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ; мы исходили изъ предположенія, что общественный продуктъ создается ходомъ капиталистическаго производства и распределяется между тремя общественными классами, предполагаемыми самой природой капиталистическаго производства,—рабочими, капиталистами и землевладѣльцами. Прибыль является въ этомъ случаѣ вычетомъ въ пользу капиталистовъ изъ продукта, создаваемого рабочими. Но если мы предположимъ (что соотвѣтствуетъ дѣйствительности), что капиталистическое производство охватываетъ лишь часть общественнаго производства и что извѣстная часть общества находится внѣ отношеній капиталистическаго производства, образуя собой классъ мелкихъ не капиталистическихъ производителей, то для возникновенія прибыли явится и другой источникъ. Капиталистъ, стоящій во главѣ капиталистическаго предпріятія, имѣетъ возможность въ этомъ случаѣ извлекать прибыль путемъ эксплуатаціи не только рабочихъ, занятыхъ въ его предпріятіи, но и не принадлежащихъ къ рабочему классу потребителей, приобретающихъ его продукты. Если капиталистическое производство охватываетъ собой все общественное производство, то капиталисты, какъ классъ, не могутъ извлекать прибыль изъ обмѣна, а только изъ производства, такъ какъ совокупность покупателей совпадаетъ въ этомъ случаѣ съ совокупностью классовъ, связанныхъ между собой капиталистическимъ производствомъ. Напротивъ, если извѣстная часть общества стоитъ внѣ капиталистическаго производства, то капиталистъ можетъ извлекать свою прибыль путемъ продажи этой части общества продуктовъ капиталистическаго производства по болѣе высокой цѣнѣ и, такимъ образомъ, извлекать свою прибыль изъ эксплуатаціи покупателя.

Въ странахъ, лишь начинающихъ свое капиталистическое развитіе, отдѣльныя капиталистическія предпріятія обычно пользуются въ большей или меньшей степени господствующимъ положеніемъ; они не встрѣчаютъ соперничества другихъ капиталистическихъ предпріятій и, пользуясь этимъ, могутъ держать цѣны своихъ издѣлій на очень высокомъ уровнѣ. Поэтому процентъ прибыли, выручаемый ими, можетъ быть очень высокъ и обычно стоитъ на значительно высшемъ уровнѣ, чѣмъ въ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ. Но этотъ высокій уровень прибыли возникаетъ на совершенно другой основѣ, чѣмъ прибыль при полномъ развитіи капиталистическаго производства. При развитомъ капиталистическомъ производствѣ капиталисты, какъ классъ, извлекаютъ прибыль лишь изъ эксплуатаціи рабочихъ; при неразвитомъ,—кромѣ того, и изъ эксплуатаціи покупателей. Этотъ послѣдній источникъ прибыли, по необходимости, исчезаетъ, когда капиталистическое производство становится господствующимъ.

Вот почему процент прибыли в странах с малоразвитым капиталистическим хозяйством обычно значительно выше, чѣм в странах развитого капитализма.

Так, напр., высокій процент прибыли в Россіи зависит не только от низкаго уровня заработной платы, но еще болѣе от того, что русскіе фабриканты, помимо эксплуатаціи своих рабочих, эксплуатируют еще и своих покупателей. Продавая свои издѣлія (в силу слабости соперничества) по непомерно высокой цѣнѣ, они облагают данью в свою пользу все населеніе, пользующееся их товарами.

В этом двойном источникѣ прибыли в молодых капиталистических странах и лежит причина столь часто замѣчающагося паденія процента прибыли при распространеніи в странѣ капиталистическаго производства.

VII.

Земельная рента есть нетрудовой доход, вытекающій из пользованія устойчивыми полезными свойствами земли. Земельная рента является, наряду с прибылью, вторым основным видом нетрудового дохода. Но между капиталом и землей существует глубочайшее различіе в том отношеніи, что капитал—продукт человѣческаго труда, между тѣм как земля не создана человѣком. Отсюда вытекает соответствующее различіе и между прибылью и рентой. В то время, как прибыль опредѣляется соціальной борьбой класса рабочих и капиталистов, повышается и понижается в зависимости от этой борьбы, земельная рента подчиняется своим законам, стоящим, в извѣстном смыслѣ, внѣ и выше соціальной борьбы. Нѣтъ особаго закона прибыли, опредѣляющаго, как высока должна быть прибыль при данном состояніи производства, но такой закон существует по отношенію к земельной рентѣ. Объясняется это тѣм, что в области земельных отношеній в соціальныя отношенія вторгается внѣшняя, несоціальная сила—внѣшняя природа, земля.

Поскольку человѣкъ сталкивается в своей хозяйственной дѣятельности с внѣшней природой, не измѣненной его трудом, он подчиняется в своей дѣятельности естественным условіям его труда. Но естественныя условія хозяйственнаго труда в различных пунктах производства чрезвычайно различны. Эти различія естественных условій производства не могут не приводить к различіям производительности труда: гдѣ естественныя условія благопріятнѣе, там труд производительнѣе и—обратно. Различія же производительности труда приводят, в свою очередь, к различіям доходов: в мѣстах большей производительности труд создает добавочные, избыточные продукты, а слѣдовательно, и добавочные, избыточные доходы, сравнительно с мѣстами меньшей производительности. Кому же достанутся эти доходы?

Доходы эти находятся в непосредственной связи с естественными различиями условий производства. Но земля, при существующем строе общества, является частной собственностью тех или иных лиц. Владѣя землей, эти лица имѣют возможность присваивать себѣ и тѣ доходы, которые вытекают из естественных преимуществ данного земельного участка. Если земля сдается в аренду, то избыточные доходы, связанные с большей производительностью труда на данном земельном участкѣ, не могут достаться арендатору; в противном случаѣ доходы арендаторов различных земельных участков, при одинаковой затратѣ труда и капитала, были бы различны, а это, естественно, привело бы к тому, что со стороны арендаторов явился бы усиленный спрос на участки лучшаго качества и земельные собственники получили бы возможность повысить арендную плату до того уровня, при котором весь избыточный доход с данного участка перешел бы в руки землевладѣльца. Таким образом, в силу владѣнія землей, землевладѣльческій класс получает возможность присваивать себѣ и всѣ избыточные доходы, связанные с естественными различиями производительности труда в различных пунктах производства. Эти доходы и образуют собой земельную ренту.

Естественныя различія производительности труда находятся в связи, прежде всего, с различіями земельных участков по их положенію в пространствѣ. Каждый земельный участок занимает опредѣленное положеніе в пространствѣ, которое не может быть измѣнено никакими усиліями человѣка. Различія мѣстоположенія земельных участков и являются первым источником земельной ренты. В самом чистом видѣ такая земельная рента пространственнаго происхожденія обнаруживается в так-называемой городской рентѣ—рентѣ с участком городской земли. Чѣм ближе данный участок к центру города, тѣм выше его преимущества в хозяйственном отношеніи, и, значит, тѣм выше плата, которую может потребовать за пользованіе участком его собственник. На окраинах города (т. е. там, гдѣ прекращаются городскія постройки) городская рента спускается всего ниже, в центрѣ же города достигает своего наибольшаго размѣра. Эта рента всецѣло обуславливается различіями мѣстоположенія земельных участков.

Тѣ же различія мѣстоположенія являются чрезвычайно важным источником земельной ренты и в области сельскаго хозяйства. Сельскохозяйственные продукты в мѣновом хозяйствѣ изготовляются для сбыта, продаются; чѣм дальше данный участок земли от мѣста сбыта сельскохозяйственных продуктов, тѣм больше приходится затрачивать труда на перевозку продуктов от мѣста их производства к мѣсту их сбыта. Если мы предположим, что сельскохозяйственные продукты сбываются лишь в извѣстном центральном мѣстѣ, то чѣм дальше

расположены участки земли от этого мѣста, тѣм тяжелѣе ложатся на них расходы перевозки продуктов. Но цѣна всѣх продуктов того же рода в том же мѣстѣ сбыта должна быть одна и та же, независимо от того, насколько удалены от мѣста сбыта участки, на которых добыты эти продукты. Отсюда слѣдует, что цѣна сельскохозяйственных продуктов на мѣстѣ производства должна быть тѣм ниже, чѣм болѣе удален от мѣста сбыта данный участок. На наиболѣе отдаленных участках цѣна будет только покрывать с обычной прибылью издержки производства продукта, — ниже она опуститься не может, так как, в противном случаѣ, прекратилось бы производство продукта. Но чѣм ближе будет участок от мѣста сбыта продукта, тѣм выше будет цѣна послѣдняго на всю сумму берегаемых расходов по перевозкѣ и тѣм выше будут доходы с данного участка.

Таким образом, в силу различной отдаленности различных участков от мѣста сбыта, цѣна продукта в различных пунктах его производства будет различна, и столь же различны будут денежные доходы с участков. На границѣ той области, с которой сельскохозяйственный продукт подвозится к данному мѣсту сбыта, денежный доход с земельного участка будет, как сказано, только покрывать, с обычной прибылью, расходы производства продукта; на всѣх ближе лежащих участках денежные доходы превысят этот уровень, возникнут добавочные денежные доходы с земельных участков, тѣм болѣе значительные, чѣм ближе данный участок к мѣсту сбыта. Доходы эти составляют земельную ренту землевладѣльцев, которая будет равняться в каждом отдѣльном случаѣ разницѣ между денежным доходом с данного участка и денежным доходом с участка, наиболѣе отдаленнаго изъ всѣх, с которых продукты доставляются к данному мѣсту сбыта.

И в этом случаѣ причиной возникновенія земельной ренты являются естественныя различія земельных участков по их положенію в пространствѣ, — участки, ближе лежащіе к мѣсту сбыта, дают соотвѣтственно большую ренту. По этой причинѣ пригородныя земли дают очень высокую ренту, а земля, очень отдаленная от мѣста сбыта (напр., Уссурійскій край), не дает никакой ренты, даже если она чрезвычайно плодородна.

Таким образом, первым источником возникновенія земельной ренты являются различія земельных участков по их положенію в пространствѣ. Вторым источником земельной ренты в области земледѣлія является обусловленная естественными причинами падающая производительность земледѣльческаго труда.

Сущность закона падающей производительности земледѣльческаго труда заключается в том, что если увеличивать приложеніе труда к земледѣлію, то, за извѣстным предѣлом, каждая послѣдующая

шая затрата будет все менѣе производительной, будет давать все меньше продукта.

Пусть, напр., первая единица труда, приложеннаго к обработкѣ даннаго участка земли, дает 6 единиц продукта; вторая единица труда, приложеннаго к обработкѣ того же участка, может дать, допустим, не 6, а 8 единиц продукта; третья единица труда может дать, положим, 10 единиц продукта. Но рано или поздно будет достигнут предѣл, за которым каждая послѣдующая затрата труда будет давать все меньшее увеличеніе продукта. Если этот предѣл достигается, допустим, на 3-й единицѣ труда, то 4-я единица труда дает, допустим, не 10, а 8 единиц продукта, 5-я единица—6 единиц продукта, 6-я—4 единицы и т. д., пока, наконец, не будет достигнут абсолютный предѣл, за которым никакое увеличеніе приложенія труда не будет в силах вызвать увеличеніе продукта.

Допустим теперь, что, по условіям рынка, требуется с даннаго участка 42 единицы продукта. Для производства этого количества продуктов требуется затрата шести единиц труда, производительность которых выразится цифрами: $6+8+10+8+6+4$. Цѣна продукта должна быть такова, чтобы окупалась послѣдняя, наименѣе производительная затрата труда, ибо только в этом случаѣ будет выгодно производить эту затрату. Значит, цѣна единицы продукта должна соответствовать трудовой стоимости в $\frac{1}{4}$ (так как в послѣднюю единицу труда произведено 4 единицы продукта). Если всѣ 42 единицы продукта будут проданы по этой цѣнѣ, то их общая цѣна будет соответствовать трудовым единицам $42 \times \frac{1}{4} = 10\frac{1}{2}$. Между тѣм, дѣйствительная затрата труда производства этих 42 единиц продукта равна, по предположенію, только 6 единицам труда. Продукт будет продан, слѣдовательно, по цѣнѣ значительно высшей сравнительно с той, которая соответствовала бы сдѣланной трудовой затратѣ. Это превышеніе цѣны продукта образует избыточный доход, поступающій в распоряженіе землевладѣльца, образует его земельную ренту. Очевидно, земельная рента в этом случаѣ будет тѣм выше, чѣм больше единиц труда прилагается к землѣ, чѣм тщательнѣе обработка земли.

Источником возникновенія ренты являются в этом случаѣ различія производительности послѣдовательных затрат земледѣльческаго труда—то обстоятельство, что производительность труда в области земледѣлія, за извѣстным предѣлом, падает по мѣрѣ увеличенія приложенія труда к одному и тому же участку почвы.

Наконец, третьим источником возникновенія земельной ренты являются различія плодородія различных земельных участков. Болѣе плодородные земельные участки дают болѣе доход, чѣм менѣе плодородные,—и этот добавочный доход

болѣе плодородныхъ участковъ образуетъ собой земельную ренту собственниковъ этихъ участковъ.

Итакъ, существуютъ три основныхъ источника земельной ренты: естественныя различія земельныхъ участковъ по ихъ положенію въ пространствѣ, естественныя различія производительности послѣдовательныхъ затратъ земледѣльческаго труда и различія естественнаго плодородія земельныхъ участковъ. Въ силу всѣхъ этихъ естественныхъ, неустрашимыхъ и устойчивыхъ различій производительности труда въ различныхъ пунктахъ производства, возникаетъ особый видъ общественнаго дохода—земельная рента, поступающая собственнику земли. Нетрудовой характеръ этого дохода выступаетъ съ еще болѣею ясностью, чѣмъ нетрудовой характеръ прибыли, ибо капиталъ все-же продуктъ труда, а земля не создана человѣкомъ, и, слѣдовательно, собственникъ ея, извлекающій изъ обладанія землею доходъ (уплачиваемый другими членами общества), никакихъ трудовыхъ основаній для оправданія своего дохода привести не можетъ. Земельная рента есть дань, платимая обществомъ землевладѣльцу, который, какъ таковой, никакого участія въ созданіи своего дохода не принимаетъ.

Земельная рента тѣмъ существенно отличается, по своимъ размѣрамъ, отъ арендной платы, что въ составъ арендной платы входитъ, обыкновенно, не только рента, но и плата за пользованіе капиталами, принадлежащими землевладѣльцу,—напр., плата за пользованіе постройками, иногда живымъ или мертвымъ инвентаремъ землевладѣльца и т. п. Земельная же рента есть плата только за устойчивыя, полезныя свойства земли. Высота земельной ренты опредѣляется, какъ видно изъ сказаннаго, разницей между производительностью труда въ данномъ пунктѣ производства и производительностью труда въ предѣльномъ пунктѣ производства, гдѣ производство не даетъ никакого избыточнаго дохода и только возстановляетъ, съ обычной прибылью, затраченный капиталъ. Эта разница и составляетъ земельную ренту, которую можно назвать рентою различія, такъ какъ рента въ этомъ случаѣ опредѣляется различіями производительности труда въ разныхъ пунктахъ производства, въ зависимости отъ естественныхъ различій, и въ предѣльномъ пунктѣ производства опускается до нуля.

Земельная рента должна быть тѣмъ выше, чѣмъ болѣе разница между производительностью труда въ данномъ пунктѣ и въ предѣльномъ пунктѣ производства. Чѣмъ менѣе плодородныя участки земли поступаютъ въ обработку, чѣмъ тщательнѣе обработка земли (чѣмъ болѣе труда прилагается къ ея обработкѣ), чѣмъ съ болѣе далекихъ разстояній приходится подвозить хлѣбъ для нуждъ даннаго потребительнаго центра, тѣмъ выше земельная рента и тѣмъ болѣею долю всего общественнаго дохода (при прочихъ равныхъ условіяхъ) она составляетъ.

В первой половинѣ 19 вѣка большинство экономистов думало, что естественное движеніе земельной ренты заключается в ея непрерывном повышеніи по мѣрѣ роста населенія. И дѣйствительно, за три первыя четверти 19 вѣка в Западной Европѣ произошло огромное повышеніе земельной ренты.

Так, напр., в Англіи, по приблизительному подсчету, сельскохозяйственная рента измѣнялась слѣдующим образом:

	Общая сумма сельскохозяйственной ренты.
В 1798 г.	65 мил. рублей.
„ 1860 „	430 „ „
„ 1872 „	490 „ „

Но затѣм послѣдовало в Англіи и, вообще, в Западной Европѣ значительное паденіе сельскохозяйственной ренты на 15—20 и болѣе процентов. Причиной этого паденія было пониженіе цѣны хлѣба, под влияніем удешевленія стоимости провоза и наплыва в центральную Европу дешеваго хлѣба из Америки, Россіи, Индіи и других стран с обиліем земли. Два десятилѣтія, от половины 70-х до половины 90-х годов, были временем значительнаго пониженія сельскохозяйственной ренты. Затѣм паденіе цѣны хлѣба и сельскохозяйственной ренты приостановилось, и так как запас дѣвственных земель, пригодных для культуры пшеницы и других хлѣбов, быстро истощается, а населеніе повсемѣстно быстро растет, то послѣдовало новое значительное повышеніе хлѣбных цѣн и земледѣльческой ренты.

Что касается ренты городских земель, то она непрерывно и быстро растет в теченіе всего 19 вѣка. В городах, населеніе которых быстро увеличивается, рост городской ренты прямо колоссален,—за десятки лѣтъ рента выросла в десятки раз.

VIII.

Все сказанное относится к капиталистической рентѣ, т. е. рентѣ, получаемой землевладѣльцем при капиталистической обработкѣ земли. Земельная рента, в этом смыслѣ, есть избыточный доход землевладѣльца, остающійся за покрытіем, с обычной прибылью в пользу капиталистическаго предпринимателя, всѣх издержек земледѣльческаго производства. В наиболѣе чистом видѣ такая капиталистическая земельная рента выступает при отдачѣ земли в аренду капиталисту, как это, напр., практикуется в Англіи. Земельная рента есть та часть арендной платы такого фермера, которая уплачивается за самую землю, а не за постройки и другой капитал землевладѣльца.

Однако, аренда далеко не всегда имѣет капиталистическій характер. Если арендатором является трудовой земледѣлец, арендующій

землю не для прибыли, а для собственного пропитанія, то высота его арендной платы опредѣляется существенно иными условіями. А именно, арендная плата при не капиталистической, продовольственной арендѣ может подыматься значительно выше капиталистической ренты. Так как арендатор в этом случаѣ арендует отнюдь не ради полученія прибыли, то естественно, что арендная плата может поглощать прибыль на земледѣльческій капитал. Но этого мало. Если нужда мелкаго арендатора в землѣ очень велика, то арендная плата за землю может поглотить значительную часть его заработной платы. Арендатор может урѣзывать оплату своего труда, лишь бы получить в аренду участок земли, без котораго он не может обойтись. Особенно тяжелы условія продовольственной аренды в том случаѣ, когда арендатор лишен своей земли или имѣет ея недостаточно для своего пропитанія и в то же время лишен возможности найти другой заработок, кромѣ аренды земли. Странами продовольственной аренды являлись, напр., Россія и Ирландія.

Малоземелье приводило к необходимости для русскаго и украинскаго крестьянина арендовать помѣщичью землю; а так как наше земледѣльческое населеніе быстро растет и отливает ему из деревни некуда, то естественно, что нужда в землѣ чувствовалась все острѣе и острѣе. Капиталистическая аренда является у нас исключеніем; преобладающій тип — аренда крестьянина для продовольственных цѣлей, так-называемая продовольственная аренда. Высота арендных цѣн при продовольственной арендѣ опредѣляется, как сказано, не чистой доходностью сельскохозяйственнаго предпріятія на данном участкѣ земли, а степенью нужды в землѣ со стороны арендатора-земледѣльца. Чѣм гуще земледѣльческое населеніе, тѣм больше и спрос на землю со стороны земледѣльца, а, слѣдовательно, тѣм выше может быть поднята и арендная плата. Повышеніе арендной платы вызывается в этом случаѣ не увеличеніем интенсивности земледѣльческаго хозяйства и не улучшеніем условій сбыта земледѣльческих продуктов, а ухудшеніем положенія арендатора-земледѣльца, принужденнаго довольствоваться меньшей долей вырабатываемаго им продукта.

При освобожденіи крестьян крестьянскій надѣл, вообще, был урѣзан, но особенно были урѣзаны выгоны и сѣнокосы. Между тѣм, эти угоды были безусловно необходимы крестьянину для того, чтобы он мог вести свое земледѣльческое хозяйство; он принужден был, поэтому, во что бы то ни стало арендовать названные угоды, если он их был лишен, у своего бывшаго помѣщика. Зависимость крестьянина от помѣщика еще нерѣдко увеличивалась тѣм, что крестьянскіе надѣлы были сплошь и рядом расположены очень неудобно относительно частновладѣльческих земель. Помѣщичья земля, напр.,

врѣзывалась клином в крестьянскую, дѣлила ее на части, помѣщалась в центрѣ крестьянских надѣлов, отрѣзывала их от рѣки или дороги. В подобных случаях крестьяне волей-неволей должны были арендовать „отрѣзы“ помѣщичьей земли, мѣшавшіе им вести хозяйство.

На ростѣ крестьянскаго малоземелья, крестьянской бѣдности и нищеты основывается рост арендной платы при продовольственной арендѣ.

Глава XI.

Рабочіе союзы.

I.

Рабочим союзом называется такое общество рабочих, которое ставит себѣ цѣлью защиту интересов рабочих, как продавцов своей рабочей силы. Поэтому рабочіе союзы по необходимости являются боевыми обществами,—они ведут борьбу с нанимателями труда, предпринимателями. Кромѣ этой главной цѣли, рабочіе союзы обыкновенно преслѣдуют и цѣли взаимопомощи при разнаго рода несчастьях, угрожающих рабочему, напр., пособия при болѣзни, на случай смерти, неспособности к труду и т. п. Но существенными для рабочаго союза, как такового, являются лишь цѣли перваго рода, и этим он отличается от простого общества взаимопомощи рабочих, которое преслѣдует лишь цѣли взаимопомощи, а не борьбы с нанимателями труда.

Что касается исторіи рабочих союзов, то она распадается, прежде всего, на два періода. Первые рабочія организаціи выросли в своеобразной экономической и социальной обстановкѣ средневѣковой городской промышленности в період ея начинавшагося упадка. С 14 и 15 вѣков наблюдается медленное перерожденіе цехового ремесла в домашнюю систему крупной промышленности. В связи с этим возникает борьба между цеховыми мастерами и подмастерьями; послѣдніе обособляются в особый класс и объединяются в общества подмастерьев для защиты своих интересов, как наемных рабочих. Общества подмастерьев достигли в 15 и 16 вѣках значительнаго развитія; борьба их с мастерами была настолько успѣшна, что общественная власть, бывшая, в значительной мѣрѣ, в руках мастеров, принимала самыя суровыя мѣры к тому, чтобы воспрепятствовать развитію этих организацій. Наибольшаго развитія общества подмастерьев достигли в 16 вѣкѣ; затѣм они начинают клониться к упадку под вліяніем все болѣе быстраго разложенія цехового строя, на основѣ котораго они возникли. В падавших промыслах наемный рабочій не мог с успѣхом развивать свою профессиональную организацію.

Новая эпоха развитія рабочих союзов начинается с 18 вѣка и начинается, во многих случаях, совершенно заново; так, напр., в Англии никакой связи между новыми союзами рабочих и старыми обществами подмастерьев замѣтить нельзя. Отличіе старых и новых союзов заключалось в том, что старые союзы возникли в падавшей формѣ промышленности,—цеховом ремеслѣ, а новые в развивающемся капиталистическом производствѣ. В теченіе всего 18 вѣка, по мѣрѣ роста капиталистическаго производства (которое в это время имѣло характер домашней системы крупной промышленности), в Англии растут и рабочіе союзы. Гдѣ продолжала господствовать мелкая промышленность, там рабочих союзов не замѣчалось.

Исторію англійскаго трэд-юніонизма в 19 вѣкѣ *) можно раздѣлить на 4 періода. Первый період, охватывавшій первыя десятилѣтія закончившагося вѣка, характеризовался тѣм, что рабочіе стремились бороться не только с капиталистами, но и с новыми формами промышленности, с самым капиталистическим способом производства, как таковым. Рабочіе стремятся возстановить уже отжившее законодательство, опредѣлявшее условія труда, и, вообще, не понимают смысла происшедшей экономической революціи. Еще в 1826 г. произошло движеніе ручных ткачей против ткацких фабрик, причем цѣлый ряд фабрик был разрушен. Но это движеніе уже было послѣдним в своем родѣ.

Второй період охватывает собой революціонное время 30-х и 40-х годов. В 1824 г. были отмѣнены законы 1799 г., запрещавшіе, по политическим соображеніям, рабочіе союзы. Хотя это запрещеніе и не могло остановить роста рабочих союзов, тѣм не менѣе оно было очень тягостно для рабочих и тормозило рост этих организацій. Свобода устройства союзов повела к быстрому увеличенію числа их членов, причем рабочее движеніе двух послѣдующих десятилѣтій приняло весьма своеобразный характер. Это было время революціонных движеній в Англии, причем рабочій класс был под вліяніем, с одной стороны, политическаго радикализма (чартизм), с другой—соціализма (оуэнизм).

Среди рабочих распространяется взгляд, что конечной цѣлью рабочих организацій должно быть созданіе такого порядка, при котором данная организація могла бы руководить хозяйственными предприятиями соотвѣтствующаго рода, иначе говоря, стать собственником средств производства: союзы бумагопрядильщиков должны стать хозяевами бумагопрядильных фабрик, союзы ткачей—ткацких фабрик, союзы рудокопов—рудников и т. д. Это станет возможным, когда вся масса рабочаго класса об'единится в один національный союз, под-

*) Трэд-юніон—рабочій союз.

раздѣляющійся на отдѣлы соотвѣтственно родам общественнаго труда. Оуэну удалось достигнуть образованія „Великаго Національнаго Об'единительнаго Рабочаго Союза“, который насчитывал около полу-милліона членов. Но организація эта оказалась крайне непрочной и рухнула в том же 1834 г., когда и возникла. Однако, несмотря на это крушеніе, идеи Оуэна наложили глубокій отпечаток на все рабочее движеніе Англіи 30-х и 40-х годов.

С начала 50-х годов прошлаго вѣка в исторіи англійскаго рабочаго движенія начинается новая эпоха, продолжавшаяся, приблизительно, до половины 80-х годов. Рабочіе союзы развивались; однако, они не захватывали широких масс рабочих и были дѣлом исключительно высших слоев рабочаго населенія, представителей так-называемаго искуснаго труда. В союзах получили особенное развитіе операціи взаимопомощи—помощь при болѣзнях, безработицѣ, на случай смерти и т. д. Но именно в силу того, что союзы скопили в своих руках очень значительные капиталы, они утратили свою прежнюю революціонную энергію, стали менѣ склонны к наступательным дѣйствіям против капиталистическаго класса. Пренія увлеченія социализмом Оуэна прошли, и англійскіе трэд-юніоны прониклись совершенно другим отношеніем к капиталистическому обществу—усвоили в большей или меньшей степени идеалы буржуазнаго либерализма. Фабричное законодательство встрѣчало поддержку с их стороны лишь постольку, поскольку оно распространялось на дѣтей, несовершеннолѣтних и женщин; но союзы были рѣшительно враждебны установленію государством продолжительности труда взрослых мужчин.

В 80-е годы в исторіи англійскаго трэд-юніонизма слѣдует новый поворот. 50-е и 60-е годы были временем наибольшаго расцвѣта англійской промышленности. Фабрика окончательно побѣдила, и Англія становится страной крупнаго капитала, который в других странах еще не достиг такого же развитія, благодаря чему Англія быстро завоевывает міровой рынок, пользуясь наступившим в большей части важнѣйших государств пониженіем покровительственных пошлин. Ко времени 80-х годов положеніе, однако, рѣзко измѣняется; капитализм во всем мірѣ дѣлает огромные успѣхи, у Англіи появляются все болѣе опасные соперники в лицѣ Америки и Германіи, и даже на Востокѣ, в Индіи и Японіи, растет фабричное производство. Новый поворот к высоким покровительственным пошлинам закрывает для англійской промышленности многіе рынки, и англійская промышленность начинает развиваться значительно медленнѣе. Чтобы удержаться на прежнем уровнѣ и даже подвигаться вперед, рабочій класс Англіи должен был значительно усилить энергію своей классовой борьбы. Начинается возврат к социалистическим идеалам, так глубоко захватывавшим англійскаго рабочаго в 30-е и 40-е годы. Наступает новая ре-

волюціонная эпоха англійскаго рабочаго движенія, и возникает так-называемый новый трэд-юніонизм, в нѣкоторых отношеніях напоминающій трэд-юніонизм 30-х и 40-х годов.

Старые трэд-юніоны, надѣявшіеся только на свои капиталы, требовали значительных взносов от своих членов. Этими взносами они пользовались для разнообразных мѣръ взаимопомощи и лишь в незначительной мѣрѣ для стачечной борьбы. Напротив, новые трэд-юніоны, охватывавшіе бѣднѣйшую часть рабочаго класса, не могут требовать значительных взносов от своих членов. Их денежныя средства незначительны, и потому союзы не могут тратить эти средства на дѣла взаимопомощи,—главным назначеніем их средств является поддержка рабочих во время стачек. Денежныя средства союза образуют собой, таким образом, стачечный фонд. Въмѣстѣ с тѣм, в силу своей денежной слабости, новые трэд-юніоны не только не враждебны началу государственнаго вмѣшательства в условія рабочаго договора, но горячо отстаивают это начало. Они на сторонѣ законодательнаго установленія 8-часоваго рабочаго дня и болѣе или менѣе склоняются к социализму.

Однако, успѣхи новаго трэд-юніонизма оказались довольно переходящими. Факты показали, что трэд-юніоны новаго типа так же легко распадаются, как и возникают. И теперь, как и раньше, в англійском рабочем движеніи руководящую роль играют трэд-юніоны стараго типа, начинающіе, правда, проникаться за послѣднее время новым духом, как свидѣтельствуют социалистическія резолюціи на конгрессах трэд-юніонов и образованіе особой политической рабочей партіи, являющейся партіей умѣреннаго социализма.

Трэд-юніоны (стараго типа) преслѣдуют двѣ основных задачи: во-первых, защиту рабочаго, как продавца своей рабочей силы, и, во-вторых, различныя операціи взаимопомощи—страхованіе рабочих на случай смерти, болѣзни, неспособности к труду. От общества взаимопомощи рабочих трэд-юніон, как сказано, отличается тѣм, что он всегда преслѣдует и задачи перваго рода.

Помощь рабочим в случаѣ болѣзни, семьѣ рабочаго в случаѣ его смерти и т. п. не составляет задачи трэд-юніона, как такового. Но среди его мѣръ взаимопомощи есть одна, которая является, вмѣстѣ с тѣм, и средством борьбы с предпринимателями—помощь безработным. Когда трэд-юніоны оказывают помощь своим больным членам, они помогают только потерпѣвшим; при помощи же безработным они оказывают поддержку не только потерпѣвшим, но и тѣм, кто имѣет работу, ибо, избавляя рабочаго от опасности очутиться на улицѣ без всяких средств к существованію, они этим самым усиливают позицію рабочаго в борьбѣ с предпринимателем за лучшія условія труда. Ино-

гда помощь отдѣльным безработным по своим результатам для рабочих равняется стачкѣ.

Основная задача всякаго рабочаго союза—противопоставить капиталисту организованнаго рабочаго. Союз стремится к тому, чтобы отдѣльнаго рабочаго, как договаривающейся стороны, при рабочем договорѣ совсѣм не было,—его мѣсто заступает группа рабочих той же профессіи, имѣющая возможность отстоять болѣе выгодныя условія договора. Таким образом, благодаря рабочим союзам отдѣльный рабочий договор замѣняется коллективным рабочим договором. Интересы отдѣльнаго рабочаго защищаются общими силами болѣе или менѣе обширной рабочей группы.

Крайней угрозой рабочаго союза является угроза стачкой—общим отказом рабочих от работ. Для успѣха в стачкѣ рабочіе должны имѣть возможность существовать во время стачки, не продавая своей рабочей силы. Так как сбереженія рабочих очень ограничены, то без помощи со стороны они не могут бастовать сколько-нибудь продолжительное время. Значеніе рабочих союзов в том, главным образом, и заключается, что рабочий союз доставляет рабочим средства к существованію во время забастовки.

Для рабочаго стачка—время тяжелых лишеній, так как помощь рабочаго союза не может быть значительной. Но и фабриканту стачка приносит крупные убытки. Дѣятельность предпріятія приостанавливается, значит, прекращается и поступленіе доходов, но очень многіе расходы (по содержанію и ремонту зданій и машин, уплата процентов на занятый капитал, платеж арендной платы, уплата налогов, жалованіе разным должностным лицам и пр.) остаются прежними. Кромѣ того, разстраивается весь план хозяйственнаго предпріятія, не выполняются своевременно взятые на себя поставки, упускаются новые заказы. Замѣна одних рабочих другими, даже если она возможна, всегда приводит к извѣстному разстройству производства. Поэтому даже непродолжительная стачка легко может поглотить всю годовую прибыль предпринимателя.

Особенно убыточна стачка для капиталиста в період промышленнаго подъема, когда предприниматель стремится расширить производство и воспользоваться выгодными цѣнами, стоящими на рынкѣ обычно очень недолго. Прекращеніе производства в этот момент может повести к передачѣ заказов соперничающим предпріятіям и совершенно разорить предпринимателя. Во время застоя промышленности стачка менѣе страшна предпринимателю, но все-же может приносить ему крупные убытки, если прекращеніе производства происходит не в то время, которое он признает для этого наиболѣе удобным.

Во время промышленнаго подъема стачки обыкновенно имѣют наступательный характер,—рабочіе требуют измѣненія в своих интере-

сах прежних условий рабочего договора. Если бы не стачки или угроза ими, то капиталист не имѣл бы никакого основанія повышать заработную плату при промышленном подъемѣ и всѣ выгоды подъема доставались бы всецѣло капиталисту. Но стачка или угроза ею заставляет капиталиста дѣлиться частью своих барышей с рабочими. Стачки в этом періодѣ обычно имѣют успѣх, и капиталист нерѣдко уступает требованіям рабочих без всякой серьезной борьбы.

Напротив, во время промышленнаго застоя преобладают оборонительныя стачки,—капиталист стремится понизить заработную плату, и рабочіе устраивают стачку, чтобы помѣшать этому пониженію. Оборонительныя стачки обыкновенно проигрываются рабочими. Однако, даже неудавшаяся стачка может имѣть то значеніе, что она составляет угрозу предпринимателю и является препятствіем для пониженія заработной платы. Если бы не опасеніе перед стачками, то предприниматель понижал бы заработную плату при всяком паденіи цѣны продукта.

Стачки представляют собой чрезвычайно убыточную форму социальной борьбы, от которой тяжело страдают обѣ борющіяся стороны. Убытки от продолжительных стачек, охватывающих сотни тысяч рабочих, считаются в сотни миллионов рублей. Однако, стачки коренятся в самом существѣ условий капиталистическаго найма рабочих. Стачка, как уже было указано, представляет собой самое дѣйствительное оружіе в борьбѣ труда с капиталом, а так как условия рабочего договора устанавливаются, в концѣ концов, относительной социальной силой борющихся сторон, то стачки не могут прекратиться, пока общество не возьмет в свои руки установленія условий найма рабочих (как это имѣет мѣсто в нѣкоторых австралійских колоніях).

Но как все общество, так и самоборющіяся стороны заинтересованы в том, чтобы стачка примѣнялась как можно рѣже. И дѣйствительно, мы видим, что, по мѣрѣ роста организованности рабочего класса и его большей сознательности, стачки становятся относительно рѣже, хотя в случаѣ своего возникновенія отличаются большим упорством и продолжительностью. Угроза стачкой замѣняет дѣйствительную стачку,—и рабочіе и капиталисты одинаково заинтересованы в том, чтобы заранѣе учесть силы противника и не доводить дѣло до стачки, не имѣя увѣренности в побѣдѣ. Хорошо организованный союз рабочих всегда старается не доводить дѣло до стачки и побудить хозяев к уступкам без этого крайняго средства экономической борьбы. Факты западно-европейской жизни показывают, что развитіе рабочих союзов ведет не к умноженію, а к уменьшенію числа стачек,—союз не станет легкомысленно вызывать стачек, которыя тяжело ложатся на его кассу, ибо содержаніе стачечников черпается из нея.

Стачкѣ рабочих хозяева могут противопоставить локаут—прекращение работы в цѣломъ рядѣ предприятий, принадлежащих хозяевам, заключившим соглашеніе. Если, напримѣр, происходит стачка на одной фабрикѣ и рабочіе других фабрик поддерживают стачечников, то путем локаута фабриканты могут лишить возможности рабочих, имѣющих занятіе, поддерживать своих товарищей, прекративших работу. За послѣднее время, благодаря быстро растущим организаціям капиталистическаго класса, локауты становятся обычным орудіем борьбы капиталистов с рабочими.

Цѣлям мирнаго улаживанія конфликтов труда и капитала служат различным образом организуемые третейскіе суды, состоящіе из представителей хозяев и рабочих. Слабая сторона, однако, таких третейских судов заключается в том, что для всякаго третейскаго суда требуется извѣстное правовое основаніе. Такого правового основанія для рѣшенія спора между хозяевами и рабочими нѣтъ, так как обѣ стороны одинаково защищают свои противоположные экономическіе интересы, и чей интерес побѣдит,—это рѣшается, в концѣ концов, силой.

Однако, кромѣ разрѣшенія спора о новых условіях рабочаго договора, между рабочими и хозяевами нерѣдко возникают споры об истолкованіи уже принятых, старых условій рабочаго договора. В таком случаѣ правовое основаніе для третейскаго разбирательства есть, и третейскій суд оказывается осуществимым. Практика англійских трэд-юніонов выработала очень совершенныя организаціи таких третейских судов, состоящих из экспертов, выбираемых обѣими спорящими сторонами — как рабочими, так и капиталистами; эти эксперты имѣют полную возможность наилучшим образом разрѣшить спор об истолкованіи уже состоявшагося соглашенія рабочих с хозяевами. Но, конечно, если одна из сторон желает это соглашеніе нарушить, то, в таком случаѣ, третейскій суд теряет свое значеніе, и спор рѣшается силой.

Таковы приемы и средства борьбы рабочих союзов. Цѣли рабочих союзов заключаются в поднятій благосостоянія рабочаго класса—сокращеніи рабочаго дня, повышеніи заработной платы, вообще улучшенія условій труда. Чѣм болѣе сплочены рабочіе, чѣм болѣе они объединены в одно цѣлое, тѣм они экономически сильнѣе по отношенію к капиталистам и тѣм большую долю своего трудового продукта они могут отстоять в борьбѣ с послѣдними. Улучшеніе экономического положенія рабочаго класса Англій во второй половинѣ 19 вѣка, несомнѣнно, вызвано, в весьма значительной степени, трэд-юніонами, которые, хотя охватывают, сравнительно, незначительную часть рабочаго класса всей страны (около $\frac{1}{4}$ взрослых рабочих мужчин), но опредѣляют условія труда и остальной, неорганизованной части

рабочих и, таким образом, могущественным образом содѣйствуют общему подъему рабочаго класса. К концу 1911 г. в Англіи считалось 3.010.346 членов рабочих союзов.

В Германіи рабочее движеніе шло обратным путем, сравнительно с Англіей. В Англіи политическая партія рабочих возникла недавно на основѣ мощнаго развитія рабочих союзов. В Германіи же политическая партія рабочих—соціал-демократическая партія рабочих—существует уже болѣе 40 лѣтъ, а профессиональные рабочіе союзы приобрѣли большое значеніе лишь в послѣднее десятилѣтіе. Соціал-демократія долгое время относилась к рабочим союзам вполне равнодушно. Германскіе законы также очень затрудняли рост рабочих союзов,—до сих пор Германія не знает полной свободы рабочих союзов. Все это тормозило рост союзов, число членов которых в началѣ 90-х годов не превышало 300 тысяч. Затѣм начинается быстрый рост союзов, и в 1911 г. число членов достигло 3.061.002.

Германскіе рабочіе союзы слагаются в нѣсколько особых организаций. Самой старой организацией является организация Гирш-Дункеровских союзов, основанных либеральными дѣятелями Гиршем и Дункером с цѣлью создать противовѣс в рабочем классѣ соціал-демократіи. Союзы эти и до настоящаго времени относятся враждебно к соціал-демократической партіи. Число членов их почти неподвижно и немногим превышает 100 тысяч. В 90-х годах закончившагося вѣка возникли различнаго рода христіанскіе (католическіе и протестантскіе) рабочіе союзы, число членов которых в 1912 г. достигло 350.930. Но главная масса рабочих принадлежит к соціал-демократическим рабочим союзам (число членов которых в 1912 году достигло 2.559.761).

Союзы эти, хотя члены их частью принадлежат к соціал-демократической партіи, частью сочувствуют ей, представляют собой организации, совершенно независимыя от партіи. Германская соціал-демократія твердо стоит на том принципѣ, что рабочіе союзы их должны быть связаны с партіей, так как это дает возможность объединенія в союзах рабочих различных политических партій. Однако на практикѣ германскіе рабочіе союзы, все имѣют ту или иную партійную окраску.

В Германских рабочих союзах операціи взаимопомощи развиты, вообще, гораздо слабѣе, чѣм в англійских,—отчасти потому, что в Германіи нѣкоторыя из этих операцій исполняются органами государства (принудительное страхованіе от болѣзней, несчастных случаев, инвалидности и старости). Но за послѣднее время, по мѣрѣ роста союзов, стали развиваться и операціи взаимопомощи. Соціал-демократическіе союзы, охватывающіе собой значительное большинство организованных рабочих Германіи, приобретают все больше и больше вліянія на рабочій класс Германіи. Представляя собой организацию,

независимую от социал-демократической партии, они преследуют более умеренную политику и, вообще, стоят по своей тактике правее партии. На этой почве между ними и партией возникало за последнее время не мало столкновений, разрешавшихся путем взаимных уступок и компромиссов.

II.

Весьма любопытные и своеобразные формы имеет рабочее движение Франции, идущее под флагом так называемого революционного синдикализма.

Французское рабочее движение развивалось в совершенно иных условиях, чем германское и английское. Крушение Коммуны в 1871 г. нанесло тяжелый удар французскому социализму; социалистическое движение должно было во Франции начаться заново, причем единственными социалистическими рабочими организациями, пережившими во Франции кризис Коммуны, были некоторые профессиональные рабочие союзы.

Геду, вождю французских социалистов марксистского направления и его друзьям удалось в 1879 году организовать на основе объединившихся рабочих союзов (синдикатов) политическую социалистическую партию. Партия эта пыталась стать во главе французских синдикатов и с этой целью в 1886 г. основала „Национальную федерацию синдикатов“. Однако, синдикаты очень скоро разошлись с партией, благодаря тому, что она усматривала в них лишь орудие для своих политических целей.

В том же 1886 г. в Париже возникло новое рабочее учреждение, которому было суждено явиться образцом для учреждений подобного рода во всей Франции и сыграть очень крупную роль во французском рабочем движении—„Биржа труда“. Французские биржи труда являются весьма интересными и своеобразными учреждениями. Их основной задачей является посредничество между спросом и предложением труда, содействие тому, чтобы рабочие могли находить на наиболее выгодных условиях покупателей своей рабочей силы. Для этого биржи труда ведут детальную статистику спроса на труд и предложения его, оказывают разнообразную помощь ищущим работы, выдают рабочим пособия на путевые издержки, вообще принимают всевозможные меры к облегчению нахождения рабочими занятия. Но, понятно, все это выполнимо лишь в том случае, если биржа находится в живой связи с рабочими союзами, объединяющим центром которых она и стремится стать. Вместе с тем, биржа выполняет целый ряд других, второстепенных дел—организует профессиональное обучение рабочих, промышленные музеи, библиотеки, специальные курсы и лекции для рабочих и т. п. Поддерживая связи и с коопе-

ративными организаціями, биржа труда стремится стать связующим звеном всѣх разнообразных учреждений, преслѣдующих цѣли улучшения положенія рабочаго класса.

Биржи труда имѣли во Франціи большой успѣх и их считалось во всей странѣ перед войной около 150. К ним примыкает множество рабочих союзов, число членов которых доходит до 350 тыс. (т. е. около трети всего числа членов рабочих союзов Франціи, достигавшаго в 1911 г. 1.029,283 чел.). Успѣх этот объясняется, главным образом, тѣм, что во французских рабочих союзах очень слабо развиты операціи взаимопомощи. Исполненіе нѣкоторых из этих операцій и взяли на себя биржи труда, которыя и явились поэтому необходимым дополненіем рабочих союзов. В Англіи почти всѣ эти операціи исполняются трэд-юніонами.

В 1892 г. на конгрессѣ бирж труда в Сент-Этьеннѣ была основана „Національная федерація бирж труда“, стоявшая на вполне социалистической почвѣ, не относившаяся с рѣзким отрицаніем к стремленію Геда и его партіи подчинить экономическую борьбу рабочих с капиталистами политической борьбѣ и превратить экономическія организаціи рабочих в простой придаток к социалистической партіи. На этой почвѣ возникла ожесточенная борьба гедистской „Національной федераціи синдикатов“ и „Національной федераціи бирж труда“. Главным предметом разногласія был вопрос о всеобщей стачкѣ, которую гедисты отвергали, но в которой представители бирж труда (выражавшіе то теченіе, которое называют „революціонным синдикализмом“) усматривали могущественнѣйшее орудіе борьбы пролетаріата. На Нантском конгрессѣ 1894 г., в котором приняли участіе обѣ соперничавшія рабочія организаціи, рѣшительно побѣдило второе теченіе: огромным большинством голосов была принята резолюція, благопріятная всеобщей забастовкѣ. Послѣ Нантскаго конгресса „Національная федерація синдикатов“ приходит в упадок и лишается своих членов. Вмѣсто этой федераціи, сошедшей со сцены, возникла в 1895 году, по почину руководителей бирж труда, новая организація— „Всеобщая конфедерація труда“, включившая в себя в 1902 г. и „Національную федерацію бирж труда“. В настоящее время она является центром, объединяющим все французское профессиональное рабочее движеніе социалистическаго направленія.

Таким образом, французское социалистическое движеніе имѣет в настоящее время два центра: с одной стороны, объединенную социалистическую партію, для которой политическая борьба стоит на первом планѣ, а, с другой стороны, экономическую организацію рабочаго класса,— „Всеобщую конфедерацію труда“, которая на первый план выдвигает экономическую борьбу.

Французскій революціонный синдикализм сложился в цѣлое своеобразное идейное теченіе, глубоко отличающееся от германскаго социализма, соотвѣтственно иному характеру французскаго рабочаго движенія. В Англіи руководящую роль в рабочем движеніи продолжают сохранять трэд-юніоны прежняго типа, соединяющіе с функціями рабочих союзов также и операціи обществ взаимопомощи; именно этим соединеніем и опредѣляется миролюбивый характер англійских трэд-юніонов, не желающих подвергать риску свои операціи взаимопомощи и крупные капиталы, которые были скоплены ими для этой цѣли. В Германіи рабочіе союзы были первоначально преимущественно боевыми организаціями; но мало-по-малу они стали расширять свои операціи взаимопомощи и в настоящее время приближаются к англійским трэд-юніонам. Соотвѣтственно этому, и общее настроеніе германских рабочих союзов стало менѣе боевым, и в настоящее время они стоят значительно правѣе социал-демократической партіи, как это обнаруживается на всѣх конгрессах партіи и союзов за послѣдніе годы. Напротив, французскіе синдикаты, входящіе в состав „Всеобщей конфедераціи труда“, стоят по своей готовности к боевым выступленіям лѣвѣе социалистической партіи. Они относятся с полным отрицаніем к парламентской борьбѣ и стремятся поднять революціонное настроеніе рабочаго класса путем непосредственной борьбы рабочих с капиталистами.

Французскій синдикализм представляет собой не только своеобразное направленіе рабочаго движенія, но и своеобразную теорію, которая выросла непосредственно из жизни. В центрѣ этой теоріи мы находим весьма любопытное представленіе о роли парламентаризма в общественной жизни. Германскій социализм свелся на практикѣ преимущественно к парламентской борьбѣ за интересы рабочаго класса. По мнѣнію же теоретиков революціоннаго синдикализма, парламентская борьба по самому существу дѣла не может ничего дать рабочему классу. Стремясь к созданію чисто классовой политической партіи, которая защищала бы его интересы в парламентѣ, пролетаріат обманывает себя мыслью, будто политическія партіи могут имѣть чисто классовой характер. Но чисто классовых партій никогда не было и не будет, по очень простой причинѣ: класс—это общность интересов, партія же—общность мнѣній. Принадлежность к этому или иному классу опредѣляется всеми условіями жизни человѣка, а принадлежность его же к той или иной партіи—только его мнѣніями. Но люди с разными экономическими интересами могут имѣть сходныя мнѣнія по цѣлому ряду вопросов: поэтому партія неизбежно переливается за предѣлы класса. И это не может не происходить, так как партія не может не включать в себя всѣх лиц, ей сочувствующих, к какому бы классу они не принадлежали.

Итак, чисто классовая партия есть внутренняя невозможность. Но этого мало. И в других отношениях политическая партия не пригодна для защиты пролетарских интересов. Всякая партия предполагает управляющих и управляемых, вождей и толпу; парламентское представительство стоит слишком далеко от массы рабочего класса, чтобы непосредственно подчиняться его контролю. Парламентская деятельность требует такого уровня образования, который недоступен обыкновенному рабочему. Поэтому управление партией естественно сосредоточивается в руках людей или совсем не имеющих ничего общего с пролетариатом и принадлежащих по своим экономическим интересам к буржуазии, или же выходцев из пролетариата, совершенно порвавших с условиями жизни пролетариата. Крупный политический деятель всегда стоит по своим условиям жизни далеко от пролетариата, даже если он в молодые годы и принадлежал к его составу.

Далее, парламент по самому своему существу не есть борьба, а сотрудничество классов. Как бы революционно ни была настроена та или иная парламентская партия, парламентская машина не может не потушить ее революционный пыл. Парламентская деятельность складывается из мелочей повседневной парламентской работы; работа эта не только не отрицает существующего общественного строя, но, напротив, укрепляет его. Принимая участие в этой повседневной парламентской работе, партия отказывается от революционного отношения к существующему обществу, и никакие революционные фразы не могут затушевать этого несомненного факта. Всякая парламентская партия должна стремиться увеличить свое влияние в парламент; это ведет к тому, что партия вступает в соглашение для тех или иных парламентских целей с другими парламентскими партиями—и, значит, вместо борьбы с буржуазными партиями, сотрудничает с ними.

Поэтому всякой парламентской партии присущ соглашательский характер, как бы она ни стремилась этого избгнуть. Вот основная причина, почему, несмотря на все стремление социал-демократии сохранить верность своему революционному знамени, несмотря на многократные осуждения реформистского социализма (т. е. такого социализма, который рассчитывает не на революцию, а на социальные реформы в пределах существующего буржуазного общества), реформистский социализм не только не уступает своих позиций, а фактически безусловно господствует во всех социалистических партиях мира.

Вот почему, несмотря на то, что социалистические партии принимают участие в парламентской деятельности уже многие десятки лет, трудно указать какие бы то ни было положительные результаты этой деятельности для рабочего класса. Парламентский социализм оказался не в силах провести ни одной серьезной меры в интересах пролетариата.

ріата и, таким образом, невозможность использовать парламент для цѣлей рабочаго класса может считаться доказанной на опытъ.

Но этого мало. Не только парламентскій социализм безплоден, как сухая смоковница, но он и положительно вреден: он питает в рабочем классѣ совершенно несбыточную мысль, как будто бы возможно достигнуть цѣлей социализма, без всяких усилий и борьбы, просто путем парламентскаго голосованія. Парламентскій социализм привел к тому, что массы перестали вѣрить в революцію и совершенно утратили революціонное настроеніе. Особенно это замѣтно в той странѣ, гдѣ парламентскій социализм получил наибольшее развитіе—в Германіи; германская социал-демократія совершенно неспособна к революціонным выступленіям при каком бы то ни было случаѣ. Это очень ярко обнаружилось, когда в „Красном королевствѣ“, Саксоніи, в которой социалистическая партія всего сильнѣе, был проведен новый избирательный закон, лишившій рабочія массы участія в выборах в ландтаг; социал-демократія подчинилась этому нарушенію народных прав без малѣйшей попытки борьбы.

При господствѣ парламентскаго социализма социалистическая дѣятельность рядового социалиста сводится только к тому, что он от времени до времени подает голос за социалистическаго депутата. Это тайное голосованіе ни к чему не обязывает и не требует никакого самопожертвованія. Рабочій привыкает к мысли, что борьба за социалистическій идеал лежит не на нем, а на его вождях, и становится равнодушен к социализму.

Никакая политическая организація, по мнѣнію синдикалистов, не пригодна для революціоннаго социализма. Единственной чисто классовой пролетарской организаціей в современном обществѣ являются рабочіе союзы, синдикаты. В противоположность политической партіи никогда не имѣющей чисто классового характера, рабочій союз, по самой своей сущности, не может включать никого, кромѣ рабочих. Опасность буржуазнаго перерожденія нисколько не грозит рабочему союзу. Рабочій союз не оторван от рабочаго класса как партія, а составляет с ним одно цѣлое. В рабочем союзѣ цѣтвуют и толпы, так как дѣла рабочаго союза непосредственно интересуют рядового рабочаго и ему совершенно доступны и понятны; жизнь рабочаго союза протекает в непосредственном взаимодействіи с массой рабочаго класса. Наконец, что самое главное, рабочій союз занят не сотрудничеством с буржуазіей, а непосредственной борьбой с ней. Поэтому не только рабочій союз есть единственная чисто классовая организація рабочаго класса, но это и единственная организація, ведущая классовую борьбу с капиталистами.

Итак, дѣйствительно классовый социализм не может быть ничѣм иным, как синдикальным социализмом. В противоположность парла-

ментарному социализму, он должен опираться не на партию, а на рабочие союзы. Соответственно этому, и методы его борьбы, его тактика должны быть совершенно иными.

Парламентарный социализм рассчитывает на законодательные меры в интересах рабочих. Синдикальный социализм не вводит в помощь парламента. Поэтому он может рассчитывать только на самопомощь рабочего класса; рабочему нечего рассчитывать на кого-либо, кроме самого себя,—он имеет лишь то, что в состоянии захватить или отстоять собственной силой. Отсюда тактика „прямого действия“, провозглашаемая революционным синдикализмом. Путем непосредственной классовой борьбы с капиталистами рабочие должны завоевать себе лучшие условия существования. Чем лучше будет их организация, чем значительнее их экономическая и социальная мощь, тем большего рабочие будут в силах достигнуть уже в пределах существующего строя.

Средства борьбы с капиталистами могут быть весьма разнообразными. Не только классическая стачка, которая признается и самыми миролюбивыми тред-юнионами, но и другие, менее распространенные способы борьбы могут пускаться в ход, например: бойкот (борьба с той или иной фирмой путем отказа от покупки товаров этой фирмы), лебелъ (покупка, по возможности, только тех товаров, на которых имеется клеймо соответствующего рабочего союза, удостоверяющего, что при производствѣ этого товара соблюдаются требованія союза), саботаж (умышленно небрежная работа или даже прямая порча товара той фирмы, с которой ведется борьба). Впрочем, саботаж защищается далеко не всеми сторонниками революционного синдикализма.

Все это—способы борьбы за улучшение положенія рабочего класса в рамках существующего строя. Но они имеют лишь подготовительное значение по отношению к окончательной борьбе, имеющей разрушить капиталистический строй и создать новый. Эта окончательная борьба возможна лишь в формѣ всеобщей стачки всей массы рабочих, всеобщаго прекращения производительной дѣятельности рабочих, что должно сдѣлать невозможным существованіе капиталистическаго общества. Эта всеобщая стачка должна сыграть роль социального крушенія, которое поглотит старый мир и приведет к переходу средств производства в руки рабочих синдикатов.

Не надѣясь ни в каком отношеніи на современное государство, синдикалисты являются его наиболее непримиримыми врагами. Но на чем основана сила государства? Прежде всего, на арміи. Поэтому одной из характеристикъ особенностей синдикализма является вражда к арміи и милитаризму.

Такова теорія и практика синдикализма. В своей критикѣ германскаго социализма синдикалисты во многих случаях совершенно правы. Так, нельзя не согласиться с их главным положеніем, что всякая политическая партія, по самой своей природѣ, не может быть только классовой организаціей, и что классовой пролетарскій характер имѣет лишь рабочій союз. Но практическія заключенія, которыя синдикалисты дѣлают из этого вполне вѣрнаго положенія, несостоятельны. Доводя до крайних выводов извѣстное утвержденіе, что освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣлом его самого, синдикалисты приходят к отрицанію партіи. На самом же дѣлѣ, слѣдовало бы прийти к выводу, что, кромѣ классовых интересов пролетаріата, социализм не может не опираться и на интересы другого порядка.

Совершенно ясно, что рабочій союз внѣ партіи не может с успѣхом бороться за социалистическую идею: рабочій союз охватывает рабочих лишь опредѣленной профессіи и ведет борьбу за ближайшіе и очень узкіе интересы рабочих этой профессіи. Поэтому рабочіе союзы, видвигая на первый план ближайшія нужды отдѣльных рабочих групп в ущерб болѣе отдаленным цѣлям всего рабочаго класса, не могут не вносить извѣстнаго разединенія в рабочій класс. Только партія объединяет широкія массы рабочих и ведет борьбу за конечныя цѣли социализма. И если французскіе синдикаты, объединенные во „Всеобщей конфедераціи труда“, оказались лѣвѣе партіи, то это объясняется лишь незрѣлостью всего рабочаго движенія Франціи. Рабочіе союзы во Франціи развиты гораздо слабѣе, чѣм в Англіи и Германіи, а революціонные синдикаты составляют лишь меньшинство французских рабочих синдикатов. Революціонность их объясняется тѣм, что они мало дѣйствуют в качествѣ синдикатов; они почти не ведут операцій взаимопомощи, располагают лишь совершенно ничтожными денежными средствами и, вообще, по своему типу приближаются к так называемым новым трэд-юніонам Англіи, которые оказались весьма нестойкими организаціями. Не имѣя что терять, они легко склоняются к боевым выступленіям. Но, будучи очень слабы на экономической почвѣ, они рѣдко достигают успѣха в своих выступленіях и легко распадаются при неуспѣхѣ. Совсѣм другое положеніе превосходно организованных и богатых денежными средствами трэд-юніонов стараго типа, продолжающих играть руководящую роль в рабочем движеніи Англіи. Эти трэд-юніоны не легко рѣшаются на боевыя выступленія, грозящія в случаѣ неудачи опустошеніем кассы союза, на которой лежат чрезвычайно серьезныя обязательства по отношенію к операціям взаимопомощи среди членов союза. С другой стороны, располагая капиталами в сотни и миллионы рублей, такой трэд-юніон представляет собою грозную экономическую силу и в борьбѣ с предпринимателем может вполне успѣшно защищать интересы своих

членов. Сюда же направляется развитие и германских рабочих союзов и, без сомнѣнія, направится развитие и французских союзов, когда эти союзы достигнут большей силы.

Тактика французскаго синдикализма сводится к так называемому „прямому дѣйствию“—непосредственному захвату пролетаріатомъ нужныхъ ему правъ в борьбѣ с капиталистами, оставляя в сторонѣ воздѣйствіе на законодательство. Но эта борьба можетъ имѣть успѣхъ лишь при извѣстномъ положеніи рынка. При массовой безработицѣ рабочіе не могутъ путемъ стачки серьезно угрожать капиталистамъ. Что же касается другихъ приѣмовъ борьбы, то бойкотъ и лебелъ рѣдко могутъ имѣть существенное значеніе, а саботажъ есть слишкомъ опасное орудіе борьбы с точки зрѣнія интересовъ самихъ рабочихъ и отвергается многими изъ представителей синдикализма. Саботажъ не только убыточенъ для предпринимателя, но в корнѣ разрушаетъ самую возможность производства и приводитъ къ уничтоженію предпріятія, что отнюдь не в интересахъ рабочихъ.

Поэтому презрѣніе синдикалистовъ къ законодательнымъ мѣрамъ по охранѣ интересовъ труда всего менѣе обосновано. Какъ ни мало сдѣлано в этой области современнымъ государствомъ, но и это немногое чрезвычайно цѣнно для рабочаго класса. Если бы рабочій былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ в борьбѣ с предпринимателями, то его положеніе в настоящее время было бы несравненно хуже, чѣмъ оно есть в дѣйствительности. Государственная охрана интересовъ рабочаго представляетъ собой настолько существенное дополненіе къ его самоохранѣ, что отказываться отъ помощи государства—значитъ совершенно не понимать дѣйствительнаго положенія дѣл.

Наконецъ, всеобщая стачка, проповѣдуемая синдикалистами, отнюдь не можетъ быть выдвигается в противовѣс политической борьбѣ рабочаго класса. Всеобщая стачка могла бы имѣть успѣхъ лишь при наличности политической организаціи рабочихъ.

Въ общемъ, теорія синдикализма представляетъ собой любопытное соединеніе идей марксизма и анархизма. Отъ марксистовъ синдикалисты заимствовали свою классовую точку зрѣнія, доведя ее до крайняго развитія, они тѣмъ самымъ вскрыли и ея недостаточность. Отъ анархистовъ синдикалисты заимствовали свое презрѣніе къ парламентаризму и свою непримиримую вражду къ государству.

Часть вторая.

Трудовое хозяйство.

Глава I.

Крупное и мелкое производство в сельском хозяйствѣ.

I.

В промышленности трудовое хозяйство не может с успѣхом соперничать с капиталистическим хозяйством, благодаря тому, что капиталистическое хозяйство имѣет характер крупнаго производства, между тѣм, как трудовое хозяйство обычно является мелким производством, а крупное производство в промышленности гораздо сильнѣе мелкаго.

Не то мы видим в сельском хозяйствѣ—здѣсь выгоды крупнаго производства, сравнительно с мелкими, далеко не так значительны. Правда, и в сельском хозяйствѣ крупное производство имѣет свои существенныя выгоды. Так, крупныя постройки обходятся относительно дешевле, чѣм мелкія, крупныя сельскія предпріятія могут лучше использовать машины, рабочую силу рабочаго скота, менѣе теряют земли на дорогах, могут привлекать к руководительству дѣлом болѣе знающих и научно-подготовленных людей и пр. и пр.

Однако, указанным выгодам крупнаго производства в сельском хозяйствѣ противостоят и извѣстныя невыгоды: крупное капиталистическое производство (другого пока мы почти не знаем) требует наемнаго труда, а наемный рабочій не так бережно и тщательно относится к машинам и к рабочему скоту, как сам заинтересованный мелкій сельскій хозяин; точно также и в постройках мелкій сельскій хозяин может участвовать своим личным трудом и, таким образом, понижать для себя их стоимость. Правда, и в промышленности наемный рабочій не заинтересован в том, чтобы беречь средства производства. Но в сельском хозяйствѣ это обстоятельство имѣет несравненно большее значеніе, чѣм в промышленности, потому что в сельском хозяйствѣ процесс труда совершается на обширной площади и потому менѣе

допускает надзор хозяина, а с другой стороны, живой рабочей инвентарь—скот—требует особо тщательного ухода.

Самая важная выгода крупного производства в промышленности, благодаря которой фабрика побѣдила кустаря—огромное повышение производительности труда при замѣнѣ ручного труда машинным—не имѣет в области сельскаго хозяйства такого значенія потому, что сущность всякой машины сводится к замѣщенію ею человѣческаго труда, а в сельском хозяйствѣ результат производства опредѣляется в гораздо большей степени природой, которую замѣстить машиной нельзя.

Самый лучший плуг не превратит неплодородной земли в плодородную. Далѣе, в области сельскаго хозяйства машина работает в естественной обстановкѣ, и совершенное приспособленіе машины к этой обстановкѣ невозможно в силу сложности, многообразія и измѣчивости послѣдней (неправильности поверхности, случайности погоды и т. п.). Поэтому в области сельскаго хозяйства машина далеко не сыграла такой роли, как в области промышленности. Так, напримѣр, паровой плуг, от котораго многіе ожидали такого же переворота в земледѣліи, какой был произведен в промышленности изобрѣтеніем механическаго ткацкаго станка, большаго значенія в земледѣліи не получил.

Употребленіе пароваго плуга, вообще, требует извѣстных естественных условий, которыя встрѣчаются не часто; он не может примѣняться на песчаной почвѣ и в неровной, пересѣченной мѣстности.

Затѣм, в то время как на фабриках машины стоят неподвижно на одном мѣстѣ, в сельском хозяйствѣ онѣ должны, по необходимости, перемѣщаться. Поэтому машины в сельском хозяйствѣ должны быть небольшими, и, значит, малопродуктивными. Вмѣстѣ с тѣм в сельском хозяйствѣ (благодаря временности пользованія машинами) легко может быть организовано кооперативное пользованіе машинами, когда нѣсколько мелких хозяев соединяются для покупки и пользованія машиной.

Вообще, сбереженіе труда, достигаемое в земледѣліи при помощи машины, очень невелико по сравненію с промышленностью.

Одним из очень важных способов повышенія производительности труда в промышленности является специализація труда. Но в земледѣліи специализація труда поставлена в очень узкія границы, потому что смѣна времен года требует измѣненія и характера труда. Земледѣльческій рабочий не может специализироваться, напримѣр, на косовѣ, так как в таком случаѣ ему пришлось бы работать в году лишь нѣсколько недѣль. Поэтому в земледѣліи мы замѣчаем крайне слабую специализацію труда и, значит, крупное земледѣльческое хозяйство, пользующееся трудом значительнаго числа рабочих, не может

увеличивать производительность их труда путем пользованія трудом специализированных рабочих.

Несомнѣнной выгодой крупнаго земледѣльческаго хозяйства является то, что оно менѣе теряет земли на дорогах, на межах, меньше требует затрат на огораживаніе земель. Но эти выгоды все же не так значительны. Что же касается до таких выгод крупнаго хозяйства, как возможность производить в крупных размѣрах продажи и покупки, пользоваться кредитом и т. п.—то онѣ могут быть использованы и мелким хозяйством посредством коопераціи.

Важным преимуществом крупнаго производства в промышленности является возможность привлеченія научных сил для руководства предпріятіем, при возможности, вмѣстѣ с тѣм, хранить секреты производства. В земледѣліи это преимущество крупнаго хозяйства большаго значенія не имѣет, так как поле открыто для всѣх и не может скрыть в себѣ никаких секретов; земледѣльческое производство имѣет по самому своему существу показательный характер, и каждый интеллигентный крестьянин может учиться у сосѣда—крупнаго владѣльца. Что же касается научнаго руководства, то тут приходит на помощь общественная агрономія.

Итак, баланс выгод и невыгод крупнаго и мелкаго производства в сельском хозяйствѣ далеко не так ясен и очевиден, как в промышленности. За мелким сельским хозяйством остается одно несомнѣнное преимущество—большая заинтересованность производителя в процессѣ труда, преимущество, потому приобретающее особое значеніе, что сельское хозяйство требует особенно тщательнаго труда,—оно имѣет дѣло с живыми организмами. Поэтому нисколько не удивительно, что лучшія породы скота—швейцарскій, баварскій, голландскій, джерсейскій скот—созданы и вскормлены мелким хозяйством.

Вообще, чѣм земледѣльческое производство интенсивнѣе, чѣм болѣе в него вкладывается на ту же земельную площадь труда, тѣм больше преимуществ имѣет мелкое хозяйство сравнительно с крупным. Всякое земледѣльческое хозяйство приурочивается къ извѣстной земельной площади; в процессѣ земледѣльческаго производства приходится перевозить с одного мѣста на другое большія тяжести (удобреніе, земледѣльческія машины, собранный продукт), и разстояніе усадьбы от обрабатываемой земли приобретает большое значеніе. Чѣм больше это разстояніе, тѣм больше труда приходится затрачивать на передвиженіе тяжестей.

Но чѣм сложнѣе хозяйство, тѣм больше тяжестей приходится перевозить на ту же земельную площадь и, значит, тѣм большее значеніе приобретают расходы по перевозкѣ—иначе говоря, отдаленность поля от усадьбы.

И факты показывают, что крупное капиталистическое хозяйство встрѣчается, преимущественно, при экстенсивных системах сельскаго хозяйства. Так, экстенсивное лѣсное хозяйство—сводящееся к вырубкѣ дикорастущаго лѣса—допускает самыя крупныя предпріятія; и, дѣйствительно, в колоніях и малонаселенных странах предпріятія по вырубкѣ лѣсов нерѣдко достигают огромных размѣров.

То же нужно сказать и о пастбищном скотоводствѣ. В Австраліи нѣкоторые крупныя скотоводы имѣют по нѣскольку сот тысяч овец.

Собственно земледѣліе предполагает уже меньшіе размѣры предпріятія. Наибольших размѣров достигали американскія пшеничныя фермы Дальняго Запада, ведшія крайне хищническое хозяйство на обширных площадях при помощи самых усовершенствованных машин. Нѣкоторыя из таких ферм достигали 10.000 десятин, и даже больше, и являлись настоящими пшеничными фабриками.

Но при интенсивном земледѣліи такія крупныя фермы становятся невозможными. В Англіи, напр., фермы площадью свыше 500 десятин, составляют рѣдкое исключеніе. Преобладают фермы значительно меньших размѣров—в нѣсколько десятков десятин.

Помимо естественных препятствій, крупное капиталистическое производство в сельском хозяйствѣ наталкивается и на извѣстныя социальныя преграды для своего роста. А именно, капиталистическое сельское хозяйство встрѣчает значительныя трудности в пріисканіи рабочих рук—в чем и заключается так называемый рабочий вопрос в сельском хозяйствѣ. Так как сельскохозяйственному предпринимателю невыгодно постоянно содержать большое число наемных рабочих (они нужны ему только временно), а, с другой стороны, он не может пользоваться городскими рабочими, то капиталистическое сельское хозяйство заинтересовано в том, чтобы, наряду с ним, существовало и крестьянское хозяйство, которое поставляло бы сельских рабочих сельскохозяйственному капиталисту. Между тѣм число сельскохозяйственных рабочих во всѣх капиталистических странах сокращается (уход в города)—и, притом, из деревни уходят именно наиболѣе интеллигентныя и предпріимчивыя рабочіе. В деревнѣ остаются, по преимуществу, дѣти и старики.

Но главной основой устойчивости мелкаго сельскаго хозяйства являются не его экономическія преимущества перед крупным, а то существенное обстоятельство, что крупное хозяйство ведется в формѣ капиталистическаго предпріятія, ради прибыли и ренты, а мелкое для обезпеченія существованія самого производителя. Крестьянин продолжает вести хозяйство и в том случаѣ, когда хозяйство не дает ему ничего, кромѣ средней заработной платы, в то время как капиталистическое хозяйство, доходы с котораго покрывали бы только заработную плату, должно было бы, по необходимости, прекратиться.

Поэтому мелкое сельское хозяйство может существовать и развиваться при значительно меньшем валовом и чистом доходѣ, чѣм капиталистическое крупное. К этому присоединяется и то, что мелкое земледѣліе, служа потребительным нуждам земледѣльца, гораздо менѣе зависит от рыночных колебаній цѣн на сельскохозяйственные продукты, чѣм крупное капиталистическое хозяйство, работающее исключительно для сбыта. Паденіе цѣн на земледѣльческіе продукты, разоряющее крупное земледѣліе, переносится мелким земледѣльцем сравнительно легко, так как мелкій земледѣлец значительную—и нерѣдко большую—часть своих продуктов потребляет в собственном хозяйствѣ.

Итак, подводя баланс сравнительной силы и устойчивости крупнаго капиталистическаго и мелкаго трудового сельскаго хозяйства в их взаимной борьбѣ, приходится признать, что в наше время преимущество скорѣе на сторонѣ мелкаго хозяйства. Этому нисколько не противорѣчит тот факт, что капиталистическое хозяйство во многих странах пользуется широким распространеніем, а в нѣкоторых является и почти единственной формой сельскаго хозяйства (как, напр., в Англіи). Дѣло в том, что развитіе капиталистическаго земледѣлія явилось не результатом экономической силы послѣдняго, сравнительно с крестьянским, трудовым земледѣліем, а естественным послѣдствіем крупнаго землевладѣнія, возникшаго, в свою очередь, на основѣ политическаго насилія. Земля перешла в руки немногочисленной группы правящих классов вовсе не потому, что крупное земледѣльческое производство оказалось экономически сильнѣе мелкаго. Земля была захвачена силой господствующими классами, вмѣстѣ с самим земледѣльцем, обращенным в раба или крѣпостного. Затѣм земледѣлец получил свободу, но значительная часть земли осталась в руках помѣщика. Так возникло во всѣх странах Европы крупное землевладѣніе, и, как естественное послѣдствіе его, и крупное капиталистическое земледѣліе.

Крупное землевладѣніе возникло очень давно путем захвата земли господствующими классами во время господства первобытных форм хозяйства. В наше же время, когда интенсивное хозяйство вытѣсняет экстенсивное, условія для развитія крупнаго сельскаго хозяйства становятся менѣе благоприятными. Однако, быстрого замѣщенія одной формы сельскохозяйственнаго предпріятія другой не наблюдается, потому что, вообще, аграрныя отношенія отличаются большой устойчивостью. Для того, чтобы расширить сельскохозяйственное предпріятіе, нужно, как общее правило, увеличить площадь земли в распоряженіи даннаго предпріятія, а для этого требуется, в свою очередь, или взять в аренду нужную землю, или купить ее. Но получить землю в аренду не вездѣ возможно, а купля-продажа земли повсемѣстно обставлена значительными затрудненіями. Земля, находящаяся

ся в руках крупных владѣльцев, благодаря юридическим ограниче- ніям, нерѣдко совсѣм не может быть продаваема (так, в Англіи около $\frac{3}{4}$ частновладѣльческой земли закрѣплено таким образом за одними и тѣми же владѣльцами); с другой стороны, и мелкое крестьянское землевладѣніе часто закрѣплено за владѣльцами. Самая продажа зем- ли облагается повсемѣстно тяжелыми пошлинами в пользу государ- ства. Все это вмѣстѣ (и многое другое) приводит к значительной устойчивости аграрных отношеній, измѣняющихся вообще с значи- тельной медленностью.

Вот, напр., статистика распредѣленія земледѣльческаго произ- водства (по размѣрам производства) в Германіи:

Размѣръ фермы:	Занятая площадь (в ты- сячах десятин).			Увеличеніе или уменьш. в 1907 г. сравнит. с 1882 г.	
	1882	1895	1907	В тысячах десятин	В ‰
До 2-х десятин.	1826	1808	1731	—95	—5,2
От 2-х до 5 десятин . .	3190	3286	3305	+115	+3,6
„ 5 „ 20 „	9158	9722	10422	+1263	+13,8
„ 20 „ 100 „	9908	9870	9322	—586	—5,9
Свыше 100 десятин . . .	7786	7832	7055	—731	—9,4

Сокращается площадь очень мелких и крупных хозяйств; на- против, крестьянское хозяйство среднего типа растет, равно как и крупное крестьянское хозяйство. О направленіи развитія сельскаго хозяйства в Соединенных Штатах можно судить по таким данным:

Размѣръ фермы:	Число ферм в ‰	
	1890 г.	1910 г.
До 10 десятин	0,1	0,6
От 10— 60 десятин . . .	33,6	35,5
„ 60—175 „	48,6	46,4
„ 175—500 „	15,1	15,3
Свыше 500 „	2,6	2,8

Вообще, нужно признать, что не существует законов развитія сельскохозяйственнаго предпріятія, обязательных для всѣх стран. В промышленности крупное предпріятіе растет быстрѣе мелкаго; на- против, в области сельскаго хозяйства мы скорѣе замѣчаем рост мелкаго сельскохозяйственнаго предпріятія насчет крупнаго. В общем, аграрныя отношенія и аграрное развитіе необыкновенно своеобразны. В различных странах наблюдаются самыя разнообразныя сочетанія

всевозможных форм сельского хозяйства. Во всяком случаѣ, нельзя отрицать того факта, что крестьянское хозяйство, как общее правило, не отстывает перед капиталистическим, а, наоборот, во многих случаях вытѣсняет послѣднее.

Это очень ярко выражается в том, что в противность ходу развитія промышленности, в сельском хозяйствѣ процент наемных рабочих по отношенію к общей численности населенія, занятого в сельском хозяйствѣ, обычно не растет, а падает, а процент самостоятельных хозяев растет. Вот, напр., данныя для Германіи:

Распределение населенія, занятого в сельском хозяйствѣ				В процентах		
	Предприниматели	Вышшіе служащіе	Наемные рабочіе	Предприниматели	Вышшіе служащіе	Наемные рабочіе
1895 г. . .	2.568.725	96.173	3.724.145	40,3	1,5	58,2
1907 г. . .	2.500.974	98.815	3.400.437	41,7	1,6	56,7

Общественныя отношенія, возникающія на основѣ сельскохозяйственнаго производства, в высшей степени измѣнчивы и не допускают таких обобщеній, как в области промышленности. Объясняется это тѣм, что в сельском хозяйствѣ человек гораздо болѣе зависит от вѣшной природы, нежели от общественных отношеній. Поэтому нисколько не удивительно, что именно промышленность, а не сельское хозяйство, по преимуществу, изучалось экономической наукой,—в сферѣ промышленности экономист чувствует себя гораздо свободнѣе, чѣм в сферѣ сельского хозяйства, гдѣ царит не подлежащая изслѣдованію экономиста законмѣрность вѣшной природы.

Глава II.

Земельная община.

I.

Частная земельная собственность может возникнуть лишь после того, как проявилось земледѣліе: пока не было земледѣлія, не могло быть и мотива к захвату земли в частную собственность, хотя из этого еще не слѣдует, что до возникновенія земледѣлія вообще не существовало никакого опредѣленнаго отношенія данной общественной группы к занимаемой ею территоріи. Напротив, уже на самых ранних ступенях историческаго развитія мы видим, что данная территорія находится под владычеством опредѣленнаго племени, причем каждое племя не допускает других вторгаться на принадлежащую ему территорію.

С развитіем земледѣлія связь между человеком и землей пріобрѣтает болѣе тѣсный характер. Первобытные народы не знали никакой собственности на незанятую землю—ни общественной, ни частной. Верховное же владычество опредѣленнаго племени в предѣлах извѣстной территоріи не было правом собственности, потому что не имѣло частноправового характера. Земля считалась не общественной собственностью, а ничьей, как это наблюдается и теперь в Сибири, и каждый свободно захватывал себѣ столько земли, сколько ему было нужно. У всѣх земледѣльческих народов первоначальныя отношенія к землѣ сводились к захвату извѣстнаго участка земли опредѣленной семьей, которая свободно этой землей и пользовалась.

Что-же касается вопроса, существовала-ли когда-либо общественная обработка земли, как общее явленіе, то на него приходится дать отрицательный отвѣтъ. Правда, нам извѣстны нѣкоторые случаи, когда цѣлая деревня сообща обрабатывала землю, но это—рѣдкій случай, относящійся к той эпохѣ земледѣлія, когда не пользовались еще рабочим скотом. И обобщаемы они никаким образом быть не могут. Первобытное земледѣліе, дѣйствительно, требовало большого количества рабочих рук, но так как первобытная семья заключала в себѣ много членов, то она вполне справлялась с земледѣльческими

работами сама и не было надобности в болѣе крупных общественных объединеніях.

Первоначальной формой земледѣлія было хозяйство большой семьи; его можно назвать семейной общиной. Семейная община, которую надо строго отличать от современной русской передѣльной общины, основана на кровной связи. Семейная община, несомнѣнно, существовала повсюду: у древних индусов, кабиллов, на Кавказѣ, в Центральной Африкѣ и в разных мѣстностях Европы.

В нѣкоторых отдѣльных случаях первобытная большая семья сохранилась в очень сложной формѣ вплоть до нашего времени. Примѣром может служить южно-славянская „задруга“, включающая в себя цѣлый ряд поколѣній. В такой „задрукѣ“, число членов которой доходит до 100 и болѣе, наблюдается полная общность собственности как движимой, так и недвижимой. Организация задруги демократическая: во главѣ ея стоит выборное лицо — „домачин“, заведующій мужскими работами и „домачица“, заведующая женскими работами. „Задруга“, вообще, основана на кровном родствѣ, но вступать в нее могут, с согласія остальных, и посторонніе. На сѣверѣ Россіи также часто встрѣчаются большія семьи, состоящія иногда из трех поколѣній, которыя живут вмѣстѣ.

Такая большая семья, семейная община, владѣющая захваченным ею участком земли, несомнѣнно была начальным пунктом послѣдующаго развитія земельных отношеній как у нас, так и на Западѣ. На основѣ этой семейной общины на Западѣ мало-по-малу создалась новая форма землевладѣнія. Семейная община разросталась, отдѣльныя семьи обособлялись и начинали вести самостоятельное хозяйство; создается форма землевладѣнія, похожая на так называемую „долевую общину“ сѣвера Россіи. Сущность этой формы землевладѣнія, как мы уже раньше указали, заключается в том, что всѣ члены, принадлежащіе к данной общественной группѣ, имѣют право на известную (и то весьма неравную) долю земли; но на такую долю, какую можно только представить, так как в дѣйствительности земля не поделена в собственность между отдѣльными хозяйствами.

Одно семейство имѣет, напримѣр, три доли земли, другое — двѣ, третье — даже часть такой доли и т. д. Каждое семейство имѣет право требовать своей доли, но не больше ея, как-бы мала эта доля ни была. Такая долевая община, часто смѣшиваемая с уравнилельно-передѣльной, имѣет много общаго с частным землевладѣніем. От послѣдняго эта община отличается существенно тѣм, что при ней могут существовать и существуют передѣлы земли, обмѣн участками, но не для того, чтобы уравнивать количество земли во владѣніи каждой семьи, а для уравниванія качества той земли, которая обрабатывается отдѣльными семьями (количество-ж остается неравным).

Такая доленая община была, повидимому, высшей ступеню общиннаго развитія в Западной Европѣ. Дальше ея западно-европейская община в своем развитіи не пошла, не доросла до типа русской общины, при которой отдѣльные участки земли выравнивались по количеству, а члены общины имѣли право на одинаковое количество земли.

В доленой общинѣ имѣются элементы как частной, так и общественной собственности, так что из нея могла возникнуть как частная земельная собственность, так и уравнительно-общинная.

В Западной Европѣ мы наблюдаемъ первое: первоначальное право на представляемую долю земли превращается в право частной собственности на какой-нибудь опредѣленный участок земли.

Для того, чтобы доленое владѣніе превратилось в уравнительно-передѣльное, нужны были совершенно особыя условія. При доленом владѣніи имущественнаго равенства не существует, богатые имѣютъ больше земли, чѣмъ бѣдные, и, естественно, стремятся закрѣпить за собою свои участки земли, происходитъ борьба, в которой побѣждаютъ, разумѣется, богатые. Поэтому доленая община легко превращается в частное землевладѣніе и для того, чтобы из доленой общины возникла уравнительно-передѣльная, нужна извѣстная внѣшняя сила. Такой внѣшней силы в западной Европѣ не оказалось; из доленой общины на Западѣ возникло частное землевладѣніе.

Прежде всего свободная, незанятая земля была захвачена в частную собственность господствующими лицами, — короли и герцоги становятся первыми землевладѣльцами. Затѣмъ к нимъ присоединяется дворянство и духовенство. Мало-по-малу всѣ эти общественныя группы захватываютъ в свою собственность не только свободныя земли, но и земли, какими раньше владѣли свободные крестьяне, а самихъ крестьянъ превращаютъ в своихъ крѣпостныхъ. Но крестьяне, даже и утративъ свободу, продолжаютъ обрабатывать тѣ-же участки земли, что и раньше — доленая община у нихъ остается — и только значительно позже, в тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне не были окончательно обезземелены, по освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости доленая община распадается на отдѣльные участки земли. Этими участками на правахъ частной собственности завладѣваютъ отдѣльные крестьяне.

Только на Востокѣ и, преимущественно, в Индіи, наблюдаются земельныя отношенія, вполне похожія на русскую уравнительно-передѣльную общину. Почему-же в Индіи возникла передѣльная община?

Рѣшающую роль сыграла в этомъ случаѣ деспотическая государственная власть, непосредственно заинтересованная в превращеніи доленой общины в передѣльную. При доленом владѣніи неизбѣж-

но возникает имущественное неравенство между крестьянскими дворами, а это затрудняет исправную уплату податей. Наилучшим средством для обеспечения исправной уплаты податей в государствѣ с примитивнымъ государственнымъ аппаратомъ является круговая порука плательщиковъ, такъ какъ при круговой порукѣ передъ государствомъ отвѣчаютъ другъ за друга всѣ плательщики. Подати при этомъ обычно разверстываютъ подушно. Разъ все село обществомъ отвѣчаетъ за своевременную уплату податей, то, естественно, что оно заинтересовано въ томъ, чтобы и каждый отдѣльный плательщикъ выплатилъ свою часть. А для этого необходимо, чтобы каждый имѣлъ одинаковое количество земли соотвѣтственно возложенной на него подати. Это и было той движущей силой, которая превратила долевую общину въ общину передѣльную. А такъ какъ такое деспотическое государство характерно только для Востока, то этимъ и можно объяснить, почему на Западѣ мы видимъ совершенно инныя земельныя отношенія: на Западѣ государство не было настолько сильнымъ, чтобы уравнивать населеніе въ имущественномъ отношеніи.

II.

Изъ всѣхъ Европейскихъ странъ только въ Россіи и въ восточной Украинѣ мы замѣчаемъ широкое развитіе общиннаго землепользованія, понимая подъ общиннымъ землепользованіемъ такое, при которомъ земля, принадлежащая извѣстному трудовому союзу, какъ цѣлому, находится въ трудовомъ пользованіи отдѣльныхъ членовъ этого союза.

Такая система составляетъ характерную особенность аграрнаго строя Россіи.

О происхожденіи передѣльной общины много свѣдѣній даютъ труды по исторіи общины въ Сибири. Сибирская община интересна въ особенности тѣмъ, что она является какъ-бы застывшей исторіей общины, — въ томъ смыслѣ, что въ Сибири мы одновременно наблюдаемъ общину во всѣхъ послѣдовательныхъ стадіяхъ ея развитія.

Можно различать три формы сибирской общины—захватное землепользованіе, общинно-захватное и общинно-передѣльное. Первая форма—захватное землепользованіе—наблюдается тамъ, гдѣ земельный просторъ такъ великъ, что необработанная земля совсѣмъ или почти совсѣмъ не имѣетъ цѣнности. Каждый по своему усмотрѣнію захватываетъ участокъ земли для своего пользованія; такой захваченный участокъ образуетъ займку. Захватъ земли признается состоявшимся, если, напримѣръ, захваченное мѣсто отмѣчено на корѣ деревьевъ или на камняхъ. Эта захватная форма землепользованія съ внѣшней стороны похожа на частную земельную собственность, такъ какъ займщикъ можетъ дѣлать съ захватной землей, все, что ему

угодно,—может ее продавать, передавать по наслѣдству и т. д. Однако, заимка не есть еще собственность. Член общины может захватить землю только в границах территоріи, принадлежащей данной общинѣ; уже в этом сказывается право общины на данную территорію. Правда, до поры, до времени община не пользуется своим правом и ея мѣсто заступают отдѣльные члены; но это объясняется лишь тѣм, что при большом земельном просторѣ интересы отдѣльных заимщиков не сталкиваются друг с другом.

Рѣшающую роль во всем дальнѣйшем развитіи земельных отношеній играет проведеніе границ между отдѣльными поселками. Каждый поселок представляет собою группу людей, заботящихся о защитѣ своей земли от вторженія посторонних. С возникновеніем границ между отдѣльными поселками создается представленіе о том, что земля принадлежит данной группѣ людей, членам даннаго поселка. Наряду с твоей и моей землей, возникает уже представленіе о нашей землѣ.

Почему-же, однако, границы проводятся между цѣлыми поселками, а не между отдѣльными заимками? Потому, что первоначальное земледѣліе носит подвижной характер. Отдѣльные заимщики мѣняют свои участки земли, часто переносят свои жилища; заимщик не прикрѣплен ни к какому опредѣленному участку земли. Неподвижна лишь та территорія, в предѣлах которой совершаются заимки, почему и границы проводятся между извѣстными болѣе или менѣе обширными районами, между общинами. В народном правосознаніи таким образом мало по-малу складывается идея о коллективном владѣніи.

Второй період развитія общины—захватно-общинное землепользованіе—вызывается увеличеніем земельной тѣсноты. Возникают столкновенія экономических интересов, заимщики мѣшают друг другу; столкновенія эти разрѣшаются переходом общины в слѣдующую фазу своего развитія—захватно-общинную; здѣсь уже община подвергается ограниченіям право захвата земли. При первоначальном захватѣ земли не требуется затраты труда, чтобы обезпечить за собой право пользованія захваченным участком. Теперь-же возникает болѣе сложное трудовое право на землю, состоящее в том, что заимщик признается имѣющим право распоряжаться заимкой только до тѣх пор, пока он вкладывает в землю свой труд; когда-же он перестает ее обрабатывать, то участок признается свободным и каждый может захватить его для приложенія к нему своего труда. Такія формы захвата, как нанесеніе знаков на деревѣ и т. п., уже признаются недѣйствительными. Чтобы права захвата уважались, требуется, чтобы заимщик приложил свой труд к землѣ—расчистил лѣс, обработал почву и т. п. Община принимает различныя мѣры, чтобы ни один заимщик не нарушал трудовых прав других заимщиков.

Однако, при захватно-общинной формѣ остается в полной силѣ значительное неравенство в землепользованіи: кто богаче, у кого больше скота, кто сильнѣе рабочими руками, кто захватил раньше болѣе земли, тот и владѣет большим количеством ея. Мало-по-малу община начинает склоняться к признанію права каждого человѣка на существованіе, начинает признавать, что и безземельные имѣют право на землю, если они желают прилагать свой труд. В этой стадіи община еще не трогает земель, находящихся в пользованіи отдѣльных ея членов, но уже начинает распоряжаться нѣкоторыми земельными участками, наприм., принадлежащими недоимщикам, которые она и передает безземельным. Так возникают первые, но еще частичные, не общіе и не уравнительные передѣлы.

С возникновеніем уравнительных передѣлов — равнаго раздѣла земли между общинниками — община вступает в третью фазу своего развитія, уравнительно-передѣльную. Рѣшающую роль в возникновеніи передѣлов в Сибири сыграли факторы двоякого рода: с одной стороны — уменьшеніе земельного простора вслѣдствіе роста населенія, с другой — фискальная политика правительства — подушная подать в связи с круговой порукой. При существованіи круговой поруки и недостаткѣ земли у части общественников, крестьянскій мір стоял перед альтернативой: или разверстать платежи по землям, или всю землю подѣлить поровну по душам. При тяжести платежей первый способ разверстки, может быть, был невыгоден именно мало-земельным крестьянам. Таким образом, единственным практическим выходом являлась разверстка земли по душам: земля разпредѣлялась между плательщиками податей так-же равномерно, как и сама подать.

Так создалась уравнительно-передѣльная община, которую мы наблюдаем в Сибири, гдѣ она возникает еще на наших глазах при наступленіи извѣстной степени земельной тѣсноты. В других-же мѣстах бывшей Россіи, напримѣр, в Великороссіи — в Архангельской, Вологодской губ. и на Украинѣ — в Херсонской, Харьковской, Екатеринославской губ. — передѣльная община возникла в концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка.

На Украинѣ в XVIII вѣкѣ совсѣм не существовало передѣльной общины и противоположныя утвержденія нѣкоторых историков основаны на простом недоразумѣніи. Многіе из историков общины не проводят различія между общинным землепользованіем, как своеобразным способом пользованія воздѣланной землей, и общим владѣніем свободными незанятыми землями. Но, вѣдь, общее владѣніе далеко не одно и то же, что общинное землепользованіе. Общинныя земли существуют и в настоящее время повсемѣстно в Западной Европѣ, но из этого отнюдь не слѣдует, что на Западѣ вездѣ существует общинное землепользованіе. И такого землепользованія Украина в XVIII вѣкѣ совсѣм не знала.

В центральной Россіи уравнительно-передѣльная община сложилась гораздо ранѣе. В XVII и XVIII вѣках уравнительные передѣлы были широко распространены в этом обширном районѣ. Древнѣйшее извѣстіе о передѣлах восходит даже к 1500 году и нужно думать, что они существовали в московском княжествѣ уже в XV вѣкѣ.

Высшим типом общины является уравнительно-передѣльная община. Общинные передѣлы бывают двух родов—количественные и качественные. Количественные передѣлы состоятъ в количественном уравниеніи землепользованія каждаго отдѣльнаго члена общины, в уравниеніи его доли в общинной землѣ. При качественном же передѣлѣ доля каждаго в общинной землѣ остается неизмѣнной, а происходит лишь обмѣн участками в зависимости от их качества—уравнивается качество земли. Передѣлы того и другого рода не слѣдует смѣшивать друг с другом. Для уравнительно-передѣльной общины характерным является именно передѣл количественный.

Обыкновенно под словом „передѣл“ подразумѣвают „количественный“ передѣл; качественный-же передѣл крестьяне обычно называют переверсткой или же жеребьевкой. Периодическіе количественные передѣлы вызываются тѣм, что благодаря неодинаковому росту семействъ отдѣльных членов общины установленная предшествующим передѣлом уравнительность землепользованія исчезает, слѣдствіем чего является необходимость новаго передѣла земель.

Нормы количественныхъ передѣлов, т. е. единицы, примѣнительно к которым происходит выравниваніе земли, бывают разнообразны. Иногда землю дѣлят по дворам поровну между всѣми крестьянами. Такіе передѣлы по дворам по отношенію к пашням практикуются очень рѣдко, а по отношенію к усадѣбнымъ землям (поскольку таковыя вообще передѣляются), они являются общимъ правилом, потому что потребность отдѣльных семействъ в усадѣбной землѣ почти не зависит от числа членов в семействѣ и дѣленіе усадѣбной земли по дворам является наиболѣе равномернымъ.

Другой нормой передѣловъ является рабочая сила каждаго двора, обыкновенно, число мужчинъ рабочаго возраста. Земля в этомъ случаѣ развѣрстывается пропорціонально числу мужчинъ рабочаго возраста в каждомъ дворѣ. Однако, при передѣлѣ по рабочимъ силамъ часто принимается во вниманіе не только количество работников, но и хозяйственная сила даннаго двора (количество скота, построекъ), чѣмъ двор сильнѣе экономически, тѣмъ больше дается ему земли.

Третьимъ высшимъ типомъ передѣла является передѣл по потребительнымъ нормамъ, (по бѣдокамъ). В этомъ случаѣ община стремится возможно точнѣе учесть потребительныя нужды семьи и, соотвѣтственно этому, раздѣляетъ землю между отдѣльными дворами; на несовершеннолѣтнихъ и дѣтей земли начисляется обычно меньше, чѣмъ на

взрослых, при чем иногда устанавливается весьма детальная градация между возрастом члена семьи и долей надѣльной земли.

Два послѣдніе типа распределенія земли—по рабочим и по потребительным нормам—наиболѣе распространены. Передѣл по рабочим нормам производится обычно тогда, когда или земля имѣет малую цѣнность, ея много, или платежи за нее так высоки, что надѣл крестьянина „не кормит, а разоряет“. Первое наблюдается, напримѣр, в Сибирской общинѣ. При наличности земельного избытка самым уравнительным распределеніем земли является такое, при котором каждый получает столько земли, сколько способен обработать. С другой стороны, распределеніе земли по рабочим нормам встрѣчается и в совершенно иной экономической обстановкѣ. Примѣром может служить община бывших помѣщичьих крестьян в центральном районѣ Россіи. Первые десятилѣтія послѣ освобожденія крестьян от крѣпостного права платежи, лежавшіе на бывших помѣщичьих крестьянах были очень велики и доходы земли (в нечерноземном районѣ) не покрывали платежей. Надѣл являлся большой тяжестью для крестьян и, так как существовала круговая порука, то иной разверстки земли, как по рабочим силам cadaго двора, не могло и быть,—в противном случаѣ крестьянин не мог-бы справиться с лежавшими на нем платежами.

Наоборот, передѣлы по потребительным нормам получают большее распространеніе там, гдѣ земли мало, гдѣ она имѣет высокую цѣнность и лежащіе на ней платежи далеко не достигают ея доходности.

Передѣл называется общим (коренным), когда передѣлу подвергаются всѣ земли общины; частным, когда передѣлу подвергается лишь часть земель общины, напр., земля умерших, недоимщиков и т. п.

Частные передѣлы были особенно распространены в первые десятилѣтія послѣ реформы у тѣх групп крестьян, надѣльные земли которых были обременены платежами, превышавшими чистую доходность земли. При наличности круговой поруки община была в этом случаѣ заинтересована в том, чтобы немедленно передавать свободные надѣлы такому крестьянину, который был-бы в состояніи платить подати. Таким образом, возникали в Московской и других центральных губерніях частные передѣлы—так называемыя „свалканавалка“ душ, бывшая раньше очень распространенной в общинѣ бывших помѣщичьих крестьян центрального района.

Качественный передѣл вызывается тѣм, что не всѣ земли общины одинаковаго качества; при этом нужно имѣть ввиду не только различія естественнаго плодородія почвы, но и цѣлый ряд других обстоятельств, вліяющих на удобство пользованія землей, напр., состояніе даннаго участка земли от поселенія, неодинаковая геометри-

ческая фигура участка, неодинаковая поверхность (склон) и т. п. Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно важны для земледѣльца и община стремится к тому, чтобы каждый получал землю, по возможности, одинаковаго качества. Для этой цѣли крестьяне разбивают землю на конны, участки одинаковаго качества, и в каждом конѣ каждый двор получает по опредѣленной полосѣ. Таким образом, двор получает свою землю не в одном отрубном участкѣ, а ввидѣ цѣлаго ряда полос, разбросанных по всей площади земли, принадлежащей общинѣ.

Коренной передѣл обязательно сопровождается качественным, но качественный передѣл производится не только в связи с коренным, но и в промежутках между коренными передѣлами, по слѣдующей причинѣ. При коренном передѣлѣ крестьянин, как сказано, получает цѣлый ряд полос в различных участках, образуется так называемая черезполосица. Число этих полос нерѣдко бывает очень велико (до нѣскольких десятков); с теченіем времени черезполосица еще увеличивается в силу того, что земля, напримѣр, дѣлится по наслѣдству между отдѣльными крестьянами, — и в то же время образуются участки земли умерших крестьян. Черезполосица эта очень неудобна для крестьян и средством уменьшенія ея являются качественные передѣлы — производится новая разверстка земли, при которой каждому отводят возможно болѣе смежныя ея полосы.

В то время, как количественный передѣл является характерной особенностью русской уравнительной общины, качественный передѣл свойствен и другим типам общины, напр., долевоѣ общинѣ, которая существовала раньше на Западѣ и в сѣверных губерніях Россіи.

Усадебныя и приусадебныя крестьянскія земли, обыкновенно, совсѣм не передѣляются или передѣляются очень рѣдко, в исключительных случаях; пахотныя земли в функционирующей общинѣ подвергаются періодическим передѣлам, обычно через довольно значительныя промежутки времени (напр., через 12—15 лѣтъ); лѣса и луга передѣляются чаще (луга, обыкновенно, ежегодно), а выгон находится в постоянном общем пользованіи всѣх членов общины.

Весь характер общиннаго строя находится в тѣсной связи с количеством и цѣнностью земли, которой владѣют крестьяне, а также и с тяжестью лежащих на ней платежей. В этом отношеніи рѣзко отличается община бывших государственных от общины бывших помѣщичьих крестьян. Первые получили значительно-большіе надѣлы, на которых лежали меньшіе платежи. Надѣл вторых был гораздо меньше и в то же время обременен большей тяжестью платежей. Неудивительно, что жизнеспособнѣе оказалась община бывших государственных крестьян. Правда, в первыя десятилѣтія послѣ крестьянской реформы в этой общинѣ почти не наблюдалось общих передѣлов, но объяснялось это тѣм, что крестьяне еще не знали своего

права—дѣлить землю независимо от ревизіи (периодической переписи мужского населенія, обложеннаго подушной податью,—к этим ревизіям государственные крестьяне в дореформенное время обычно приурочивали свои передѣлы) и ждали ревизіи. Так как ревизіи не послѣдовало, то крестьяне сами приступили к передѣлу, и со второй половины 80-х годов общіе передѣлы среди бывших государственных крестьян широкой волной прошли по всей Россіи.

Напрасно общины помѣщичьих крестьян в центральном районѣ в первое время послѣ освобожденія практиковали очень частые передѣлы—„свалку-навалку“ душ, вслѣдствіе чрезмѣрных платежей. На Украинѣ же и в средней черноземной полосѣ Россіи среди помѣщичьих крестьян количественных передѣлов почти совсѣм не было и нѣтъ по той причинѣ, что земля здѣсь является большой цѣнностью и каждый крестьянин цѣпко за нее держится, тѣм болѣе, что он должен был платить за нее высокій выкуп. Таким образом, общины бывших помѣщичьих крестьян средней Россіи и Украины, гдѣ количественные передѣлы почти не практикуются, являются только юридически уравнительными общинами. Благодаря высокой выкупной платѣ крестьяне стали здѣсь признавать свою надѣльную землю как-бы выкупленной ими в частную собственность. Значительная часть общин этого типа приближается к типу долевой общины. Количественных передѣлов в этих общинах, как сказано, нѣтъ, а практикуются только передѣлы качественные.

III.

Общинное землевладѣніе связано с извѣстными особенностями землепользованія и необходимо разрѣшить вопрос, являются-ли эти особенности тормозами или двигателями хозяйственного прогресса. Такими особенностями общиннаго землепользованія обычно являются: 1) черезполосица, 2) принудительный сѣвооборот, 3) временность владѣнія, 4) перемѣна размѣров владѣнія. Принудительный сѣвооборот есть неизбѣжный результат с одной стороны черезполосицы, а с другой—пастбы скота на паровом полѣ и по жнивью. При наличности этих условій всѣ крестьяне одной и той-же общины должны придерживаться одной и той-же системы хлѣбопашества, так как, если-бы кто-либо из них пожелал-бы воспользоваться иной системой, то это помѣшало-бы пастбѣ скота. Черезполосица и принудительный сѣвооборот характерны не только для общиннаго, но и для большей части подворнаго землевладѣнія крестьян. Так, напримѣр, на Украинѣ при подворном владѣніи крестьянин обычно имѣет нѣсколько полос на разных полях, откуда возникает (в связи с пастбой скота на пару и по жнивью) необходимость всѣм придерживаться одной и той-же системы хлѣбо-

нашества. Подобныя отношенія наблюдаются и в очень многих крестьянских хозяйствах Запада.

Нечего и говорить, что череполосица в агрономическом отношеніи представляет много весьма важных неудобств, так как при этом каждая полоса очень узка, то невозможна поперечная вспашка; сорные травы на межах засоряют поля; при сѣяніи пропадает значительная часть зерна; происходит непроизводительная потеря земли на дорогах; приходится затрачивать много лишняго труда на передвиженіе и т. д. Но не слѣдует забывать, что зло череполосицы не есть характерное отличіе именно общины, ибо череполосица наблюдается и при подворном владѣніи.

Принудительный сѣвооборот есть слѣдствіе череполосицы. Принудительный сѣвооборот препятствует отдѣльным хозяйствам переходить к болѣе усовершенствованным системам земледѣлія. Зато, если община рѣшит перейти к такой системѣ, то переход совершается быстро и охватывает сразу всё хозяйства. Именно в силу этого так быстро распространилось в 90-х годах прошлаго столѣтія в Московской губерніи травосѣяніе. К концу 1905 г. уже 1.170 общин этой губерніи перешли к травосѣянію.

Что-же касается временности владѣнія, вытекающей из передѣлов, то она также имѣет очень существенныя отрицательныя стороны. Крестьянин лишается того участка земли, который он обрабатывал в теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и получает другой. Таким образом, результат труда одного достается другому, а это не может не отражаться на тщательности ухода за землей. Однако, в тѣх районах, гдѣ земля совершенно не уваживается, крестьяне не жалуются на качественные передѣлы. Качественный передѣл оказывается существенным препятствіем для агрономическаго прогресса крестьянскаго хозяйства лишь в тѣх районах, гдѣ земли удобряются. И это совершенно понятно; гдѣ не практикуется удобреніе земли, там крестьянин взаимн одного неуваженнаго участка получает другой такой-же и, значит, ничего не теряет. Точно также, если всё уваживают свои участки, обмѣн ими не представляет значительных неудобств. Но там, гдѣ часть крестьян уваживает землю, а часть нѣтъ, там качественный передѣл становится затруднительным.

Неудобства переѣмны размѣра владѣнія (при количественном передѣлѣ) заключаются в том, что у крестьянина может не хватить инвентаря для обработки своего участка, если размѣры этого участка при передѣлѣ значительно увеличатся; если-же уменьшатся, может оказаться излишній инвентарь. Однако, на практикѣ неудобство это обычно разрѣшается тѣм, что в первом случаѣ крестьянин уменьшает размѣры своей аренды, во втором увеличивает их. Кромѣ того, крестьянскій инвентарь служит не только для зем-

ледѣльческих цѣлей и крестьянин может использовать его для подсобных заработков (напр., для извоза).

Невыгодам общиннаго землепользованія противостоят извѣстныя выгоды его сравнительно с владѣніем подворным, заключающіяся преимущественно, в том, что община, объединяя в хозяйственном отношеніи обширный круг лиц, дает им возможность соединять свои силы для достиженія тѣх или иных хозяйственных цѣлей, недостижимых для одиночнаго рабочаго. Так, напр., община верѣдко совершает обширныя работы по осушенію полей и лугов, устройству плотин, прудов и т. п. Иногда, как, напр., в Самарской и Саратовской губерніях, община борется с сухостью климата путем очень сложных оросительных сооружений. Вообще, община, содѣйствуя развитію взаимопомощи крестьянскаго населенія, имѣет огромное воспитательное значеніе для всей массы общиннаго крестьянства.

Послѣ первой русской революціи 1905 г. аграрная политика русскаго правительства была направлена к распространенію среди крестьянскаго населенія „хуторнаго хозяйства“, — хозяйства на отрубных участках в одной межѣ с перенесеніем на эти участки и крестьянских усадеб. Предварительным условіем для этого является размежеваніе черезполосных крестьянских земель в отрубные участки, что представляет собою весьма трудную и сложную задачу. С точки зрѣнія чисто агрономической, хуторное хозяйство имѣет несомнѣнно огромныя преимущества перед хозяйством на множествѣ мелких разбросанных полос. Но прежде всего для возможности хуторнаго хозяйства требуется, чтобы хутор был снабжен всѣм необходимым для сельскаго хозяйства и имѣл достаточныя размѣры.

Правильное хуторное хозяйство требует извѣстных размѣров земледѣльческой площади, на которой ведется хозяйство; точно так же невозможно хуторное хозяйство, если на хуторѣ не имѣется достаточно воды.

Между тѣм, на Югѣ Россіи и на Украинѣ недостаток воды чувствуется очень сильно и уже это одно обстоятельство может явиться серьезным препятствіем для распространенія в этом районѣ хуторнаго хозяйства.

Кромѣ того, необходимо принять во вниманіе и общекультурныя послѣдствія уничтоженія деревни и замѣны ея отдѣльными хуторами. Посѣщеніе школы, церкви, врачебная помощь, всевозможныя виды взаимопомощи чрезвычайно затрудняются разбросанностью населенія — в особенности при существующих у нас дорогах, или, вѣрнѣе, — бездорожьях. И потому только одни агрономическія соображенія не могут играть рѣшающей роли в таком важном дѣлѣ, как измѣненіе условій расселенія народа, к каким привыкли с незапамятных времен.

Именно по этой причинѣ в Германіи многочисленныя попытки распространить среди крестьян хуторное хозяйство не повели к значительным результатам, особенно в южной Германіи—странѣ развитого сельскаго хозяйства. Нѣмецкій крестьянин предпочел общественную жизнь в деревнѣ всѣм экономическим выгодам одинокой жизни на хуторѣ. Только в немногих странах, как, напр., в Швеціи, Даніи, Финляндіи, нѣкоторых сѣверных мѣстностях Германіи и в Прибалтійском краѣ хутор стал господствующей формой крестьянскаго хозяйства. Вообще, как показал опыт, расселеніе на хутора удастся лишь там, гдѣ населеніе и раньше не жило обширными деревнями. Но разрушить деревню очень трудно, уже по одному тому, что перенос усадьбы на новое мѣсто потребует огромных расходов.

Что-же касается Россіи и Украины, то ясно, что здѣсь хуторное хозяйство осуществимо только для болѣе обеспеченной землею части крестьянства. Для малоземельнаго-же крестьянства раздѣленіе земли на хутора равносильно прекращенію самостоятельнаго хозяйства, так как крестьянин не может на ничтожном клочкѣ земли вести правильнаго земледѣлія, а подсобных заработков с переселеніем на хутор имѣть не будет. В результатѣ, хуторное расселеніе крестьянства должно повести к обезземеленію болѣе слабой части крестьянства, земли которых перейдут в руки болѣе сильных в экономическом отношеніи крестьянских групп.

IV.

Послѣ первой русской революціи, когда началось крестьянское движеніе против помѣщичьяго землевладѣнія, правительство русскаго государства поставило своей задачей—борьбу с общинным землевладѣніем крестьянства и привитіе крестьянству частной земельной собственности. Направленіе это поддерживалось Предѣвателем Совѣта Министров русскаго государства, П. А. Столыпиным. 9 ноября 1906 г. был издан указ, имѣвшій своею цѣлью побудить крестьян к раздѣлу общинной земли в частную собственность. В 1910 г. указ этот, нѣсколько измѣненный, получил силу постоянного закона.

Указ 1906 г. предоставляет члену сельскаго общества право требовать от общества выдѣла в частную собственность той части общинной земли, которой он владѣет. Закрѣпленная за отдѣльным общинником земля переходила к нему без всякаго платежа обществу или, в нѣкоторых случаях, с уплатой необходимаго денежнаго вознагражденія обществу. Выдѣляющійся член общества мог требовать выдѣла положенной ему земли, по возможности, в одном отрубном участкѣ. При общих передѣлах эти требованія общество должно было обязательно удовлетворять; до передѣла-же, если обществу было неудобно исполнить такое требованіе своего выдѣляющагося сочлена,

оно должно было, по его требованію, выкупить у него землю по цѣнѣ, опредѣляемой взаимным соглашеніем, а при недостижимости такового — волостным судом. Законом 14 іюня 1910 г. сельскія общества, в которых не было общих передѣлов со времени надѣленія их земель, признаны были обществами, перешедшими к подворному владѣнію.

Эти законы должны были сыграть огромную роль в исторіи общины и привести к распаду общины. Благодаря им непосредственно заинтересованы были выходом из общины слѣдующія группы: во-первых, „многодушники“ — всѣ тѣ крестьяне, которые владѣли большим количеством земли, чѣм причиталось бы им при новом передѣлѣ; во-вторых, крестьянская бѣдность, которая не вела или почти не вела своего земледѣльческаго хозяйства, получила возможность, путем закрѣпленія в частную собственность своей земли, продать ее и выручить, таким образом, хотя бы незначительную денежную сумму; в-третьих, богатые крестьяне, которые имѣли возможность скупить надѣлы своих односельчан и тѣм значительно расширить на выгодных условиях свое землевладѣніе.

С другой стороны, средніе слои крестьянства должны были много потерять от растаскиванія на клочки общинной земли, особенно в той формѣ, как это опредѣлялось законом, предоставлявшим право каждому общиннику закрѣплять за собой по своему усмотрѣнію землю, находившуюся в его временном пользованіи и расположенную черезполосно с землями других общинников, как бы это ни было неудобно для остальных членов общины.

Таким образом, под вліяніем новых законов, внутри общины должна была возгорѣться ожесточеннѣйшая борьба, которая сама по себѣ должна была привести общину к развалу.

Столыпинское законодательство достигло своей цѣли, и ко времени второй русской революціи число общинников во всей бывшей Россіи сократилось, приблизительно, вдвое. До 1906 года около 75% крестьян бывшаго русскаго государства владѣло землей на общинном правѣ, а к началу революціи 1917 года количество крестьян, владѣвших землей по праву частной собственности, значительно превысило количество общинников.

Глава III.

Крестьянское хозяйство и земельный вопрос в России и на Украинѣ.

I.

Под крестьянским хозяйством, в отличие от хозяйства капиталистическаго, понимают такое сельское хозяйство, в котором хозяин, собственник, принимает участие в трудѣ производства. Мы называем мелким крестьянское хозяйство тогда, когда крестьянин не может обезпечить себѣ существованія своим собственным хозяйством и должен дополнять работу в своем хозяйствѣ наемным трудом на сторонѣ; средним, когда крестьянин сам не работает по найму, но и не нанимает сам рабочих, и крупным—такое сельское хозяйство, в котором крестьянин, работая в своем хозяйствѣ, одновременно пользуется и наемным трудом. Мелкій крестьянин — отчасти пролетарій, крупный — отчасти капиталист.

В России и на Украинѣ в началѣ революціи 1917 года количество крестьянских хозяйств, безусловно, превышало количество сельских капиталистических хозяйств. По данным сельско-хозяйственной переписи 1916 года около 90% всѣх посѣвов в Европейской России принадлежали крестьянам.

Правда, крестьянин сѣет не только на своей землѣ, но и на арендованной у помѣщика. Что-же касается крестьянскаго землевладѣнія, то оно также значительно превосходило владѣнія помѣщиков.

К началу революціи 1916 года в Европейской России крестьянской земли насчитывалось, приблизительно, 166 миллионов десятин — сюда входило 139 миллионов десятин надѣльной земли, 6½ мил. десятин земли мелких владѣльцев, имѣвших до 50 десятин на каждого, а также земли, купленные крестьянами и крестьянским банком. В руках крупных собственников, имѣвших больше 50 десятин на каждого, находилось около 75 миллионов десятин земли — значительно меньше половины общей площади крестьянскаго землевладѣнія. К тому-же необходимо принять во вниманіе, что весьма значительная

часть частновладельческой земли, около 40%, находилась под лѣсом.

По продуктивности труда крестьянское хозяйство Россіи и Украины стоит очень низко—далеко ниже хозяйства капиталистическаго.

Вот, напримѣр, свѣдѣнія об урожайности на помѣщичьих и крестьянских землях в цѣлой Европейской Россіи за послѣдніе пол-вѣка:

В пудах с 1 десятины, в среднем, за десятилѣтіе:

	Урожай на помѣщи- чьих землях:	Урожай на крестьян- ских землях:
1861— 70 г.г.	33	29
1871— 80 „	37	31
1881— 90 „	42	34
1891—900 „	47	39
1901— 10 „	54	43

Эти цифры свидѣтельствуют о том, что не только продуктивность труда в крестьянском хозяйствѣ стоит значительно ниже, чѣм в капиталистическом (возможно, это зависит от того, что земля крестьянских надѣлов хуже), но и во времени крестьянское хозяйство, хотя и прогрессирует, но очень медленно и отстает от помѣщичьяго, а не догоняет его.

Что-же представляет собою огромная масса русскаго и украинскаго земледѣльческаго крестьянства, составляющая почти $\frac{3}{4}$ всего населенія?

Хотя в большей части бывшей Россіи еще недавно господствовало общинное землевладѣніе, все-же было-бы ошибкою думать, что уравнительное землепользованіе привело к равномѣрному распредѣленію земли между всеми крестьянами. Община не в силах воспрепятствовать раздѣленію крестьянства на богатых и бѣдных, на зажиточных крестьян и безземельных пролетаріев. Во-первых, община уравнивает только землю, а не все средства производства, для безлошаднаго-же крестьянина веденіе самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства очень затруднительно. Во-вторых, уравнительные передѣлы происходят не часто, и земля в промежутках времени между передѣлами может сосредоточиваться в руках нѣкоторой части крестьян. В третьих, только нѣкоторая часть общин практикует правильные уравнительные передѣлы. В четвертых, передѣлам подвергается только надѣльная земля, а крестьяне ведут хозяйство на покупной, а также арендуемой землѣ. В пятых, отдѣльныя общины имѣют далеко не равные надѣлы—есть многоземельныя и малоземельныя общины и т. д., и т. д.

В общем, как русское, так и украинское крестьянство не представляет собою однородной экономической массы. Оно распадается на группы различной зажиточности.

Наиболѣе рельефно замѣчается дѣленіе крестьянства там, гдѣ условія крестьянскаго хозяйства болѣе благоприятны и гдѣ, поэтому могла выдѣлиться группа зажиточнаго и даже богатаго крестьянства напр., в Новороссіи и на восточных окраинах Россіи. Напротив, въ центрѣ Россіи, при большей степени земельной тѣсноты, разслоеніе крестьянства меньше, благодаря почти полному исчезновенію группъ болѣе зажиточнаго крестьянства.

В центральных земледѣльческих мѣстностях Россіи, при общей нищетѣ крестьянскаго населенія, роста дѣленія крестьянства не замѣчается—зажиточные крестьяне составляют незначительную кучку среди бѣдняков. На Украинѣ наоборот—зажиточных крестьян значительно больше и число их растет очень быстро.

Вот, напр., свѣдѣнія о Полтавской губерніи.

Из 100 крестьянских хозяйств Полтавской губерніи земельную собственность имѣли:

Годы.	До 3 десят. на двор.	От 3 до 9 дес. на двор.	От 9 до 50 дес. на двор.	Больше 50 дес. на двор.
1882-86	44,5	42,3	12,7	0,4
1900	51,5	35,9	12,0	0,6
1910	51,7	34,0	13,7	0,6

Как видим, относительно уменьшилась средняя группа крестьян, имѣвших от 3 до 9 десятин на двор, а возросли крайнія группы.

Вообще, нужно думать, что в тѣх случаях, когда крестьянское хозяйство развивается, наиболѣе сильным и наиболѣе жизнеспособным является у нас крупное крестьянское хозяйство, переходящее в капиталистическое. Хозяйства такого типа, стоящія на границѣ трудового и капиталистическаго сельскаго хозяйства, в которых хозяин еще сам, своим личным трудом участвует в производствѣ, но пользуется, хотя и в незначительных размѣрах, наемным трудом, лучше всего умѣют пользоваться благоприятными условіями сельскаго хозяйства и энергично разрастаются в таких случаях за счет других хозяйств. Хозяйства этого рода, при ограниченности потребностей хозяев, легко накапливают избытки, которые и обращаются на покупку земли.

II.

Итак, крестьянство Россіи и Украины далеко не является однородной массой: в нем имѣются группы крупнаго, средняго и мелкаго

крестьянства, переходящего постепенно в сельский пролетариат. Значительное большинство крестьянства, однако, не принадлежит ни к чистому сельскому пролетариату, ни к крупному крестьянству и ведет болѣе или менѣе самостоятельное трудовое хозяйство без помощи наемнаго труда.

Исходным пунктом развитія современных аграрных отношеній в Россіи и на Украинѣ является крестьянская реформа. При освобожденіи крестьян имѣлось ввиду сохранить за ними ту землю, которой они пользовались раньше. Однако, благодаря сопротивленію помѣщиков, этот принцип не был осуществлен и бывшіе помѣщичьи крестьяне получили, приблизительно, на 1/5 часть земли меньше, чѣм имѣли раньше; полученная ими земля была обложена очень высокими платежами, превышавшими в большинствѣ случаев ея чистую доходность.

Условія обезпеченія землею бывших государственных и удѣльных крестьян были болѣе благопріятны. Платежи их были значительно ниже, а земельные надѣлы значительно больше: в среднем, по всей бывшей Россіи бывшіе помѣщичьи крестьяне получили по 3,2 десятины на „ревизскую“ душу; бывшіе государственные—по 6,7 десятины; бывшіе удѣльные—по 4,9 десятины. Но нѣкоторая часть помѣщичьих крестьян, так называемые „дарственники“, крестьяне, согласившіеся получить без выкупа дарственный надѣл, равный $\frac{1}{4}$ нормального надѣла,—получила земли гораздо менѣе среднего надѣла. Таких „дарственников“ было около 6% всех помѣщичьих крестьян, распределенных по территоріи бывшей Россіи очень неравномѣрно и составивших в нѣкоторых мѣстностях весьма значительную часть крестьянскаго населенія. Всѣ эти „дарственники“ получили ничтожный надѣл, совершенно недостаточный для прокормленія. Наконец, бывшіе „дворовые“, которых пред освобожденіем насчитывалось болѣе 720 тысяч душ мужского пола, и многочисленные крестьяне, перечислившіеся перед освобожденіем в мѣщане, не получили никаких надѣлов.

Таким образом, бывшіе крѣпостные крестьяне получили земли при освобожденіи значительно меньше, чѣм имѣли раньше. Между тѣм, сельское населеніе бывшей Россіи со времени крестьянской реформы и до наших дней увеличилось, приблизительно, вдвое и соотвѣтственно уменьшилось количество надѣльной земли на душу крестьянскаго населенія.

В 1905 г. средний надѣл крестьянскаго двора для всей Европейской Россіи равнялся 11,1 десятины, но приэтом размѣры среднего надѣла в разных районах были очень различны, начиная с 3,8 десят. в Подольской губ. и кончая 65,1 десят. в Олонецкой губ. По официальным подсчетам в 1905 году крестьян, имѣвших до 5 десятин

надѣльной земли на двор было 2.856 тысяч дворов, или около 24% всего числа крестьянских дворов. Дворов с надѣлом не болѣе 10 десятин на двор считалось во всей бывшей Россіи 5.072 тыс. или 42% крестьянскаго населенія. Но, напр., в Заднѣпровском районѣ (Волинская, Кіевская, Подольская, Бессарабская, Херсонская губерніи) процент крестьянских дворов с надѣлом до 5 десятин на двор достигал 52% по отношенію ко всему крестьянскому населенію.

Хотя средній размѣръ крестьянскаго надѣла для всей бывшей Россіи и превышал в 1905 г. 10 десятин, но ввиду неравномѣрнаго распредѣленія надѣльной земли между различными районами и между отдѣльными крестьянскими группами, у очень значительной части крестьян надѣл был гораздо меньше.

Приэтом бросается в глаза, что на малоземелье жаловались крестьяне с самым различным земельным обезпеченіем. Крестьянское движеніе 1905 года, а точно так-же и 1917 года, выставившее требованіе увеличенія земельного обезпеченія, широко разлилось по всей Россіи и Украинѣ и охватило не только тѣ мѣстности, гдѣ земельная тѣснота чувствовалась очень сильно, но и Поволжье, гдѣ крестьянскіе надѣлы сравнительно велики. Земли требовали не только тѣ группы крестьянскаго населенія, которыя имѣют ея значительно меньше средняго земельного обезпеченія крестьянскаго двора в данном районѣ, но и вся масса средняго крестьянства. Именно в этом и заключалась сила крестьянскаго движенія.

Этот болѣе или менѣе всеобщій характер требованія земли, не смотря на крайне различную степень фактическаго земельного обезпеченія, доказывает, что малоземелье, от котораго страдает крестьянское хозяйство Россіи и Украины, коренится, прежде всего, в несоотвѣтствіи техники крестьянскаго хозяйства размѣру земельного обезпеченія. Чѣм интенсивнѣе система земледѣлія, тѣм меньше требуется земли для полученія одинаковаго количества земледѣльческих продуктов. Размноженіе населенія, в связи с процессом раздѣленія его, значительно уменьшили площадь земли в распоряженіи средняго крестьянскаго двора. Между тѣм, продовольственныя потребности крестьянина остались тѣ-же. Для того, чтобы с уменьшеннаго количества земли получить прежнее количество продуктов, крестьянин должен-бы был перейти к болѣе интенсивным системам земледѣлія и таким образом повысить урожайность земли. Нѣкоторое повышеніе урожайности, дѣйствительно, произошло, но весьма незначительное. В результатѣ, земли стало не хватать для обезпеченія существованія крестьянина и повсемѣстно раздалось требованіе земли.

Это объясняет нам, почему малоземелье может одинаково остро чувствоваться при самом различном количествѣ земли в распоряженіи земледѣльца. И нѣсколько десятков десятин на двор являются

недостаточным земельным обеспеченіем крестьянина, если он, как напр., в Сибири, до сих пор придерживается первобытной системы земледѣлія — переложной, при которой земля распахивается нѣсколько лѣтъ подряд, пока не истощатся ея производительныя силы, послѣ чего она забрасывается, пока естественные процессы не возсаносят ея пригодности для земледѣлія. С другой стороны, при интенсивных системах земледѣлія, которых придерживается крестьянин Запада, земельный участок даже в 3—4 десятины, соотвѣтствующій среднему крестьянскому надѣлу в самых тѣсных районах **Украины**, был-бы достаточен для обеспечения существованія.

Итак, наше крестьянское малоземелье является по своей экономической природѣ в большинствѣ случаев ничѣм иным, как послѣдствіем отсталости крестьянскаго земледѣльческаго производства. Переход от трехполья, господствующаго в большей части Россіи и на Украинѣ, (гдѣ не практикуются менѣе напряженныя системы земледѣлія), к плодоперемѣнной системѣ земледѣлія с минеральными удобрениями является неотложной потребностью для крестьянскаго хозяйства Россіи и Украины. Теперь урожайность десятины доходит, приблизительно, до 55 пуд. хлѣба. В Германіи сбор в 110—120 пудов с десятины считается средним. Нѣтъ никаких естественных препятствій для того, чтобы наш крестьянин достиг такой урожайности.

Однако, не слѣдует забывать, что если малоземелье нашего крестьянскаго хозяйства и вызвано низким уровнем земледѣльческой техники, при котором собирается меньше продукта с земельного участка, который при иной системѣ обработки мог-бы обеспечить существованіе крестьянина, то значительная часть нашего крестьянства так мало обеспечена землей, что ни при каком практически осуществимом повышеніи агрономической техники, не может существовать со своего надѣла. В таком положеніи находятся, напр., владѣльцы дарственных надѣлов и многія другія группы крестьян.

III.

Условія крестьянскаго хозяйства Россіи глубоко отличаются от условій крестьянскаго хозяйства на Украинѣ. Прежде всего, в Велико-россіи до самаго послѣдняго времени господствовала передѣльная община в то время как в коренной Украинѣ передѣльная община совершенно отсутствовала и только в восточной и южной части Украины общинные передѣлы появились в 19 вѣкѣ. В соотвѣтствіи с этим украинскій крестьянин гораздо болѣе привязан к своему клочку земли, чѣм крестьянин Великороссіи.

Затѣм, в Великороссіи крестьянское хозяйство охватывает инныя отрасли производства, чѣм в Украинѣ. На сѣверѣ Россіи земледѣліе мало развито благодаря неблагоприятным почвенным и климатическим

условіям—тут преобладает молочное хозяйство. В московском промышленном районѣ, гдѣ земля плохо родит, масса крестьянскаго населенія кормится не только от земли, но и от разнообразных промыслов—от отхожей работы в городах, фабриках и заводах, кустарнаго производства и пр. Только на южных окраинах Великороссіи крестьянское земледѣльческое хозяйство нашло' благоприятныя условия для своего развитія.

В Украинѣ масса крестьянскаго населенія живет почти исключительно земледѣліем; превосходныя почвенныя и климатическія условия дают возможность украинскому крестьянину, если только он обладает достаточным количеством земли, достигнуть обеспеченнаго положенія и без поденных промыслов, продавая избытки своего земледѣльческаго хозяйства. В связи с этим мы замѣчаем на Украинѣ образованіе многочисленнаго класса болѣе состоятельнаго крестьянства, в то время как в большей части Великороссіи группа болѣе богатых крестьян почти незамѣтна среди общей бѣдности.

Однако, не смотря на эти глубокія различія, украинское крестьянство не менѣе, чѣм великорусское, приняло дѣятельное участіе в революціонных движеніях 1905 и 1917 г. г. Крестьянскія требованія на Украинѣ существенно не отличались от крестьянских требованій в Великороссіи.

Требованія эти заключались в уничтоженіи крупнаго капиталистическаго землевладѣнія и передачѣ всей земли трудящемуся народу без всякаго выкупа. При этом руководящія крестьянскія партіи и в Россіи, и в Украинѣ сплотились под лозунгом „соціализаціи земли“. Под соціализаціей земли партіи эти понимали полное уничтоженіе частной земельной собственности (не только по отношенію к землѣ, находящейся во владѣніи крупных землевладѣльцев, но и к той, которой владѣет крестьянство) и передачу земли в уравнительное пользованіе трудящихся земледѣльцев, с-происходящими от времени до времени передѣлами ея, для сохраненія уравнительности землепользованія.

Иными словами, имѣлось ввиду создать уравнительную земельную общину, распространивъ ее на всю землю и проведя возможно строже начало уравнительности землепользованія.

С этими требованіями выступила масса как русскаго, так и украинскаго крестьянства и достигла разрушенія помѣщичьяго хозяйства.

Чѣм-же были вызваны указанныя требованія и почему они в равной мѣрѣ были поддержаны как великорусским крестьянством, привыкшим к порядкам уравнительной земельной общины, так и украинским крестьянством, с этими порядками совершенно незнакомым?

Причины этого довольно сложны.

Присоединяясь к лозунгу „соціалізація земли“ крестьянство, как и в Россіи, так и в Украинѣ, стремилось к одному—к возможно большему расширенію своего землепользованія. При этом на первом планѣ имѣлся ввиду захват помѣщичьей земли. Требованія же уравнительнаго распредѣленія всей земли, как помѣщичьей, так и крестьянской, явилось по той причинѣ, что при уравнительном распредѣленіи земли малоземельный крестьянин мог рассчитывать на большее расширеніе своего землепользованія, чѣм при захватѣ только помѣщичьей земли: при „соціалізаціи земли“ земля должна отбираться не только у помѣщиков, но и у тѣх крестьян, кто имѣет земли больше, чѣм пришлось-бы ей при равномѣрном распредѣленіи по душам. Таким образом, соціалізація земли общает в наибольшей мѣрѣ расширить землепользованіе малоземельных крестьян.

Что же касается требованія распредѣленія земли не в собственности, а во временное пользованіе, то смысл этого требованія заключается в слѣдующем. При соціалізаціи земли должны потерять землю не только крупные владѣльцы, ведущіе капиталистическое хозяйство, но и тѣ крестьяне, которые обрабатывают землю своим собственным трудом, если только в их владѣніи земли больше, чѣм приходилось бы им при равном распредѣленіи земли по душам. Соціалізація земли нарушает, таким образом, трудовое право на землю—право трудящегося земледѣльца на землю, обработанную его собственным трудом. Этому трудовому праву на землю, праву, к которому каждый трудящійся не может не относиться с уваженіем, нужно было противопоставить какое-либо высшее право. Таким высшим правом и является равное право каждого трудящегося на землю—откуда слѣдует, что земля не может быть распредѣлена в собственность, но лишь во временное пользованіе трудящегося, для того, чтобы не нарушить права других трудящихся на землю.

Если всѣ имѣют равное право на землю, то земля должна от времени до времени вновь распредѣляться между трудящимися, ибо с теченіем времени естественно возникает неравенство в распредѣленіи земли.

Вот почему малоземельное крестьянство примкнуло к требованію „соціалізаціи земли“—это требованіе общало наибольшее расширеніе землепользованія средняго крестьянства.

Но почему крестьянство Россіи и Украины с такой энергіей выдвинуло требованіе возможно большаго расширенія своего землепользованія, не останавливаясь при этом перед разрушеніем права земельной собственности, находящаго в крестьянинѣ Запада такого стойкаго защитника? Каким образом не только великорусскій общинник, но и украинец, не имѣвшій никакого представленія об общинном дѣлежѣ землѣ и привыкшій поколѣніями самым упорным образом

отстаивать свой собственный клочек земли, высказались самым решительным образом за уничтожение частной собственности на землю?

Объясняется это слѣдующим образом. Масса крестьянства как в Россіи, так и в Украинѣ, страдает от малоземелья. Хотя это мало-земелье, как было выяснено раньше, обусловливается низким уровнем производительности труда нашего крестьянина, тѣм не менѣе средній русскій и украинскій крестьянин не в силах прокормиться с принадлежащей ему земли. Отсюда вытекает для крестьянина необходимость арендовать помѣщичью землю или идти на отработки в помѣщичью экономію.

В этом отношеніи положеніе крестьянина и в Россіи, и в Украинѣ совершенно сходно. И здѣсь, и там крестьянин арендует помѣщичью землю и работает у помѣщика.

Таким образом, русскій и украинскій крестьянин, в противоположность тому, что мы видим в странах зажиточнаго крестьянскаго хозяйства Запада, работает как на своей, так и на чужой землѣ. Его собственная земля не может обезпечить ему даже полуголоднаго существованія.

В то-же время он имѣет свою землю и упорно держится за нее. Его мечтой является зажиточное хозяйство у себя дома, в своем селѣ, он не хочет бросать своего поля и идти в наемные рабочіе к помѣщику или в город. Нѣтъ, он хочет быть хозяином, имѣть свою хату, свою лошадь, свою корову, свой плуг, работать не по чужой указкѣ, а у себя.

Отсюда и вытекает у нашего крестьянина страстная жажда земли. Без расширенія своего землевладѣнія он не может выбиться из нужды; и эта необходимая ему земля находится у него под боком, у сосѣдняго помѣщика.

Что-же удивительнаго, что масса крестьянства и в Россіи, и в Украинѣ идет за тѣми партіями, которыя обѣщают крестьянину дать землю?

Вообще, нужно замѣтить, что в тѣх странах, гдѣ распространена крестьянская аренда помѣщичьей земли, крестьянство охотно идет за крайними партіями. Это мы видим не только у себя, но и в Ирландіи Сѣверной Италіи и других странах. Гдѣ-же крестьянство обезпечено своей землей, там оно отстаивает частную земельную собственность.

На Западѣ не создалось крестьянскаго движенія, направленнаго к уничтоженію частной земельной собственности и передачѣ всей земли в руки трудящихся по той причинѣ, что на Западѣ земельная тѣснота по мѣрѣ хода экономическаго развитія не растет, а падает. Объясняется это быстрым ростом на Западѣ промышленности и города. Населеніе на Западѣ уходит из деревни в город и в деревнѣ

остается все меньше и меньше народу. В деревнѣ становится все просторнѣе и просторнѣе.

Напротив, у нас—и в Россіи и в Украинѣ—в деревнѣ с каждым годом становится все тѣснѣе и тѣснѣе, так как деревенское населеніе быстро растет. Этому растущему населенію деревни становится все труднѣе и труднѣе прокормиться на своем клочкѣ земли—и вот почему крестьянская масса у нас так охотно поддерживает требованія „соціализаціи земли“.

Из всего сказаннаго вытекает, что земельная реформа у нас неизбежна. Какой характер окончательно примут земельныя отношенія в Россіи и Украинѣ—сказать трудно. Во всяком случаѣ можно ожидать, что крупная земельная собственность не устоит в борьбѣ с крестьянским движеніем.

Глава IV.

Формы трудовой промышленности.

I.

Трудовая промышленность может имѣть три основныя формы—домашняго производства, ремесла и кустарничества.

Домашним производством называется изготовленіе промышленныхъ издѣлій для собственныхъ нуждъ даннаго хозяйства и притомъ, какъ общее правило, изъ сырья, добытаго въ предѣлахъ даннаго хозяйства. Въ этой формѣ промышленность значительно древнѣе земледѣлія. Даже народы, стоящіе очень низко по уровню своего развитія, знакомы съ разнообразнымъ промышленнымъ мастерствомъ—изготовленіемъ луковъ и стрѣлъ, плетеніемъ цыновокъ, посуды изъ лыка и корней, гончарничествомъ, дубленіемъ кожъ и т. п. С возникновеніемъ земледѣлія эта форма промышленности получаетъ дальнѣйшее развитіе.

Вплоть до настоящаго времени большая часть потребностей крестьянской семьи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обмѣнъ слабо развитъ, удовлетворяется трудомъ самого семейства. И теперь крестьянское семейство въ глухихъ мѣстностяхъ Россіи само изготовляетъ себѣ одежду изъ льна или пеньки, выросшихъ на полѣ, обработанномъ тѣмъ-же крестьяниномъ, живетъ въ домѣ, построенномъ изъ своего-же лѣса своими-же руками, ходитъ въ лаптяхъ собственнаго приготовленія и т. д., и т. д.

Въ своемъ постепенномъ развитіи производство для собственныхъ нуждъ проходитъ двѣ ступени развитія. Первоначально продуктъ совершенно не продается и потребляется безъ остатка самимъ производителемъ.

Во второй ступени развитія извѣстная часть продукта, излишекъ, ненужный для собственнаго потребленія, поступаетъ въ продажу; здѣсь уже происходитъ обмѣнъ. Переходъ отъ первой ко второй ступени вызывается, главнымъ образомъ, разслоеніемъ крестьянскаго хозяйства. Чтобы удовлетворить всѣмъ своимъ хозяйственнымъ потребностямъ, крестьянинъ долженъ располагать достаточнымъ количествомъ земли; пока земли достаточно, нѣтъ необходимости въ покупкѣ предметовъ потребленія со стороны. Но крестьянское населеніе раслаивается, выдѣляются семьи

с большим количеством земли, производящія избыточные продукты, и другія семьи—малоземельныя, которым не хватает производимых ими продуктов. Многоземельныя хозяйства начинают продавать свои излишки продуктов, малоземельныя семьи принуждены покупать недостающее. Таким образом, продукт крестьянского труда поступает на мѣстный рынок, а затѣм попадает и в каналы торговли.

На базарах русской и украинской деревни обыкновенно можно встрѣтить разнообразныя продукты крестьянского домашнего производства—холсты, пряжу, сукна, издѣлія из дерева и пр., производимые не специально для сбыта, а для собственного потребления и продаваемые по излишеству в собственном хозяйствѣ или по случайной нуждѣ в деньгах. Именно поэтому перед нами в данном случаѣ не ремесло или кустарничество, а то же домашнее производство, лишь случайно и отчасти работающее для сбыта.

Разложеніе домашнего производства движется вперед соотвѣтственно росту мѣнового хозяйства, но не слѣдует думать, что хотя бы в современном городѣ оно уже достигло своего завершенія. Еще на наших глазах одна отрасль производства за другой отщепляется от домашнего хозяйства и приобретает характер самостоятельнаго предпріятія. Так, напр., еще очень недавно мытье бѣлья было отраслью домашнего хозяйства, так же, как и шитье платья, вязанье чулок, вышиваніе, печенье хлѣба и т. д. У нас до настоящаго времени приготовленіе пищи остается даже в городѣ прочной составной частью домашнего хозяйства. Но в Западной Европѣ и Америкѣ развитіе ресторанной жизни приводит к тому, что и эта отрасль домашнего хозяйства отмирает.

Тѣм не менѣе, существуют извѣстныя условія, поддерживающія в деревнѣ эту форму промышленности, равно как и другія формы мелкой крестьянской промышленности. Дѣло в том, что в земледѣліи процесс производства прерывается на зимніе мѣсяцы. В странах с холодным климатом перерывы эти особенно продолжительны и охватывают большую часть года. В зимнее время работа земледѣльца если не совсѣм прекращается, то очень значительно сокращается и сводится преимущественно к уходу за скотом. Наличность свободнаго зимняго времени и поддерживает в крестьянском хозяйствѣ разнообразную домашнюю промышленность. Крестьянин может находить для себя удобным обрабатывать в зимнее время продукты своего хозяйства даже и в том случаѣ, если его работа вознаграждается самым ничтожным образом. Так, напр., в нашей деревнѣ еще до настоящаго времени широко распространено домашнее пряденье и ткачество для собственных нужд. Пряденье конопли и льна есть одно из главных занятій крестьянской дѣвушки в зимнее время; если оцѣнить работу пряденья на деньги, то получится до смѣшнаго ничтожная сумма—за

недѣлю дѣвушка выпрядала пряжи (до войны) не болѣе, чѣм на 60—70 к. Однако, домашнее пряденье держится чрезвычайно упорно, — без него рабочая сила крестьянской дѣвушки могла-бы совсѣм не получить примѣненія и крестьянин находит, что лучше ничтожный заработок, чѣм никакого.

II.

Разложенье домашнего хозяйства приводит к тому, что обособляющіяся отрасли промышленнаго труда принимают характер ремесла. Под ремеслом понимают такую форму трудовой промышленности, при которой мелкій производитель работает не для своих нужд, а на посторонняго потребителя, без каких-бы то ни было торговых посредников. Можно различать два вида ремесла — наемное и продажное ремесло. В первом случаѣ ремесленник обрабатывает по заказу потребителя сырой матеріал, принадлежащій потребителю-же. Ремесленник не является собственником изготавливаемаго продукта, который на всѣх ступенях производства принадлежит заказчику. Во втором случаѣ ремесленник обрабатывает сырой матеріал, принадлежащій ему самому, добытый в его собственном хозяйствѣ или купленный им за свой счет. Продукт принадлежит в этом случаѣ первоначально ремесленнику и затѣм переходит в собственность потребителя.

Первая форма ремесла является болѣе ранней. Ремесленник, владѣющій самыми простыми орудіями, ходит по домам потребителей и ищет работы, которую и исполняет в домѣ заказчика.

Этот вид наемнаго ремесла, который можно назвать отхожим ремеслом, до сих пор очень распространен в великорусской деревнѣ — такими наемными отхожими ремесленниками являются, напр., шерстобиты, плотники, каменщики, точильщики, шубники, стекольщики и т. д. Отличной чертой отхожаго ремесла является то, что ремесленник работает в помѣщеніи хозяина. Такое ремесло возможно лишь в том случаѣ, если орудія производства очень просты и удобо-переносимы. Но есть цѣлый ряд ремесел, которые требуют весьма громоздких орудій производства; ремесленник берет в этом случаѣ работу себѣ на дом, — перед нами домашнее наемное ремесло. При отхожем ремеслѣ главная сила ремесленника заключается в его трудѣ, а не во владѣніи орудіями производства; в домашнем-же ремеслѣ большую роль начинают играть средства производства. Домашним наемным ремеслом является, напр., ткачество, мукомольное дѣло, кузнечный промысел и т. п.

Обѣ эти формы отхожаго и домашняго наемнаго ремесла были первоначально очень широко распространены.

Первые ремесленники в средневековом городѣ обладали самыми ничтожными имущественными средствами и могли поэтому работать только по найму; по мѣрѣ роста ремесленного производства увеличивалась зажиточность ремесленников и они получили возможность покупать матеріал за свой счет, что представляло извѣстныя выгоды и для заказчиков, так как ремесленники могли лучше знать качество матеріала. Таким образом, ремесленник стал обрабатывать свой собственный матеріал,—возникло продажное ремесло, при чем продукт или поступал в продажу, или же изготовлялся по заказу потребителя. Но, во всяком случаѣ, продукт непосредственно переходил от производителя к потребителю без участія торговаго посредника.

Новѣйшее время характеризуется сильным упадком самостоятельнаго ремесла. Однако, это не значит, что ремесло окончательно сходит со сцены. Численность ремесленников даже растет. Так, хозяев-ремесленников в Германіи в 1816 г. считалась $\frac{1}{2}$ милліона, в 1861 г.—1 милліон, а в 1895 г.—считалось 1,3 милл. Однако, если сравнить рост числа ремесленников с ростом числа фабричных рабочих, то окажется, что рост первых идет гораздо слабѣе.

Упадок ремесла выражается, главным образом, в паденіи их заработков, под вліяніем чего происходит слѣдующая многозначительная перемѣна: ремесло, бывшее первоначально на Западѣ городским производством, в новѣйшее время переходит в деревню или из крупных городов в мелкіе. Так, в Германіи болѣе половины ремесленников живет теперь в деревнѣ или маленьких городках. В большом городѣ ремесленнику становится все труднѣе выдерживать соперничество новых форм промышленности. Ремесленник или попадает на фабрику или же превращается в домашняго рабочаго, работающаго на магазин или по заказам промышленнаго капиталиста.

Но этот упадок ремесла в больших городах объясняется не столько тѣм, что ремеслу приходится соперничать с машиной, сколько развитіем в городѣ торговли. Городское населеніе все болѣе привыкает удовлетворять свои потребности путем покупки всего необходимаго в магазинах. Даже починка вещей, которая раньше поручалась ремесленникам, теперь все болѣе сосредоточивается в том-же магазинѣ, гдѣ была куплена данная вещь. Именно магазины, а не фабрика, являются главным врагом ремесла, превращая ремесленника в наемнаго домашняго рабочаго капиталиста.

В Россіи и Украинѣ городское ремесло никогда не играло такой роли, как на Западѣ. Наши русскіе города не были промышленными. Правда, Петр I-й и Екатерина II-я хотѣли создать в Россіи городское ремесло, но все эти попытки остались на бумагѣ. Цеховое ремесло не могло развиваться у нас потому, что для этого не было соотвѣтствующих экономических условій.

Но это не значит, что для Россіи и Украины ремесло является совершенно чуждой формой производства. Наоборот, в настоящее время ремесло развито в Россіи, и, особенно, в Украинѣ относительно больше, чѣм на Западѣ, но не в городѣ, а в деревнѣ. Если в центральной Россіи господствующей деревенской промышленностью является кустарное производство, то в Украинѣ преобладает деревенское ремесло. Объясняется это тѣм, что в Украинѣ крестьянское хозяйство производит много разнаго рода сырья, которое и перерабатывается на мѣстѣ. Первоначально эта переработка производилась в предѣлах той-же крестьянской семьи,—господствующей формой промышленности было домашнее производство для собственных нужд. Но мало-по-малу, под вліяніем, с одной стороны, разложенія первобытной большой семьи, а с другой стороны—разслоенія крестьянскаго хозяйства, производство для собственных нужд превращается в ремесло.

Это превращеніе нерѣдко происходит еще и теперь, на наших глазах. Возьмем, напр., очень широко распространенное на Украинѣ домашнее ткачество. Первоначально домашнее ткачество было принадлежностью каждой крестьянской семьи. И теперь еще в Украинѣ нерѣдко встрѣчаются деревни, гдѣ почти в каждом дворѣ имѣется ткацкій станок, на котором изготовляют в зимнее время разнаго рода ткани для нужд той-же семьи. Тканью подвергается преимущественно пеньковая пряжа, выпряденная из своей-же пеньки. Но деревни, сохранившія старинное домашнее ткачество, обыкновенно принадлежат к числу тѣх, в которых большинство крестьян хорошо обеспечено землей. В малоземельных-же деревнях появляются специалисты-ткачи, которые начинают заниматься ткачеством, как своим специальным промыслом, обрабатывая за деньги пряжу, приносимую им другими крестьянами. Обыкновенно—даже почти исключительно—ткачи выходят из среды безземельных или малоземельных крестьян, принужденных искать для существованія каких-либо неземледѣльческих заработков. Становясь специалистами по ткачеству, они достигают извѣстнаго искусства, недоступнаго для домашней ткачихи, почему для тѣх крестьянских дворов, которые сѣют коноплю и прядут ее дома, становится выгодным, вмѣсто того, чтобы ткать ее самим, отдавать ткать за небольшую плату на сторону ткачу-специалисту. Таким образом, из первоначальнаго домашняго ткачества для собственных нужд возникает ткацкое ремесло.

Ткацкое ремесло является самым распространенным ремеслом Украины. Почти в каждой деревнѣ есть нѣсколько ткачей, а в малоземельных деревнях число ткачей достигает значительной части всего деревенскаго населенія. В этом случаѣ ткачи берут пряжу не только от своих односельчан, но и от крестьян сосѣдних деревень, причем

промысел все-же остается ремеслом, так как работа производится непосредственно на потребителя.

Ткачество грубого пенькового полотна представляет собою типичное наемное домашнее ремесло, которое хотя и не развивается, но и не сокращается замѣтным образом. Несмотря на крайнюю грубость техники, ручное ткачество держится в деревнѣ, опираясь, с одной стороны, на нищенскую оплату труда ткача, с другой стороны—на то, что крестьянин производит ченьку в собственном хозяйствѣ и не должен ее покупать. Другіе виды ткацкаго ремесла находятся въ худшем положеніи. Так, напр., к числу падающих промыслов в украинской деревнѣ относится тканье шерстяных матерій, сукон, „запасок“, „плахт“ и пр. Матеріи этого рода имѣют уже болѣе высокую цѣнность и при грубости техники ручного ткачества не могут выдержать соперничества с фабричными издѣліями, которыя их быстро вытѣсняють. Не меньшее значеніе в этом послѣднем отношеніи имѣет также и паденіе крестьянскаго овцеводства, благодаря чему крестьянин лишается необходимаго сырья.

Примѣром отхожаго наемнаго ремесла, которое еще недавно было очень распространено в нашей деревнѣ, может служить шерстобитье. Шерстобиты ходят по селам, нерѣдко заходя при этом за сотни верст и дальше от своего села, и бьют шерсть на дому у заказчика. Иногда шерстобиты отправляются в отход цѣлыми группами, иногда по одиночкѣ. Этот промысел также падает, отчасти благодаря конкуренціи машины для битья шерсти, но, главным образом, благодаря упадку крестьянскаго овцеводства.

Портняжескій промысел представляет собою вид наемнаго ремесла, которое имѣет частью отхожій, частью домашній характер. Портные иногда берут работу на дом, иногда же они ходят по селам в поисках работы и работают на дому у заказчика. Так как употребленіе готоваго платья в русской и украинской деревнѣ мало распространено, а шитье его дома, силами самой крестьянской семьи, с разложеніем большой семьи и, вообще, упадком домашняго хозяйства сокращается, то портняжескій промысел принадлежит к числу быстро развивающихся. В этой области замѣтна и болѣе совершенная техника: портные и швеи обыкновенно работают на швейных машинах.

Развивающимся промыслом является и сапожный промысел, который по своему экономическому характеру представляет собой частью домашнее наемное, частью продажное ремесло: иногда сапожники шьют сапоги из кожи, которую им приносят заказчики, но чаще они сами покупают кожу за свой счет и продают сапоги своим односельчанам или на базарах крестьянам сосѣдних деревень. Еще больше они занимаются починкой старых сапог.

К числу развивающихся промыслов относятся во многих мѣстах бондарный промысел (частью домашнее наемное, частью продажное ремесло), плотничный промысел (отхожее наемное ремесло), кузнечный промысел (частью домашнее наемное, частью продажное ремесло). Гончарный промысел представляет собой частью ремесло (продажное), но, главным образом, кустарничество. Гончар иногда сбывает свои продукты непосредственно потребителям—наваливает на воз посуду и ѣздит по сосѣдним деревням, продавая посуду бабам, а в прежнее время нерѣдко обмѣнивая ее на рожь и другой хлѣб—и в этом случаѣ он является деревенским ремесленником. Но гораздо чаще гончар, за трудностью найти таким образом сбыт для своего продукта, должен продавать его скупщику—и в этом случаѣ промысел приобретает характер кустарнаго производства.

В общем, деревенское ремесло в Украинѣ, как надо думать, не только не падает по числу занимаемых рук, а быстро растет. Многіе промыслы падают, но на смѣну им выдвигаются другіе и занимают их мѣсто. Распаденіе домашняго хозяйства крестьянской семьи приводит к тому, что, не смотря на обѣднѣніе крестьянства, спрос на продукты чужого труда возрастает. Этот растущій спрос частью удовлетворяется продуктами капиталистической промышленности, но за всѣм тѣм остается мѣсто и для роста ремесла.

Характерной особенностью великорусской деревни является широкое распространеніе в ней разнаго рода отхожих промыслов. В центральной Россіи нерѣдко цѣлыя обширныя области живут отхожими промыслами: почти все взрослое мужское населеніе таких областей уходит лѣтом на разнообразныя заработки и в деревнѣ остаются только женщины, дѣти и старики. За послѣднія десятилѣтія отход чрезвычайно усилился; крестьянин не может прокормиться у себя дома и принужден уходить из него в поисках работы на большее или меньшее время. В таких губерніях, как Костромская, Калужская, Тверская, Ярославская, уходило (до войны) на промыслы около $\frac{1}{3}$ всего крестьянскаго населенія. Промыслы уходящих крестьян крайне разнообразны; всего болѣе рабочих рук привлекают разнообразные строительные промыслы, затѣм большую роль в промышленном отходѣ играют различныя деревенскія ремесла, работа на фабриках и заводах, в торговых заведеніях и т. п. Отход накладывает своеобразный отпечаток на весь строй жизни великорусской деревни. Благодаря постоянным передвиженіям крестьянскаго населенія, русская деревня живет болѣе общей жизнью с городом и, вообще, со всей страной, чѣм, напр., деревня Запада, гдѣ крестьянин нерѣдко никогда не покидает того клочка земли, гдѣ он родился и гдѣ сосредоточены всѣ его интересы.

III.

Кустарной промышленностью называется мелкое производство на широкій рынок; оно тѣм существенно отличается от ремесла, что между производителем и потребителем въ этом случаѣ всегда стоит раздѣляющій их посредник. Эта форма промышленности рѣзко отличается от ремесла по своей экономической природѣ, так как необходимость капиталистическаго посредника болѣе или менѣе стѣсняет свободу и самостоятельность мелкаго производителя. Тѣм не менѣе, должно различать два основных рода кустарной промышленности. В одном родѣ замѣчается полное подчиненіе производителя капиталисту. Этот род можно назвать зависимою формой кустарной промышленности. Второй род можно назвать свободной формой. В этом послѣднем случаѣ подчиненіе мелкаго производителя капиталисту выступает менѣе,— мелкій товарный производитель относительно (но лишь относительно, а не вполне) свободен.

Зависимая форма (иначе называемая домашней системой крупной промышленности) не является трудовой промышленностью, так как в ней господствует капитал, а непосредственный производитель, кустарь, является наемным рабочим капиталиста. Напротив, свободная форма кустарничества должна быть отнесена к трудовой промышленности, так как кустарь в этом случаѣ работает за свой страх и риск, владѣет средствами производства и своим трудовым продуктом.

Возьмем, напримѣр, мелких англійских суконщиков начала 19 вѣка. Мастер-суконщик сам покупал шерсть, превращал ее в грубое сукно, но это сукно продавал не непосредственно потребителю, а на особо устроенных суконных биржах, которыя были во всѣх главнѣйших городах сѣверной Англіи, сбывал его торговцам сукном. Каждый мастер имѣл свое особое мѣсто на биржѣ и продавал сукно по вольной цѣнѣ. Такой мастер не был ремесленником, потому что отличительной чертой ремесла является работа на потребителя, а не на торговца. С другой стороны, это и не капиталистическая домашняя система, так как в данном случаѣ мы видим свободу мелкаго производителя продавать свой товар, кому угодно. Торговец сукном не был, слѣдовательно, хозяином мелкаго суконщика.

В Россіи кустарная промышленность имѣет широкое развитіе в деревнѣ, особенно в центральном районѣ, преимущественно там, гдѣ земледѣліе по тѣм или иным причинам не удовлетворяет потребностям населенія: малоземелье является одним из важных условий возникновенія кустарной промышленности. Но все-же русская кустарная промышленность, в большинствѣ случаев, сочетается с земледѣліем.

Кустарная промышленность в Россіи и Украинѣ проявляется в обѣих основных формах мелкаго производства на посредника—свободной и зависимой. Трудно сказать, какая форма преобладает.

Можно думать, что среди земледѣльцев преобладает зависимая форма кустарной промышленности, а среди земледѣльцев—свободная форма.

Наиболѣе свободная форма кустарной промышленности наблюдается тогда, когда кустарь или сам добывает сырой матеріал, или покупает его на сторонѣ (не у скупщика своих издѣлій), а выработанный продукт продает торговцу по своему выбору. Здѣсь кустарь не является рабочим опредѣленнаго капиталиста, так как он не находится в постоянных отношеніях ни с кѣм из них.

Такая болѣе свободная форма кустарной промышленности наблюдается только в тѣх отраслях кустарнаго труда, гдѣ матеріал легко доступен для кустаря, напримѣр: дерево, глина, шкуры и мѣх животных, и т. п. Поэтому сюда относятся такіе промыслы, как гончарничество, производство многих издѣлій из дерева, плетенье корзин, лаптей, скорняжный промысел и т. п. Однако, и в этих промыслах кустарь нерѣдко попадает в зависимость от скупщика.

Слѣдующей формой кустарной промышленности, в которой вліяніе капитала сказывается уже сильнѣе, является та, при которой кустарь покупает за свой счет сырые матеріалы на сторонѣ, но поставляет свой товар уже всегда одному и тому-же опредѣленному капиталисту (переход к зависимой формѣ).

Слѣдующая ступень подчиненія кустарной промышленности капиталу заключается в том, что кустарь покупает сырой матеріал у того-же торговца, которому он продает свои продукты. Такой кустарь номинально свободен, фактически-же находится в полной зависимости от скупщика, у котораго покупает матеріал и у котораго, обыкновенно, находится в неоплатном долгу. Зависимость эта тѣм больше, чѣм болѣе цѣнностью обладает сырой матеріал.

Послѣдняя ступень подчиненія капиталу кустарной промышленности наблюдается, когда кустарь получает от капиталиста-заказчика сырой матеріал и обрабатывает его за сдѣльную плату. Тут уже нѣтъ и тѣни свободы кустаря—кустарь такой-же наемный рабочій капиталиста, как и любой фабричный рабочій.

Глава V.

Кооперация и ея виды.

I.

Развитіе капиталистическаго хозяйства представляет собой самое выдающееся явленіе хозяйственной исторіи новаго времени. Капитал со всѣх сторон охватывает собой современную хозяйственную жизнь—если в области сельскаго производства трудящійся производитель и вытѣсняет капиталистическаго предпринимателя, то часто в области обмѣна крестьянское хозяйство вездѣ сталкивается с огромной силой капитала. В промышленности-же капиталистическое производство безусловно господствует.

Отдѣльный трудящійся челоуѣкъ, предоставленный своим собственным слабым силам, легко становится жертвой капитала. Не только наемный рабочій принуждается экономической необходимостью отдавать часть своего трудового продукта своему нанимателю—капиталисту; в таком точно положеніи находится рабочій и по отношенію к другим видам капитала. Как покупатель предметов потребленія, рабочій оплачивает из своего трудового дохода прибыль капиталиста—лавочника, торгующаго этими предметами потребленія из своей лавки; как наниматель квартиры, тот-же рабочій оплачивает из своего кармана доходы домовладѣльца, и т. д., и т. д. Точно так же мелкій самостоятельный производитель со всѣх сторон становится жертвой капиталистическаго прижима.

Правда, мелкій самостоятельный производитель—хотя-бы крестьянин—не работает по найму в пользу капиталиста и владѣет своим трудовым продуктом. Тѣм не менѣе, он постоянно испытывает на себѣ давленіе капитала. Как самостоятельный производитель, он нуждается в средствах производства; для приобрѣтенія этих средств производства нужен денежный капитал, чтобы получить его—нужно уплатить высокій процент заимодавцу. Выступая на рынкѣ в качествѣ продавца своего трудового продукта, крестьянин становится жертвой капиталистов—скупщиков, которые, пользуясь хозяйственной слабостью крестьянина, покупают его продукт по цѣнѣ значительно

визшей рыночной. Покупать же все необходимое ему, крестьянину, приходится по цѣнѣ несоразмѣрно высокой. Арендуя землю, крестьянин подвергается прижиму землевладѣльца и т. д.

Таким образом, капитал со всѣх сторон давит трудящіеся классы. Отдѣльный трудящийся не в силах защитить свои интересы, но соединившись вмѣстѣ, трудящіеся становятся грозной силой.

Объединеніе трудящихся возможно в разных формах и с разными цѣлями. В области политической жизни борьба трудящихся приводит к образованію особых политических партій трудящихся; эти партіи стремятся путем политической борьбы улучшить положеніе трудящихся и захватить в свои руки политическую власть. Как продавцы рабочей силы, наемные рабочіе объединяются для защиты своих экономических интересов и образуют рабочіе союзы. Третьей формой самозащиты трудящихся—самозащиты путем созданія в противовѣс капиталистическим предпріятіям своих собственных предпріятій—является кооперация.

Кооперативом называется своеобразное хозяйственное предпріятіе, глубоко отличное от капиталистическаго предпріятія. Капиталистическое предпріятіе имѣет своей цѣлью доставленіе собственнику предпріятія наибольшей прибыли на затраченный капитал. Только для полученія прибыли—иначе говоря, нетрудового дохода—капиталист затрачивает свой капитал на устройство предпріятія. В прибыли заключается весь смысл и вся цѣль капиталистическаго предпріятія.

Напротив, кооператив стремится не к капиталистической прибыли, а к цѣлям совершенно иного рода. Правда, кооператив платит проценты за тот капитал, которым он пользуется, и оплачивает извѣстной прибылью свой паевой капитал. Но эта оплата капитала в кооперативѣ имѣет совершенно иной характер, чѣм в капиталистическом предпріятіи.

Возьмем, напр., потребительный кооператив—общество потребителей, слагающееся из группы лиц, объединяющих свои закупки предметов потребленія. Этот кооператив имѣет свой паевой капитал, образующійся из паев, вносимых каждым членом общества. Этот паевой капитал общество оплачивает извѣстным процентом. Но потребительное общество существует не для того, чтобы доставлять пайщикам наивысшій доход на их пай; наоборот, потребительное общество стремится возможно ниже оплачивать свои пай, для того, чтобы возможно больше чистой выручки от продажи оставалось заборщикам общества—потребителям. Отсюда ясно, что потребительное общество существует в интересах потребителей, а не в интересах капитала.

Именно поэтому потребительное общество и является кооперативом. Возьмем какой-либо кооператив по сбыту, хотя-бы маслодѣльную артель. Маслодѣльной артелью называется группа крестьян,

имѣющих коров и устраивающих за общій счет маслодѣльный завод, перерабатывающій поставляемое молоко в масло. Чистая выручка за проданное масло распределяется в маслодѣльной артели между ея членами по количеству поставленнаго молока.

Какой смысл имѣет такое распределеніе выручки? Почему выручка распределяется не по паям, которые каждый член артели вносит на устройство маслодѣльнаго завода, а по поставляемому каждым членом молоку? Вѣдь в стоимость производства масла входит не только молоко, но и многое другое. Казалось-бы, всего разумнѣе было-бы распределять выручку по долѣ каждого в расходах по производству масла, т. е. по количеству внесеннаго каждым капитала, включая сюда и цѣну поставляемого каждым молоку.

Однако, маслодѣльная артель, как неизмѣнное правило, распределяет чистую выручку не по паевому капиталу, а по поставленному молоку. Очевидно, для такого распределенія выручки существуют серьезныя основанія. Паявой капитал в маслодѣльной артели получает свою долю, но артель стремится, как и потребительное общество, возможно ниже оплачивать паявой капитал. Оно оплачивает паявой капитал опредѣленным процентом, возможно менѣе высоким, для того, чтобы возможно больше оставалось для распределенія между поставщиками молока. Именно потому маслодѣльная артель и является кооперативом—в противном-же случаѣ она была-бы капиталистическим предпріятіем.

Итак, и маслодѣльная артель нисколько не менѣе потребительнаго общества стремится свести к наименьшим размѣрам вознагражденіе капитала: оно существует в интересах не капиталистов, а производителей молока. Этим и объясняется распределеніе выручки по количеству поставленнаго молока.

Кредитный кооператив чистаго типа совсѣм не имѣет паевого капитала. Он оплачивает процентом вклады и существует в интересах не вкладчиков, которые никакого участія в управленіи товариществом не принимают, а исключительно в интересах заемщиков, интересы которых требуют возможнаго пониженія процента на капитал. Таким образом, в кредитном товариществѣ не капиталистическій характер предпріятія выступает с полной очевидностью.

Наконец, если мы возьмем трудовой кооператив—производительную артель—группу рабочих, сообща владѣющих средствами производства, сообща работающих и владѣющих сообща изготавливаемыми ими продуктами, то тут ни о каком капиталистѣ не может быть и рѣчи, ибо для того рабочіе и объединяются в артели, чтобы работать на себя, а не на капиталиста, чтобы не отдавать капиталисту своего трудового продукта. Доход артельщиков есть трудовой доход, а не капиталистическая прибыль.

Таким образом, к какому-бы роду кооперативов мы ни обратились, вездѣ мы видим, что кооператив, в противоположность капиталистическому предпріятію, не только не стремится к капиталистической прибыли, но стремится к обратному—к возможному уменьшенію капиталистической прибыли. Капитал всегда разсматривается кооперативом, как нѣкоторая враждебная сила, без помощи которой обойтись невозможно и которую необходимо поэтому оплачивать, но которой отнюдь не слѣдует подчиняться и которую слѣдует оплачивать возможно болѣе низко.

Итак, кооператив есть предпріятіе, не стремящееся к капиталистической прибыли. Что-же является цѣлью кооператива?

Так как кооператив есть одна из форм хозяйственной самозащиты трудящихся, то кооператив может преслѣдовать лишь тѣ цѣли, которыя ставят себѣ в своей хозяйственной дѣятельности трудящіеся классы. В чем-же заключаются эти цѣли? Либо в увеличеніи трудовых доходов, либо в сокращеніи расходов на потребительныя нужды. Эти цѣли и являются цѣлями кооперативов.

Но интересы трудящихся могут защищаться в области хозяйства различным образом. Защиту эту может брать на себя государство, земство, городское управленіе и другія организации, обладающія принудительной властью над населеніем. Кооперация защищает интересы труда иначе, на основѣ полной свободы каждаго, без какого бы то ни было принужденія.

Кооперация и принудительные общественные союзы нерѣдко преслѣдуют однѣ и тѣ-же цѣли и соперничают, таким образом, друг с другом. Возьмем, напр., потребительныя общества; онѣ борются за удешевленіе жизни нуждающихся классов населенія. Но за ту же задачу берутся и городскія управленія. Так, напр., города нерѣдко устраивают городскія лавки для продажи тѣх или иных продуктов населенію по умѣренным цѣнам.

Если мы вспомним, какой огромной экономической силой обладают принудительные общественные союзы, то самая возможность соперничества с ними кооперативов покажется непонятной. Вѣдь государство и его органы собирает свои средства путем налогов. Экономическія средства государства кажутся неисчерпаемыми. Напротив, кооперативы не только не обладают столь-же обширными средствами, но, как общее правило, очень ограничены в средствах. И это естественно: вѣдь кооперативы возникают среди болѣе бѣдных классов населенія. Эти классы не располагают никакими избытками, никакими свободными капиталами.

Начинаются кооперативы обычно с самым ничтожным денежным капиталом, который только постепенно, послѣ продолжительнаго существованія кооператива, достигает больших размѣров. Таким образом,

перед нами двѣ хозяйственныхъ организаціи—одна изъ нихъ располагаетъ средствами, практически неисчерпаемыми и получаемыми безъ малѣйшаго затрудненія в желаемыхъ размѣрахъ путемъ принудительнаго обложенія населенія; другая-же организація до послѣдней степени стѣснена в средствахъ, собираемыхъ жалкими грошами среди болѣе нуждающихся общественныхъ классовъ. Развѣ возможно успѣшное соперничество между организаціями столь различной хозяйственной силы?

Опытъ показываетъ, что не только возможно, но что нерѣдко кооперативы оказываются болѣе пригодными для разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя они себѣ ставятъ, чѣмъ преслѣдующія сходныя цѣли учрежденія, связанныя с государствомъ.

Городскія лавки и тому подобныя учрежденія часто не имѣютъ успѣха не смотря на громадныя средства, которыя на нихъ затрачиваются. Рѣдко онѣ себя окупаютъ, обычно-же онѣ существуютъ только благодаря новымъ и новымъ затратамъ общественныхъ средствъ. Напротивъ, кооперативы не только окупаютъ себя, но и имѣютъ возможность накапливать изъ своей выручки крупныя сбереженія. Накопленные англійскими потребительными обществами капиталы считаются многими сотнями милліоновъ рублей, но, кромѣ того, эти общества имѣютъ возможность возратить своимъ членамъ изъ своей выручки свыше сотни милліоновъ рублей ежегодно.

Что-же возмѣщаетъ кооперативамъ недостатокъ капиталовъ при началѣ дѣла? В чемъ источникъ ихъ силы? Отвѣтъ нетруден. Если сила принудительныхъ союзовъ заключается в возможности принужденія населенія, то сила кооперативовъ заключается именно в ихъ полной добровольности, в совершенной свободѣ каждаго человѣка принимать или не принимать в нихъ участіе. Кооперативъ является такой хозяйственной организаціей, которая возникаетъ совершенно свободно, безъ какого-бы то ни было принужденія. Кооперативъ есть самопомощь населенія,—и в этомъ его сила.

Сравнимъ потребительное общество с лавкой, устраиваемой городомъ для борьбы с дороговизной тѣхъ или иныхъ продуктовъ. В городской лавкѣ управленіе принадлежитъ городскимъ властямъ, которыя сами непосредственно очень мало заинтересованы в томъ, чтобы лавка достигала своихъ цѣлей. Лавка существуетъ в интересахъ покупателей, но сами покупатели не принимаютъ никакого участія в управленіи ею. Они ничѣмъ не помогаютъ управленію лавкой и относятся къ ней такъ же, какъ и к любому капиталистическому предпріятію.

Возьмемъ теперь потребительное общество. Правда, начинать ему приходится с грошей и его первые шаги всегда сопряжены с огромными затрудненіями. Но зато члены потребительнаго общества лично заинтересованы в томъ, чтобы оно достигало своихъ цѣлей. Всѣ покупатели суть вмѣстѣ с тѣмъ и хозяева. Какое-либо упущеніе или

неисправность управленія лавкой контролируется самым дѣйствительным образом сотнями и тысячами участников кооператива. Каждый из них понимает, что неудача лавки есть его собственная неудача, и отсюда является готовность идти на извѣстные пожертвованія своими экономическими интересами, своим временем и трудом для поддержанія лавки.

Опираясь на эту общую заинтересованность всѣх участников дѣла, кооператив может достигать огромных результатов с самыми ничтожными средствами. Недостаток капитала замѣняется общей готовностью сдѣлать все возможное для успѣха общаго дѣла.

Городское предпріятіе въ интересах населенія есть опека послѣдняго сверху. Напротив, кооператив есть самопомощь самого населенія.

II.

Соотвѣтственно их различным задачам можно различать 9 слѣдующих различных родов кооперативов. Вот эти кооперативы, расположенные въ порядкѣ возрастающей сложности их задач:

- 1) Кредитныя и ссудо-сберегательныя товарищества.
- 2) Потребительныя общества.
- 3) Домостроительныя товарищества.
- 4) Закупочныя товарищества.
- 5) Товарищества по сбыту.
- 6) Товарищества по переработкѣ.
- 7) Производительно-подсобныя артели.
- 8) Трудовыя артели.
- 9) Производительныя артели.

На практикѣ наибольшее значеніе имѣют кредитныя товарищества, потребительныя общества, закупочныя товарищества, товарищества по сбыту и по переработкѣ. Теоретическій интерес представляют три вида кооперативов въ области труда (артелей). Характеристикѣ всѣх этих видов кооперативов и будет посвящено дальнѣйшее изложеніе.

III.

Родиной кредитных кооперативов, имѣющих своей цѣлью доставленіе кредита не крупным собственникам (как обычные банки), а мелким производителям, является Германія, гдѣ почти одновременно въ 50-х годах 19 вѣка возникает два вида таких учреждений, получивших въ послѣдствіи огромное развитіе. Инициатором учреждений одного рода (ссудо-сберегательных товариществ) был Шульце-Делич, другого (кредитных товариществ) — Райфайзен.

Кредитныя кооперативы Шульце-Делича имѣют въ виду кредитованіе преимущественно мелких городских торговцев и ремесленни-

ков. Каждый из таких мелких капиталистов и производителей мало кредитоспособен, но болѣе или менѣе значительная группа их, при солидарной отвѣтственности друг за друга, является уже вполне кредитоспособной. „Народные Банки“ Шульце-Делича и представляют собой союзы должников, из которых каждый ручается за другого и замѣняет недостаток имущественнаго обезпеченія у отдѣльнаго должника взаимной отвѣтственностью. Основной капитал такого „народнаго“ банка складывается из паев (небольшого размѣра), вносимых членами банка, распределяемыми между собой в ссуду капиталы, привлекаемые в банк, как и в обычные коммерческіе банки, преимущественно путем вкладов.

Так как эти банки предполагают внесеніе опредѣленнаго пая и потому доступны только людям с извѣстным (хотя-бы и небольшим) капиталом, то они подвергаются риску капиталистическаго перерожденія,—при удачѣ такой „народный“ банк легко превращается в обычный капиталистическій банк, что и произошло со многими „народными банками“ Шульце в послѣдніе годы.

Совершенно иным родом учрежденій мелкаго кредита представляют собой возникшія тоже в Германіи, по почину Райфайзена, кредитныя товарищества, главной задачей которых была организація кредита для крестьянских масс. Основным отличіем их от банков Шульце-Делича являются крайне незначительные размѣры пая. Единственным обезпеченіем кредитоспособности этих товариществ служит взаимная отвѣтственность их членов по обязательствам товарищества.

Кредитное товарищество Райфайзеновскаго типа является чрезвычайно своеобразным учрежденіем, идущим как-бы совершенно в разрѣз с современной хозяйственной системой. Создатель этих учрежденій, Райфайзен, выработал цѣлый ряд принципов их дѣятельности, представляющих для его послѣдователей своего рода святыню. Важнѣйшіе из этих принципов заключаются в слѣдующем:

1) в неограниченной отвѣтственности членов по обязательствам товариществ; 2) в принципѣ „локализація“, т. е. ограниченіи дѣятельности товарищества узкими предѣлами; 3) в воспрещеніи членам товарищества одновременно участвовать в нѣскольких товариществах; 4) в принципиальном отрицаніи пая, поскольку это допускается дѣйствующим законодательством; 5) в воспрещеніи назначать постоянное жалованье должностным лицам товариществ, кромѣ бухгалтера.

Второй, четвертый и пятый из этих принципов кажутся чѣм-то вродѣ экономической нелѣпости, каковой они были объявлены Шульце и его единомышленниками, ожесточенно боровшимися с райфайзеновскими организаціями. Так, принцип локализаціи требует, чтобы товарищество не выходило из тѣсных рамок узкаго района—обыкновенно данной деревни. Между тѣм, по общему правилу современной хозяйственной системы, расширеніе предпріятія увеличивает его хо-

зяйственную силу. Ограниченіе предпріятія небольшими размѣрами кажется ограниченіем и его хозяйственнаго значенія. Почему не расширить размѣров предпріятія, если оно идет хорошо?

Принципіальное отрицаніе паевого капитала кажется еще менѣе понятным. Как может какое-бы то ни было предпріятіе существовать без своего капитала, а тѣм болѣе кредитное предпріятіе, задачей котораго является доставленіе капитала своим сочленам; чѣм оно будет кредитовать послѣдних?

Наконец, отрицаніе оплаты услуг кажется верхом нелѣпости. Все современное хозяйство основано на личном интересѣ— и вот является хозяйственная организація, ставящая во главу угла принципъ, что труд не должен получать вознагражденія. Могут ли учрежденія, основанныя на таких принципах, рассчитывать не только на успѣх, но хотя-бы на самое мимолетное существованіе?

Жизнь показала, что не только могут, но что только именно такая организація и приспособлена к условіям крестьянскаго хозяйства. Каждый из приведенных принципов глубоко коренится в задачах и цѣлях, которыя ставят себѣ райфайзеновскія товарищества.

Принцип неограниченной отвѣтственности есть необходимое послѣдствіе того, что данная организація охватывает людей, не располагающих капиталом. Организація эта не может обезпечить выполненія своих обязательств своим капиталом, как обычное капиталистическое предпріятіе. Недостаток капитала она восполняет круговой порукой членов друг за друга.

Принцип „локализаціи“ вытекает из того, что задачей товарищества является доставленіе кредита даже бѣднѣйшим членам—тѣм, кто с точки зрѣнія обычнаго кредитнаго учрежденія является некредитоспособным, так как не располагает достаточными имущественными средствами. Что-же может замѣнить в глазах кредитора недостаток имущественнаго обезпеченія должника? Только личное довѣріе к должнику, основанное на самом близком знакомствѣ с его личностью и со всѣми услвіями его хозяйственной дѣятельности. При таком близком знакомствѣ с личностью должника, кредитор может быть так же спокоен за свои деньги, как если-бы онѣ были обезпечены солидным имуществом. В одной и той-же деревнѣ каждый превосходно знает друг друга и знает, какого довѣрія кто заслуживает; кромѣ того, односельчанам не представляет никакого труда знать дѣятельность друг друга. Поэтому, кредит, оказываемый таким товариществом каждому сочлену, может быть всецѣло основан на личных свойствах послѣдняго, а не на его имущественном обезпеченіи. Но если только товарищество перерастает извѣстныя границы, оно теряет преимущество близкаго личнаго знакомства сочленов друг с другом и при открываніи кредита вынуждено руководствоваться тѣми-же на-

чалами, как и всякое другое кредитное учреждение, т. е. исходит из имущественной состоятельности данного лица.

Третій райфайзеновскій принцип вытекает из того-же личного начала, на котором построена вся организація товарищества. Участвуя в нѣскольких товариществах, данное лицо ускользает из-под надзора каждого из них.

Четвертый принцип есть слѣдствіе основной особенности данной кредитной организаціи, как товарищества малоимущих людей. Если-бы товарищество имѣло паевой капитал, оно было-бы доступно только для лиц, способных внести пай, а не для бѣдной части населенія. Кредитует-же оно своих членов поступающими в товарищество вкладами. Правда, для начала операций все-таки нужен капитал, хотя-бы и небольшой. Но это затрудненіе обходится в кредитном товариществѣ путем займа этого капитала со стороны. Получивши взаимнообразно свой капитал, товарищество может начать свою дѣятельность, привлекать вклады, а затѣм из прибылей товарищества погасить сдѣланный при началѣ дѣла долг. Таким образом, не имѣя при возникновеніи никакого своего капитала, товарищество может быть так-же прочно и устойчиво, как любой капиталистическій банк.

Наконец, послѣдній райфайзеновскій принцип вызывается все тѣми-же особенностями крестьянскаго кредитнаго товарищества. В нем все основано на личном довѣріи. Лица, стоящіе во главѣ такого дѣла, должны участвовать в нем не ради выгоды, а только из желанія принести пользу своим товарищам; не получая вознагражденія деньгами, они тѣм болѣе вознаграждаются уваженіем и почетом, которые соединены с исполненіем таких общественных должностей. А так как при ничтожных размѣрах товарищества и при полном отсутствіи канцелярщины в его дѣятельности руководство им требует самой незначительной затраты труда, то приносимая таким образом жертва не может считаться значительной и непосильной для обыкновеннаго человѣка.

Кредитныя товарищества райфайзеновскаго типа оказались как нельзя болѣе приспособленными к условіям жизни деревни.

Как ни слабо в хозяйственном отношеніи каждое отдѣльное товарищество, товарищества представляют собой огромную силу, будучи связаны в одно цѣлое мѣстными и національными организаціями.

Эти широкія организаціи, охватывающія собой отдѣльныя товарищества, являются естественным, необходимым дополненіем послѣдних. Благодаря им, самое ничтожное кредитное товарищество, располагающее лишь нѣсколькими десятками членов, может рассчитывать на мощную поддержку всей кооперативной организаціи страны.

Райфайзеновскія кредитныя товарищества занимаются далеко не однѣми кредитными операціями, но стремятся оказывать помощь

своим сочленам почти во всѣх случаях хозяйственной жизни. Так, они организуют совмѣстную закупку предметов, нужных для сельскаго хозяйства, продажу продуктов труда членов товарищества, организуют совмѣстное пользование машинами, принимают мѣры для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній и т. д., и т. д.

Каждое отдѣльное кредитное товарищество терпитъ неудобства отъ отсутствія в нем равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ капиталовъ. При небольшомъ размѣрѣ его дѣйствій оно в извѣстное время года испытываетъ избытокъ прилива вкладовъ, не находящихъ на мѣстѣ достаточнаго помѣщенія, а в другое время—недостатокъ капиталовъ для удовлетворенія всего мѣстнаго спроса на кредитъ. Кромѣ того, отдѣльное товарищество можетъ привлекать только мѣстные капиталы, размѣръ которыхъ не можетъ быть значителенъ. С этими источниками слабости отдѣльныхъ товариществъ борются особыя организациі—союзы товариществъ, связывающіе между собой сотни и тысячи товариществъ извѣстной области. Союзы даютъ возможность направлять капиталы избыточные в однихъ товариществахъ, в тѣ товарищества, гдѣ чувствуется недостатокъ капиталовъ. В то же время, являясь сравнительно крупными кредитными учрежденіями, союзы устанавливаютъ связь между кредитными товариществами и широкимъ денежнымъ рынкомъ и привлекаютъ в товарищества обширные капиталы с этого рынка.

Всѣ эти организациі были созданы всецѣло самими кооперативами безъ всякой поддержки государства, которую большинство кооперативовъ отрицаетъ или, вѣрнѣе, отрицало. За послѣднее время в этомъ отношеніи наблюдается перемѣна и кооперативныя учрежденія обнаруживаютъ все больше готовности принимать помощь отъ государства, которое в Германіи идетъ имъ навстрѣчу. В 1895 году прусское правительство учредило „Прусскую центральную кассу кооперативнаго кредита“ с капиталомъ, который былъ постепенно доведенъ до 75 милліоновъ марокъ. Дѣятельность кассы развернулася очень широко и в настоящее время большинство кредитныхъ кооперативовъ находится в сношеніяхъ с кассой.

В Россіи и Украинѣ также существуютъ разнообразныя учрежденія мелкаго кредита. Учрежденіями типа „народныхъ банковъ“ Шульце являются до извѣстной степени наши „ссудо-сберегательныя товарищества“, исторія которыхъ начинается еще с 60-хъ годовъ. „Ссудо-сберегательныя товарищества“, с которыми у насъ связывались вначалѣ самыя радужныя надежды, далеко не оправдали этихъ надеждъ, что и неудивительно, такъ какъ ссудо-сберегательныя товарищества по самому своему роду мало приспособлены къ условіямъ крестьянскаго хозяйства. Благодаря требованію пая ссудо-сберегательныя товарищества недоступны для рядового крестьянина и потому большаго распространенія у насъ, при общей бѣдности и маломъ

значеніи мелкой буржуазіи, получить не могли. Впрочем, так как пай в них сравнительно невелики и могут быть уплачиваемы не единовременно, а по частям, то эти товарищества не так далеки от райфайзеновских товариществ.

Значительно позже у нас возникают „кредитныя товарищества“ райфайзеновскаго рода, число которых за послѣдніе годы стало быстро увеличиваться. Учрежденія этого типа стали возникать у нас только послѣ новаго закона 1895 года о кредитных товариществах. Такія товарищества получали капитал, необходимый для начала операций, в ссуду от Государственнаго банка, который слѣдил за их дѣятельностью. Товарищества принимают вклады и выдают кратко-срочныя ссуды своим членам.

Отличаются они от чистаго райфайзеновскаго типа тѣм, что в них обычно не существует неограниченной отвѣтственности членов (каждый член обычно отвѣчает по обязательствам товарищества лишь в нѣсколько раз болѣе против наибольшей суммы кредита, допускаемаго на одного члена) и не соблюдается на практикѣ принцип безплатности труда выборных должностных лиц. Кромѣ того, наши кредитныя товарищества не слѣдуют принципу „локализаци“ и далеко перерастают германскіе размѣры сельскаго товарищества. В Германіи на одно райфайзеновское товарищество приходится, в среднем, менѣе 100 членов, а у нас около 700. Объясняется это тѣм, что при сравнительно незначительном числѣ у нас товариществ, каждое из них, естественно, распространяет свою дѣятельность на болѣе обширную область и благодаря этому утрачивает тѣ преимущества, которыя отличают германскія товарищества.

Во многих областях Россіи и Украины кредитныя товарищества за послѣдніе годы получили широкое распространеніе и оказались вполне дѣйствительным средством для борьбы с деревенским ростовщичеством. Открываемым ими кредитом пользуется средній крестьянин для самых разнообразных цѣлей—покупки скота, орудій производства, арендованія земли, покупки земли и т. д. Кредитныя товарищества, помимо своего прямого назначенія, важны также и как организациі самопомощи крестьянства. В этом огромное воспитательное значеніе для русскаго крестьянина этих товариществ, равно как и других видов кооперативных учреждений.

К 1-му января 1916 года в бывшей Россійской Имперіи было 11.412 кредитных и 4.042 ссудо-сберегательных товариществ с 10 милліонами членов. Собственный капитал их составлял значительную сумму в 129 мил. руб.

В 1912 г. возник в Москвѣ „Московскій Народный Банк“, являющійся центральным учрежденіем кооперативнаго кредита Россіи. В 1917 г. на Украинѣ возник „Украинскій Кооперативный Народный

банк“, играющій такую-же роль по отношенію к кредитной коопераціи Украины.

IV.

Потребительными обществами называются союзы потребителей, закупающіе предметы потребления и затѣм перепродающіе их своим сочленам. При обычной покупкѣ предметов потребления у торговцев покупатель уплачиваетъ торговцу значительно высшую цѣну, сравнительно со стоимостью товара самому торговцу. Общество потребителей стремится сберечь потребителям эту переплату. Устройство их слѣдующее. Группа лиц составляет путем взноса паев опредѣленный капитал и затрачивает его на покупку предметов потребления и устройство помѣщенія для продажи этих предметов потребления членам общества, в пользу которых и идут выгоды даннаго предпріятія.

Потребительныя общества возникли в Англіи по почину знаменитаго отца англійскаго социализма Роберта Оуэна. Они стали возникать в двадцатых годах прошлаго вѣка и к 30-м годам в Англіи существовали уже сотни потребительных обществ. Однако, успѣх этих первых обществ был непродолжителен и к половинѣ 30-х годов почти всѣ они распались. Причины быстрого крушенія обществ коренились частью в новизнѣ самого дѣла, а частью в недостатках внутренняго устройства первых потребительных обществ.

Новая эпоха кооперативнаго движенія начинается с 1844 г.—с образованія 28 фабричными рабочими маленькаго городка сѣверной Англіи, Рочдэля, потребительнаго общества на новых началах. Общество это, названное его устроителями „Обществом честных рочдэльских піонеров“, имѣло громадный успѣх и послужило образцом для всѣх послѣдующих обществ потребителей. Устав этого общества был основан на том, что оно примѣнило новые принципы своей организаци и дѣятельности, которые и получили названіе, „рочдэльских принципов“, заключающихся, преимущественно, в слѣдующем: 1) в равноправности всѣх членов, независимо от количества находящихся в обладаніи каждаго паев,—каждый член должен имѣть только один голос; 2) в незначительном размѣрѣ паев, для возможности пріобрѣтенія их бѣднѣйшим населеніем; 3) в продажѣ товаров только на наличныя деньги, а не в кредит; 4) в установленіи цѣны продаваемых товаров приблизительно на рыночном уровнѣ, т. е. с причисленіем к закупочным цѣнам средняго барыша; 6) в распредѣленіи денежных остатков по покупкам каждаго члена.

Два первые принципа придаютъ потребителному обществу демократическій характер; благодаря слѣдованію третьему и четвертому принципу, общество имѣет в концѣ года довольно значительный денежный остаток, который и распредѣляется между членами по закупкам.

Члены общества выигрывают, слѣдовательно, не на дешевизнѣ товаров, приобретаемых в лавках потребительнаго общества (товары в нем, как общее правило, продаются по тѣм-же цѣнам, как и во всяком добросовѣстном магазинѣ), а на суммах, распределяемых в концѣ года. Таким образом, общество играет роль не только лавки, но и сберегательной кассы: так называемая прибыль общества, в сущности, представляет собою ничто иное, как суммированные сбереженія членов общества на мелочных покупках в теченіе года. Сбереженія эти дѣлаются совершенно незамѣтно для членов общества, так как каждый из них покупает товары по обычным рыночным цѣнам и, значит, без всякаго убытка для себя.

Наибольшее значеніе имѣет пятый принцип—своеобразная система распределенія денежнаго остатка. Если этот остаток распределяется между членами общества по вносимым ими паям, то общество неизбѣжно принимает характер капиталистическаго предпріятія, стремящагося к полученію наибольшаго барыша. Чѣм лучше его дѣла, чѣм больше дохода дает пай, тѣм менѣе склонны пайщики к включенію в свои ряды новых полноправных членов.

Таким образом, создается наклонность к ограниченію числа пайщиков, а значит, и к ограниченію операций общества. Напротив, при распределеніи остатка между членами по закупкам каждаго (при чем на пай отчисляется из остатка обычный процент), не только каждый член заинтересован возможно болѣе покупать у общества, но и всѣ они в совокупности заинтересованы в увеличеніи числа членов, так как чѣм больше послѣдних, тѣм болѣе денежнаго остатка на каждаго члена общества.

Практичность такой организаціи потребительнаго общества очевидна. Каждый получает возможность дѣлать без всякаго ущерба для удовлетворенія своих текущих нужд весьма значительныя сбереженія (в Англіи член потребительнаго общества получает, таким образом, в среднем болѣе 50 р. в год) и к тому-же избавляется от опасности поддѣлки и недоброкачества товаров, от чего в столь сильной мѣрѣ страдают покупатели в обычных лавках (особенно предназначенных для бѣдных покупателей).

Теперь всѣ рабочія потребительныя общества Великобританіи основаны на рочдальских принципах. Теперь в Великобританіи в потребительных обществах участвует свыше 3 миллионов членов. Болѣе четверти населенія Великобританіи пользуется выгодами участія в потребительных обществах, приобретаая в кооперативных лавках всевозможные предметы ежедневнаго потребленія—не только бакалею и мелочной товар, но и мясо, зелень, хлѣб, одѣжду, уголь, мебель, посуду и т. д.

Потребительныя общества Великобританіи группируются вокруг двух центров. Экономическим центром их являются два общества оптовых закупок—одно для Англіи, другое для Шотландіи. Духовным же центром является „Кооперативный союз“, (возникшій в 1869 г.), преслѣдующій цѣли пропаганды кооперативныхъ идей. Союзъ этотъ устраиваетъ ежегодные конгрессы представителей кооперативныхъ обществъ и стремится, чтобы кооперативное движеніе не измельчало и не теряло изъ виду своихъ болѣе отдаленныхъ высокихъ цѣлей. Что же касается обществъ оптовыхъ закупокъ, то они представляютъ собой мощную хозяйственную организацію, естественно дополняющую общества потребителей и устраняющую посредничество оптовыхъ торговцевъ подобно тому, какъ потребительныя общества устраняютъ посредничество розничныхъ торговцевъ.

Потребительныя общества могутъ не только закупать нужные товары на сторонѣ, но и самостоятельно производить ихъ въ собственныхъ мастерскихъ. Такимъ образомъ возникаютъ производительныя отдѣленія потребительныхъ обществъ, приобретающія за послѣднее время въ странахъ съ развитымъ кооперативнымъ движеніемъ все большее и большее значеніе.

Не нужно, однако, смѣшивать производительныхъ предпріятій потребительныхъ обществъ съ организаціями совершенно другого типа—производительными артелями. Въ послѣднихъ отсутствуетъ работа по найму и рабочіе являются собственниками средствъ производства. Фабрика же потребительнаго общества представляетъ собой такое предпріятіе, въ которомъ работа совершается наемнымъ трудомъ, а прибыль идетъ въ пользу потребительнаго общества, являющагося ея хозяиномъ. Потребительное общество выступаетъ, такимъ образомъ, въ роли капиталиста-хозяина, съ тѣмъ, разумѣется, отличіемъ, что оно не злоупотребляетъ своимъ положеніемъ хозяина, какъ обычный капиталистъ, и больше считается съ интересами рабочихъ. Производительныя предпріятія потребительныхъ обществъ вполне жизнеспособны и быстро растутъ.

Своеобразный типъ представляютъ собой потребительныя общества въ Бельгіи, гдѣ они тѣсно связаны съ политическими партіями. Въ особенности социалистическая партія находитъ себѣ могущественную поддержку въ своихъ экономическихъ организаціяхъ, среди которыхъ общества потребителей играютъ главную роль.

Что касается Россіи и Украины, то у насъ потребительныя общества появляются въ 60-хъ годахъ. Къ концу 90-хъ годовъ число членовъ потребительныхъ обществъ достигало у насъ уже 250 тысячъ; эта, сравнительно, значительная цифра отнюдь не доказывала, однако, силы нашего кооперативнаго движенія, такъ какъ среди російскихъ потребительныхъ обществъ преобладали въ это время общества при фабрикахъ и заводахъ, учреждавшіяся фабричною администраціей и почти не поль-

зовавшіяся самоуправленіем. В сущности, это не были свободные кооперативы, а организаціи совершенно иного типа, — нѣсколько преобразованныя фабричныя лавки. И только послѣ 1905 г., вмѣстѣ с общим подъемом русской общественности, у нас начинается быстро развиваться и кооперативное движеніе во всѣх его формах, в том числѣ и потребительные кооперативы, как в городѣ, так и в деревнѣ. Ко времени революціи в бывшей російской имперіи число потребительских обществ превысило 20.000. Большая часть этих обществ возникла в деревнѣ. Быстрый рост деревенских обществ объясняется тѣм, что при очень высоком уровнѣ прибыли торговца даже плохо руководимое потребительное общество может с успѣхом соперничать с торговцем. А так как в нашу деревню товар поступает обложенный чрезвычайно высоким процентом прибыли, то нисколько не удивительно, что даже не имѣвшіе никакого опыта крестьяне могут выручать в потребительном обществѣ барыши, достаточные для развитія общества.

Важное значеніе потребительных обществ для рабочаго класса в настоящее время почти никѣм не отрицается. Уже тѣ нѣсколько десятков рублей в год, которые в Англіи в среднем получает член потребительных обществ, составляет далеко не маловажное увеличеніе обычнаго дохода рабочаго, в особенности если к этому прибавить, что благодаря потребительным обществам рабочій получает товар не поддѣланнй и хорошаго качества. Важно и косвенное вліяніе потребительных обществ на товарныя цѣны. В мѣстностях со слабым развитіем торговли вліяніе это может быть очень сильным и приводить к огромному пониженію розничных цѣн—в Россіи и Украинѣ, напр., цѣны в деревенских лавках иногда понижаются послѣ открытія по близости потребительнаго общества на нѣсколько десятков процентов. Таким образом, от потребительнаго общества получают выгоду не только его члены, но и все населеніе—дань, платимая послѣдним торговцу, сокращается весьма значительно.

Затѣм, очень важно по отношенію к общему развитію современнаго хозяйственнаго строя, что в потребительных обществах создается новая хозяйственная организація существенно иного рода, чѣм капиталистическое хозяйство. Потребительное общество непосредственно устраняет капиталистическій обмѣн, замѣняет его планомѣрной организаціей обмѣна в интересах потребителей. Это вводит в современную систему хозяйства совершенно новое начало, начало сознательнаго руководства общественным хозяйством в интересах населенія. Хозяином потребительнаго общества являются не капиталисты, а обширная общественная группа, и цѣли потребительнаго общества заключаются не в полученіи наибольшей прибыли на затраченный капитал, а в возможно большем сбереженіи при расходованіи каждым членом общества своего дохода на нужды потребленія. Поэтому доходы

потребительнаго общества не представляют собой прибыли: это — накопленные сбереженія потребителей, а не прибыль на затраченный капитал.

Преобразуя обмѣн, потребительныя общества не довольствуются этим, но стремятся преобразовать и самое производство, — они выступают в роли предпринимателей и, устранивши капиталиста-торговца, стремятся устранить и капиталиста-фабриканта. И хотя с внѣшней стороны потребительное общество такой-же хозяин наемнаго рабочаго, как и всякій другой предприниматель, но чрезвычайно существенно, что хозяином в данном случаѣ является не чуждый рабочему капиталист, а общество, членом котораго состоит этот-же самый рабочій. Хозяином отдѣльнаго рабочаго является, слѣдовательно, в этом случаѣ рабочая группа, подобно тому, как это было-бы при социалистическом строѣ.

И при всем этом нужно имѣть ввиду, что потребительныя общества являются чрезвычайно мощными организаціями, охватывающими хотя-бы, напр., в Англіи — четвертую часть населенія и ведущими в той-же Англіи обороты на миллиарды рублей в год. Перед нами, слѣдовательно, новый хозяйственный мір, вырастающій с неустойчивой силой в нѣдрах стараго капиталистическаго міра, мір, основанный на противоположных началах, отрицающій этот старій мір.

В этих новых хозяйственных организаціях пролетарій получает то хозяйственное воспитаніе, без котораго он никогда не смог-бы удачно справиться с великой задачей созданія строя будущаго. В будущем рабочему придется самостоятельно руководить чрезвычайно сложным и грандіозным хозяйственным механизмом; для этого он должен обладать в высшей степени хозяйственным умѣньем, хозяйственной предприимчивостью и расчетливостью. Работая по найму на капиталиста, он не имѣет никакой возможности пріобрѣсть всѣ эти качества. Кооперативное воспитаніе должно их ему дать, — в этом и заключается великое историческое дѣло кооперациі.

Потребительное общество тѣм существенно отличается от других форм кооперативов, что это единственная форма пролетарскаго кооператива. Другіе кооперативы в области обмѣна служат интересам мелких производителей, доставляя им средства производства или организуя переработку и продажу продуктов мелкаго производства. Пролетарій лишен средств производства, не является собственником своего трудового продукта и потому не нуждается в кооперативах этого рода. Все его имущество заключается в предметах потребления. И потому только как потребитель, покупатель предметов потребления, он может быть членом кооперативной организаціи.

Именно это и придает потребительным обществам особую важность. Развитие капитализма ведет к пролетаризаціи населенія. Соотвѣтственно этому, растет значеніе и пролетарских кооперативных организацій. Поэтому нисколько не удивительно, что грандіозные успѣхи

потребительных обществ привели многих социалистов к мысли, что потребительные общества должны разрешить и весь великий социальный вопрос современности. Уже и теперь потребительные общества являются огромной экономической и социальной силой. Развѣ не может их дальнѣйшій рост повести к тому, что мало-по-малу потребительные общества охватят все народное хозяйство—в их руках сосредоточатся всѣ средства производства общества, и, таким образом, капиталистическій мір постепенно и незамѣтно превратится в новый мір, кооперативный и социалистическій, в котором владыкой будет не капиталист, а рабочий?

Но как ни естественны такія мечты, онѣ призрачны. Потребительные общества представляют собой огромную экономическую силу, но имѣющую свои совершенно опредѣленные границы.

И границы эти вытекают из самой природы потребительных обществ. Сила потребительнаго общества и его основное преимущество в борьбѣ с капиталистическим предпріятіем заключается в том, что потребительное общество, как таковое, всегда имѣет обезпеченный рынок. Оно не должно искать покупателей, ибо именно из покупателей и состоит. Отсюда слѣдует, что рабочіе могут сосредоточить в своих руках средства производства при помощи потребительных обществ лишь постольку, поскольку они выступают покупателями на рынкѣ. Но предметы потребленія вообще и предметы потребленія рабочаго класса в частности составляют лишь часть товаров на рынкѣ. Кромѣ предметов потребленія, общество производит и средства производства, которыя совсѣм не переходят в народное потребленіе. Рельсы, желѣзнодорожныя принадлежности, корабли и прочее—все это не покупается рабочими, и, значит, производство всего этого не может быть организовано потребительными обществами. А для развивающагося капиталистическаго хозяйства характерно именно постоянное увеличеніе доли общественнаго продукта, состоящей в средствах производства, и такое-же сокращеніе доли, состоящей в предметах потребленія.

Правда, другіе виды кооперативов создают спрос именно на средства производства—это именно всѣ тѣ кооперативы, которые объединяют мелких производителей, как, напр., закупочныя товарищества крестьян и т. п. Но при современных условіях техники мелкое производство может успѣшно развиваться только в сельском хозяйствѣ,—в промышленности-же торжествует крупное капиталистическое производство. Таким образом, из области закупочной кооперации естественно исключается в значительной мѣрѣ вся обширная и, главное, все растущая по своему значенію область производства средств производства промышленности.

Руководящим производством капиталистическаго міра является в настоящее время желѣзодѣлательная промышленность (недавно еще

была хлопчато-бумажная промышленность). В этой области мы наблюдаем и самые крупные предприятия, владеющие миллиардами рублей капитала. Потребительные общества рабочих совершенно не в силах овладеть этими главными твердынями современного капитала. Область потребительных обществ совершенно иная и гораздо более узкая по своему народнохозяйственному значению, а именно—область народного потребления.

И, притом, потребления не всего населения, а только части его—преимущественно более достаточных слоев рабочего класса и менее достаточных слоев буржуазии. Низшие слои пролетариата не могут быть надежными клиентами потребительных обществ потому, что они не представляют собой надежного рынка. Плохо оплачиваемый пролетариат должен вести полубродячее существование и не может связывать себя с потребительными обществами, для этого он слишком беспомощен и беден; к тому же потребительные общества продают на наличные, а он привык покупать в кредит. Наоборот, высшие имущие классы общества слишком богаты, чтобы нуждаться в кооперации. Потребительное общество не может удовлетворять изысканным потребностям богатых людей, так как оно рассчитывает на массового потребителя. Да богатым кооперация и не нужна. Итак, потребительная кооперация может, даже при своем наибольшем развитии, охватить только часть народного потребления.

Наконец, значительная часть общественного труда затрачивается при современных условиях хозяйства на производство предметов вывоза. Так, напр., значительно большая часть продуктов хлопчато-бумажного производства Англии уходит за границу. Как-бы ни были развиты потребительные кооперативы в Англии, они не могут сами по себе найти сбыт для той части английских товаров, рынком для которых является весь мир.

Правда, это последнее препятствие на известной ступени развития кооперации не является непреодолимым. Кооперация может перерастать границы отдельных стран и связывать между собой кооператоров различных государств. Так, английские потребительные общества находятся в прямых сношениях с датскими маслодельными кооперативами, и датские крестьяне без всякого посредства капиталистической торговли доставляют масло английским рабочим, организованным в потребительные общества. Но для этого требуется, чтобы как в странах ввоза, так и вывоза, были сильно развиты кооперативы, а это имеет место лишь в редких случаях. Те же продукты, которые вывозятся в малокультурные страны, не имеющие кооперативов, естественно, совершенно изъеются из области влияния потребительной кооперации.

Итак, совершенно ясно, что как-бы ни развивалась потребительная кооперация, равно как и другие формы кооперации, твердыни ка-

питалистического міра онѣ, как таковыя, сокрушить не могут. Но также ясно, что кооперація дает средства и организует силы для побѣды новаго строя, и что без коопераціи эта побѣда была-бы в высокой степени сомнительна.

V.

Одним из важных видов сельско-хозяйственных кооперативов являются кредитныя товарищества, обслуживающія преимущественно крестьянство. Но, кромѣ того, кооперація в крестьянском хозяйствѣ выражается и в цѣлом рядѣ организацій другого рода. Закупочныя товарищества, товарищества по сбыту и переработкѣ имѣют своей областью преимущественно крестьянское хозяйство.

Особенно интересны сельско-хозяйственныя товарищества по переработкѣ. Их нужно строго отличать от производительных артелей. В производительной артели предприятие принадлежит занятым в нем рабочим. Напротив, в товариществѣ по переработкѣ производство ведется наемным трудом, а собственником предприятия является группа мелких производителей, учреждающих предприятие для переработки за общій счет тѣх или иных продуктов своего производства. Типом учреждений этого рода и, вмѣстѣ, наиболѣе распространенной формой их может считаться маслодѣльное товарищество.

Маслодѣльныя товарищества современнаго типа возникают в Даніи. Первая товарищеская маслодѣльня в Даніи была устроена в 1882 г. Штиллингом-Андерсеном; она сразу обратила на себя общее вниманіе, и в слѣдующем году было устроено нѣсколько новых товарищеских маслодѣлен. Затѣм развитіе новой формы предприятия пошло необыкновенно быстрым темпом—ежегодно возникало по нѣсколько десятков, а вскорѣ затѣм и сотен предприятий этого рода. В 1913 г. в Даніи считалось 1.177 товарищеских маслодѣлен с 156 тысячами членов. Оборот этих маслодѣлен достигал в том-же году 326 мил. марок.

Товарищеская маслодѣльня организовывается слѣдующим образом. Маслодѣльня принадлежит группѣ крестьян, а также и болѣе крупных хозяев. Деньги на устройство маслодѣльни получаютъ там, гдѣ развиты кооперативныя учрежденія мелкаго кредита, обыкновенно из этих послѣдних. Хозяева маслодѣльни обязуются поставлять в маслодѣльню молоко из своего хозяйства. При этом молоко, принимаемое маслодѣльнею, тщательно расцѣнивается по своему качеству. Собранное таким образом молоко перерабатывается на маслодѣльнѣ под руководством опытнаго мастера при помощи других наемных рабочих в масло, которое затѣм и поступает в продажу. Вырученная сумма распределяется между хозяевами кооператива (за покрытіем, конечно, всѣх расходов) пропорціонально количеству молока, доставленнаго каждым.

Каждая отдѣльная маслослѣдствія связана в то же время в Даниі, путем цѣлаго ряда организацій, с другими маслослѣдствіями страны, и всѣ вмѣстѣ образуют одно стройное и связанное національное цѣлое. Результатом развитія маслослѣдствіих кооперативов в Даниі явилось чрезвычайное повышеніе техники производства. Все дѣло приготовленія масла было поставлено на вполне рациональную ногу, и качество масла настолько улучшилось, что датское масло стало считаться по своим достоинствам первым на мировом рынкѣ. Частнохозяйственное производство масла оказалось совершенно не в силах конкурировать с кооперативным, и в настоящее время болѣе 90% масла, изготовляемого в Даниі, вырабатывается в кооперативных маслослѣдствіях, огромное большинство участников которых принадлежат к числу средних и мелких крестьян.

С 90-х годов прошлаго вѣка начинается быстрое развитіе молочных товариществ и в других странах.

Другими образчиками товариществ по переработкѣ являются товарищества винодѣлов, крахмально-терочныя товарищества, кооперативныя мельницы, винокуренные заводы и пр.

Товарищества по покупкѣ и сбыту имѣют своей цѣлью избавить сельскохозяйственных производителей от эксплуатаціи со стороны торговцев. Особенное развитіе получила в разных странах закупочная кооперація, как значительно болѣе простая.

И эти товарищества связаны между собой въ мѣстные и національные союзы. Товарищества по продажѣ имѣют в Германіи менѣе значенія, чѣм в Даниі, гдѣ имѣется цѣлый ряд крупных национальных организацій по продажѣ разнаго рода сельскохозяйственных продуктов.

В Южной Германіи (а также и в других странах, напр., в Швейцаріи) за послѣдніе годы получили значительное распространеніе среди крестьян товарищества по совмѣстному пользованію сельскохозяйственными машинами (сельскохозяйственные производительно-подсобныя артели). Группа крестьян сообща покупает машину, и каждый отдѣльный член группы послѣдовательно пользуется машиной. Таким образом, крестьяне получают возможность пользоваться такими машинами, которыя слишком дороги для небольшого хозяйства, как, напр., паровая молотилка, а также сѣялки, жатвенныя машины и т. п.

Во Франціи сельско-хозяйственная кооперація вообще значительно меньше развита, чѣм в Германіи. Тѣм не менѣе, и во Франціи считается много тысяч так называемых сельско-хозяйственных синдикатов — кооперативных организацій самаго разнообразнаго характера. Синдикаты винодѣлов, садоводов, огородников, табаководов и др. преслѣдуют цѣли совмѣстной покупки нужных средств производства, продажи продуктов, приобрѣтенія нужных свѣдѣній, пользованія кре-

дитом и т. п. За послѣдніе годы во Франціи энергично развиваются товарищества по переработкѣ—винодѣльческія товарищества, производителей оливковаго масла, кооперативные, сахарные, крахмальные и винокуренные заводы и т. д.

Весьма любопытно кооперативное движеніе в итальянской деревнѣ. Интересно оно не своими размѣрами, а тѣм, что пытается создать такія формы кооперативов, которыя на практикѣ удаются всего рѣже. Оно стремится—и не безуспѣшно—разрѣшить крайне трудную задачу артельного производства. Особенно замѣчательны в этом отношеніи разнообразныя кооперативы итальянской провинці Реджи-Эмилиі. Кооперативное движеніе Реджи-Эмилиі развивалось под непосредственным вліяніем социалистов, и этим объясняется его своеобразный характер. Среди сельско-хозяйственных организацій этой провинці обращают на себя особенное вниманіе арендныя товарищества, возникшія за самыя послѣдніе годы. Товарищества эти стали образовываться послѣ неудачи широкаго стачечнаго движенія в итальянской деревнѣ в 1900—1901 г.г. Стачки повели к массовой безработицѣ, и вот крестьянскія социалистическія организаціи, чтобы найти своим членам работу, рѣшили приняться за коллективную обработку земли. В 1901 г. в Фабрико возникает первое такое товарищество из 471 семьи; оно арендует четыре имѣнія и ведет свои дѣла довольно успѣшно. Всѣми земледѣльческими работами руководит избранное правленіе; товарищество доказало на опытѣ возможность крупнаго артельного земледѣлія. Всего в Италіи имѣется свыше 80 таких арендных товариществ с общей обработкой земли.

Сельско-хозяйственная кооперація распространяется за послѣднее время и у нас. Первые попытки устройства в Россіи товарищеских сыроварен относятся к 60-м и началу 70-х годов, когда Н. Верещагин вмѣстѣ с нѣкоторыми другими лицами, при поддержкѣ нѣкоторых общественных учреждений и земств, создал цѣлую сѣть таких товариществ (так называемых артельных сыроварен, хотя это названіе и не точно, ибо это были не производительныя артели, а товарищества по переработкѣ, организованныя совершенно так же, как и молочныя товарищества Западной Европы) в Тверской, Ярославской, Новгородской и др. губерніях. Однако, эти попытки успѣха не имѣли и содѣйствовали только развитію крупнаго капиталистическаго маслослѣлія и сыроваренія, при чем нѣкоторые из руководителей этого дѣла превратились, в концѣ концов, в крупных капиталистических предпринимателей. Неудача эта крайне характерна в том отношеніи, что она показывает, как необходима для успѣха всякой коопераціи самодѣятельность населенія. Русское крестьянство к тому времени еще не было способно поддержать новыя хозяйственныя организаціи, предлагавшіяся ему интеллигенціей, и никакія усилія интеллигенціи не оказались способными восполнить этот существенный недостаток.

Можно было думать, что русская деревня почему-то совершенно невосприимчива к новым формам кооперации. Интеллигенція и земства охладѣли к кооперации, а отдѣльныя попытки в этом направленіи, которыя дѣлались друзьями кооперативнаго дѣла из среды интеллигенціи (напр., попытки устройства Н. В. Левицким земледѣльческих артелей), по прежнему приводили к неудачам. Но русская деревня понемногу пробуждалась и, мало-по-малу, в ней возникло сильное кооперативное движеніе такого-же типа, как и в Западной Европѣ.

Особенно интересно быстрое развитіе в Сибири маслодѣльных товариществ такого-же рода, как в Даніи. К 1910 г. их считалось в Сибири уже 1337. И в Сибири, как и в других странах, развитіе кооперативнаго производства имѣло своим слѣдствіем значительное поднятіе техники; хотя сибирскому маслу все еще очень далеко до датскаго, но оно уже не то, каким было еще очень недавно и, благодаря кооперации, заняло прочное мѣсто на міровом рынкѣ.

По приблизительному подсчету, уже около половины сибирскаго масла производится в кооперативных маслодѣльных. Послѣднія выдержали ожесточенную борьбу с частными капиталистическими маслодѣльными и вышли из этой борьбы побѣдителями. Процесс вытѣсненія частных заводов кооперативными во многих районах Сибири почти закончен.

Но рост сельско-хозяйственных кооперативов замѣчается не только в Сибири. И в других мѣстностях Россіи и Украины послѣ 1905 г., всколыхнувшего до основанія нашу деревню, стали возникать сельско-хозяйственные кооперативы самых различных видов—маслодѣльные товарищества, потребительныя общества, кредитныя товарищества, мелкія сельско-хозяйственныя общества, играющія роль закупочных и продажных товариществ, а иногда и арендных товариществ.

VI.

Кооперативы в области труда характеризуются тѣм, что извѣстная группа рабочих самостоятельно ведет производство или же сообща пользуется средствами производства. Рабочіе производителей и трудовых артелей образуют самоуправляющуюся группу, связанную в трудѣ производства в одно хозяйственное цѣлое. Производительно-подсобная артель возникает тогда, когда извѣстная группа рабочих сообща пользуется нѣкоторыми средствами производства, но каждый работает особо (напр., нѣсколько кузнецов, работающих каждый на свой счет, имѣют общую кузню, или нѣсколько гончаров имѣют общій горн и т. д.)

Общими условіями для возникновенія производительных артелей в том или ином промыслѣ являются, с одной стороны, необходимость крупных размѣров производства в данном промыслѣ по техническим условіям, с другой стороны—незначительность необхо-

димых затрат на средства производства. Чѣм проще техника промысла, чѣм менѣе развита в данном промыслѣ капиталистическая промышленность и чѣм необходимѣе в нем соединеніе трудовых усилий нѣскольких рабочих, тѣм легче возникает артель. В странах с развитой капиталистической промышленностью капиталистическое предприятие оставляет мало мѣста для артели. Напротив, в странах менѣе культурных артели могут достигать широкаго распространенія. К числу такихъ странъ принадлежит Россія.

Так, в сѣверныхъ губерніяхъ Россіи в охотничьем промыслѣ артель до сих пор играет весьма большую роль. В охотничьей артели в сѣверныхъ губерніяхъ обычно участвует от 4 до 10 человекъ, из которыхъ каждый должен доставить в артель опредѣленное количество сѣстныхъ и огнестрѣльныхъ припасов; добытая дичь дѣлится между охотниками поровну. В рыбном промыслѣ точно также сильно распространены артели. Охотничьи и рыболовные артели представляютъ собой иногда просто временное соединеніе группы лицъ для опредѣленной хозяйственной цѣли, распадающееся, когда эта цѣль достигнута, иногда же прочную и устойчивую хозяйственную организацію. Обыкновенно в рыболовныхъ артеляхъ имѣется выборный руководитель—староста, получающій обычно из добычи большую долю, чѣм другіе члены артели. Иногда такія артели совсѣм не имѣютъ наемныхъ рабочих, в другихъ же случаяхъ онѣ по временамъ нанимаютъ рабочих со стороны. Особый типъ представляютъ собой рыболовные артели такъ назыв. покрученниковъ на промыслахъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана. Онѣ не имѣютъ своихъ собственныхъ рыболовныхъ принадлежностей, получаемыхъ ими отъ предпринимателей, которымъ онѣ и отдаютъ в вознагражденіе за капиталъ извѣстную долю добычи.

Весьма интересны рыболовные артели на Псковскомъ озерѣ. В каждой изъ такихъ артелей участвуетъ 4—5 семействъ с числомъ рабочихъ до 12 человекъ и больше, в неравныхъ доляхъ участвующихъ в доставленіи капитала, необходимаго для артели (главнымъ образом, невода). Из полученной добычи часть идетъ на вознагражденіе капитала, пропорціонально паямъ каждаго члена артели, часть на вознагражденіе труда и распределяется в равныхъ доляхъ между членами артели. Староста артели—жердникъ—является ея выборнымъ руководителемъ и никакой самостоятельной властью не обладаетъ; его авторитетъ всецѣло основанъ на его большей опытности и знаніи дѣла.

В горнозаводской промышленности артель также имѣетъ значительное распространеніе, благодаря тому, что в горнозаводской промышленности отсутствуютъ затраты на сырье и, в то же время, требуется для успѣха дѣла сотрудничество многихъ лицъ. На Уралѣ имѣются артели золотоискателей, во многихъ мѣстностяхъ Россіи существуютъ артели камнеломовъ, артели по добычѣ разнаго рода руды, в

донецком краѣ наблюдаются артели углекопов и т. д., и т. д. Среди кустарей в нѣкоторых промыслах имѣют довольно широкое распространѣніе производительно-подсобныя артели (артельные горны, кузни, парни, валяльныя стирни и т. п.).

Русскія старинныя артели вполне похожи на подобныя же хозяйственныя организаціи, существующія у всѣх первобытных народов. Иного происхожденія „производительныя ассоціаціи“ Запада, с которыми одно время связывались надежды полного преобразованія общественнаго строя Европы и которыя возникли под непосредственным вліяніем социальных движеній новаго времени.

Самая грандіозная попытка устройства широкой сѣти производительных ассоціацій была произведена во Франціи послѣ революціи 1848 г., когда парижскій пролетаріат на короткое время овладѣлъ политической властью. Временное правительство ассигновало 3 милліона франков на устройство производительных ассоціацій и за нѣсколько лѣтъ возникло нѣсколько сот таких ассоціацій, из которых получили правительственную ссуду 56 товариществ. Однако, уже к началу 50-х годов прошлаго вѣка огромное большинство их распалось.

Чтобы оцѣнить условія жизнеспособности производительных кооперативов, необходимо, прежде всего, строго разграничить производительныя и трудовыя артели. Производительная артель в условіях современнаго хозяйства должна производить продукт для сбыта, так как современное хозяйство имѣет мѣншой характер. Она представляет собой самостоятельное хозяйственное предпріятіе, в котором хозяином является группа рабочих, сообща владѣющих средствами производства и изготовленным их общим трудом продуктом. Работая для рынка, производительная артель подчиняется и всѣм законам рынка. Она соперничает с другими предпріятіями, как всякое иное предпріятіе, — а в этом соперничествѣ побѣждает сильнѣйшій.

В качествѣ самостоятельнаго предпріятія — и это чрезвычайно важно имѣть ввиду — производительная артель представляет собой кооперативную организацію не только производства, но и покупки и сбыта. Успѣх производительной артели зависит не только от успѣшности исполняемаго ею труда, но нисколько не в меньшей мѣрѣ и от успѣшности ея операций по покупкѣ необходимых для нея средств производства и продажѣ изготовляемых ею продуктов. Доход производительной артели зависит в очень существенной мѣрѣ от умѣнья ея руководителей купить нужные продукты по возможно болѣе низкой цѣнѣ и дать свой продукт по возможно болѣе высокой цѣнѣ.

Таким образом, производительная артель есть нѣчто значительно большее, чѣм кооперация, только в области труда производства: она является родом полной кооперации, связывающей в одно хозяйственное цѣлое данную группу рабочих во всѣх их отношеніях к рынку.

Из этого вытекают особые трудности, на которые наталкивается именно этот род кооперации.

В производительной артели нѣтъ мѣста наемному труду. Члены ея должны собственными силами организовать не только процесс производства, но и всю коммерческую часть предпріятія. Но если для организации производства рабочіе являются подходящими людьми, так как процессы производства, по необходимости, всего болѣе им знакомы, то этого отнюдь нельзя сказать относительно коммерческих отношеній предпріятія. Обычный рабочій не обладает никакими свѣдѣніями относительно условій продажи того продукта, который он производит. При современных условіях хозяйства успѣх предпріятія, прежде всего, зависит от полного знанія рынка и от умѣнія приспособляться к требованіям рынка. Предпринимательская дѣятельность требует особых знаній и талантов, которыми обладает далеко не всякій, способный выполнить с успѣхом физическій труд.

Производительная артель, хотя и является крупным предпріятіем сравнительно с ремеслом или кустарничеством,—сравнительно с капиталистическим предпріятіем обычно является предпріятіем мелким. Рабочіе, образующіе артель, не обладая капиталом, обычно не могут создать и крупнаго предпріятія. Но мелкое предпріятіе в промышленности слабѣе крупнаго. Поэтому и помимо торговой неопытности рабочих, составляющих артель, артель слабѣе соперничающих с нею капиталистических предпріятій уже в силу своего меньшаго размѣра.

Но главная причина слабости производительной артели заключается в одной ея особенности, самым рѣзким образом отличающей ее от всѣх других видов кооперативов—в ея отрицаніи наемнаго труда. Во всѣх других кооперативах труд в кооперативѣ ведется при помощи наемных рабочих. И благодаря этому, кооперативы могут привлекать для этих операций наиболѣе пригодныя рабочія силы; напротив, в трудовых кооперативах для наемнаго труда мѣста нѣтъ. Благодаря этому отрицанію наемнаго труда производительная артель крайне стѣсняет себя в выборѣ наилучших рабочих сил и попадает в худшее положеніе сравнительно со всяким другим хозяйственным предпріятіем, свободно выбирающим рабочія силы, наиболѣе пригодныя для его цѣлей. Именно поэтому производительная артель слабѣе всякаго другого кооператива: она стѣснена в самом главном—в выборѣ наилучших рабочих сил.

По всѣм этим причинам производительная артель только в рѣдких случаях имѣет успѣх. Для успѣха требуются совершенно исключительныя условія и, прежде всего, исключительныя свойства рабочих, входящих в состав артели: рабочіе должны быть не только хорошими рабочими в обычном смыслѣ слова, но еще и обладать (по крайней мѣрѣ, нѣкоторые из них) талантами в дѣлѣ организации

предпріятія и устройства его коммерческой части. Но одних предпринимательских талантов недостаточно: нужна еще извѣстная нравственная высота участников артели—готовность к самопожертвованію (не говоря об обычной честности), так как раньше, чѣм достигнуть успѣха, нужно долгіе годы переживать неудачи и лишенія.

И этого, однако, мало: кромѣ личных талантов, для успѣха требуется еще и достаточный капитал, который рабочіе должны достать так или иначе из собственных сбереженій или со стороны, путем займа.

Всѣ эти условія только изрѣдка могут имѣться в наличности, и только в рѣдких случаях производительная артель в развитом капиталистическом хозяйствѣ в состояніи устоять в борьбѣ за существованіе. Из сотен возникающих артелей сохраняются немногія единицы. Но и эти особенно удачныя артели встрѣчают на пути своего развитія нсныя препятствія, почти всегда искажающія их чистый трудовой тип.

Дѣло в том, что производительныя артели, как и всякія другія предпріятія, работающія на рынок, должны приспособлять размѣры своего производства к потребностям рынка. Но рынок по условіям капиталистическаго хозяйства представляет собой колеблющуюся величину,—рыночный спрос то сокращается, то возрастает. Соотвѣтственно этому, каждое капиталистическое предпріятіе то сокращает, то увеличивает число своих рабочих. Артель не может сократить числа своих сочленов, так как всѣ они в равной мѣрѣ полноправные хозяева предпріятія. С другой стороны, артель не может принять в свой состав, в качествѣ полноправных членов, дополнительных рабочих, в которых она временно нуждается. Вообще, артель принуждена быть очень осмотрительной в пріемѣ новых членов, так как только рабочіе значительно выше средняго уровня могут быть полезными членами артели, и вводить в артель рабочих, не обладающих необходимыми для нея свойствами, значило-бы погубить все дѣло артели.

Выход из этого положенія может быть только один—артель принуждена имѣть наряду с полноправными членами также и наемных рабочих, по отношенію к которым артель не отличается от любого капиталистическаго предпріятія. Таким образом, успѣшная артель с роковой необходимостью утрачивает свой чистый трудовой тип, даже помимо желаній ея членов.

Но члены преуспѣвающей артели должны быть совершенно исключительными людьми, чтобы настаивать на сохраненіи ея трудового типа в полной чистотѣ. В успѣшной артели доход ея членов должен превышать обычный размѣр заработной платы,—именно в этом и выражается ея успѣх. При введеніи новых членов на равных условіях со старыми, старые члены должны отказаться от части своего дохода, достигнутаго многими годами энергіи и настойчивости,

в пользу новых членов, которые еще не имѣют никаких заслуг перед артелью. На такое самопожертвованіе во имя отвлеченнаго трудового начала рассчитывать, очевидно, нельзя.

И дѣйствительно, мы видим, что всѣ успѣвающія артели прибѣгаютъ въ большем или меньшем размѣрѣ къ наемному труду и являются, таким образом, въ большей или меньшей части, капиталистическими предпріятіями. Нѣкоторыя артели, наиболѣе преуспѣвшія, превращаются, въ концѣ концов, въ обычные капиталистическія предпріятія, работающія только наемными рабочими: прежніе рабочіе—члены артели—стали капиталистическими пайщиками предпріятія и отказались, за ненадобностью, от участія въ производствѣ личным трудом.

Такова была, между прочим, судьба и нѣкоторых производителей товариществ, возникших во Франціи въ концѣ сороковых годов. Товарищества эти, ввиду выдающихся качеств их учредителей, имѣли успѣх и развились въ огромныя предпріятія, но вполнѣ капиталистическаго типа. Так, товарищество производителей оптических инструментов, возникшее въ Парижѣ въ эту эпоху, сохранилось до настоящаго времени и имѣет миллионные обороты, но представляет собой обычную капиталистическую компанію.

Производительныя артели въ средѣ развитога капиталистическаго хозяйства стоят, таким образом, перед выбором—или гибели (что является их обычной участіем) или превращенія въ предпріятіе болѣе или менѣе капиталистическаго типа. Фактическое положеніе производительных артелей на Западѣ вполнѣ подтверждает этот общій теоретическій вывод. Производительных артелей очень мало и число их почти не растет, представляя въ этом отношеніи рѣзкую противоположность съ быстрым развитіем других кооперативов.

От производственной артели въ собственном смыслѣ слова слѣдует строго отличать трудовую артель. Производственная артель владѣет средствами производства и изготовленным продуктом, который она, подобно капиталистическому предпріятію, продает на рынкѣ. Напротив, трудовая артель продает не продукт, а свои трудовыя услуги. Члены трудовой артели работают за плату, подобно другим рабочим, но отличаются от послѣдних тѣм, что по отношенію къ нанимателю они являются недѣлимой группой, получают плату сообща, по своему усмотрѣнію распределяют ее между собой и болѣе или менѣе самостоятельно организуют труд производства. Въ то время, как въ производственной артели кооперативное начало охватывает собой всѣ отрасли хозяйственной жизни даннаго предпріятія, въ трудовой артели на кооперативных началах организуется только самый труд и продажа труда.

Соотвѣтственно болѣе простотѣ трудовой артели она наталкивается для своего осуществленія на гораздо меньшія трудности, чѣм производственная артель. Она может имѣть успѣх не только въ

малокультурных странах, но и при наличности высокоразвитого капиталистического хозяйства. Рабочіе в этом случаѣ могут получать средства производства от нанимателя, и, значит, избавляются от трудной задачи пріобрѣтенія средств производства. Они не выступают в роли самостоятельных производителей продуктов для сбыта и, прежде всего, не берут на себя несвойственной им торговой роли. С другой стороны, самостоятельно организуя труд, рабочіе болѣе заинтересованы в повышеніи его производительности, благодаря чему трудовая артель может работать болѣе производительно, чѣм простые наемные рабочіе. И потому трудовая артель может с успѣхом соперничать с другими формами трудовой оплаты.

В Россіи трудовая артель имѣет широкое распространеніе. Одним из обычных видов трудовой артели являются разнаго рода строительныя артели. Выгоды сотрудничества в этом промыслѣ очень велики, а орудія производства крайне просты. На этом и основано распространеніе строительных артелей. Строительная артель работает по найму, но свободно распредѣляет получаемую плату между своими сочленами и свободно организует самой труд. Насколько распространена артельная форма труда в крестьянском строительствѣ—сказать трудно; значительная часть крестьянских домов строится плотничьими артелями. Во главѣ таких артелей стоит руководитель артели, рядчик, на обязанности котораго лежит организовать артель и пріискивать работу. Он является выборным главой артели, но не ея хозяином. Численный состав плотничьей артели сильно колеблется; обыкновенно в артели участвуют 4, 5, много 10 человекъ. Вообще преобладают небольшія артели. В маленьких артелях всѣ члены получают поровну. В болѣе крупных оплата производится соотвѣтственно искусству труда; заработки артельщиков, напр., дѣлятся „на три руки“, на три разряда, в пропорціи 6, 5, 4, или 6, 4, 3; к этому присоединяется иногда и четвертый разряд рабочих—перволѣток. Староста иногда не вознаграждается особо, иногда же получает небольшое добавочное вознагражденіе.

Кромѣ строительнаго промысла, трудовая артель очень распространена в Россіи в разнообразных землекопных промыслах, работах по проведенію каналов, дорог и т. п., в промыслах по рубкѣ и сплаву лѣса, в разгрузкѣ разнаго рода товаров и т. д.

Что касается трудовой артели в развитых капиталистических странах, то, во всяком случаѣ, она распространена гораздо больше производительной артели. И, что особенно интересно, именно в новѣйшее время наблюдается усиленный рост артелей этого рода.

В Италіи трудовыя артели начали возникать с восьмидесятых годов прошлаго вѣка. В 1910 г. таких артелей в Италіи было 1017 с 95 тысячами членов.

Точно так же и во Франціи все болѣе распространяется обычай сдавать городскіе подряды самостоятельным артелям рабочих. Товарищества каменщиков, мостильщиков улиц, землекопов исполняют в Парижѣ и других городах Франціи обширныя работы по подряду.

Но всего болѣе эта система усвоена в Новой Зеландіи, гдѣ большая часть желѣзнодорожных сооружений исполнялась государством посредством подобных артелей.

В Англіи трудовыя артели извѣстны под названіем „системы кооперативной заработной платы“, практикующейся в нѣкоторых производствах (особенно в горном дѣлѣ). Нѣчто общее с трудовой артелью имѣет и так называемая „система трудового коопартнершипа“, которая встрѣчает горячих приверженцев среди нѣкоторой части англійских кооператоров. Система эта характеризуется слѣдующими чертами. Предпріятіе принадлежит обществу, которое с внѣшней стороны ничѣм не отличается от обычной акціонерной компаніи, кромѣ небольшой цѣны акцій. Но фактически акціи в большей или меньшей мѣрѣ принадлежат рабочим, занятым в предпріятіи, а иногда и почти цѣликом принадлежат им. В послѣднем случаѣ предпріятіе на самом дѣлѣ принадлежит занятым в нем рабочим и является производительной артелью. Но это представляет собой болѣе рѣдкій случай,—обычно-же промышленныя предпріятія на началах коопартнершипа принадлежат лишь отчасти рабочим, отчасти-же (и, обычно, в большей части) разнаго рода общественным и кооперативным учрежденіям. Очень часто потребительныя общества, путем пріобрѣтенія акцій предпріятій на началах коопартнершипа, становятся частичными хозяевами этих послѣдних. Самая существенная особенность предпріятій этого типа заключается в том, что рабочіе в них имѣют извѣстную долю в прибылях и в управленіи предпріятіем. В состав правленія, стоящаго во главѣ такого предпріятія, входит извѣстная часть членов, избираемых не акціонерами, а занятыми в предпріятіи рабочими.

Если акціи предпріятія на началах коопартнершипа принадлежат в очень малой степени рабочим даннаго предпріятія или совсѣм им не принадлежат, то такое предпріятіе, не будучи производительной артелью, заключает извѣстныя черты сходства с трудовой артелью. Рабочіе в этом случаѣ не являются хозяевами дѣла и не выступают в роли предпринимателей, но так как они принимают болѣе или менѣе дѣятельное участіе в организаціи производства в данном предпріятіи и распредѣленіи прибыли, то они, все-же, существенно отличаются от обычных рабочих по найму, ничѣм не связанных с предпріятіем. В этом и заключаются черты, сближающія коопартнершип с трудовой артелью.

З. Нос

6227

О Г Л А В Л Е Н И Е:

Введение.

СТРА-
НИЦЫ.

Чѣм занимается политическая экономія 3

Часть I. Капиталистическое хозяйство.

Глава	I. Хозяйственный строй до капитализма	7
"	II. Возникновение на Западѣ капиталистическаго хозяйства	21
"	III. Что такое капитал и капиталистическое хозяйство	31
"	IV. Капиталистическая промышленность	39
"	V. Обмѣн и цѣна	52
"	VI. Торговля	61
"	VII. Деньги	73
"	VIII. Кредит и банки	84
"	IX. Общее направленіе развитія капиталистической промышленности и торговли	89
"	X. Распредѣленіе народнаго дохода в капиталистическом хозяйствѣ	95
"	XI. Рабочіе союзы	123

Часть II. Трудовое хозяйство.

Глава	I. Крупное и мелкое производство в сельском хозяйствѣ	139
"	II. Земельная община	146
"	III. Крестьянское хозяйство и земельный вопрос в Россіи и на Украинѣ	160
"	IV. Формы трудовой промышленности	170
"	V. Кооперация и ея виды	179

5089

986

1915

